

ОГОНЁК

№ 37 СЕНТЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С ПРОИЗВОДСТВА — В ВУЗ

Они поступили в Московский станкоинструментальный институт. В первом ряду (слева направо): слесарь Юрий Богданов, лаборантка МТС Нелли Касенкова, слесарь Юрий Моисеев; во втором ряду: чертежница Лилия Трясунова, фрезеровщик Владимир Трофимов; в третьем ряду: автоэлектрик Виталий Кучеров, техник-технолог Реджинальд Ростовский, токарь Юрий Бондарев; в четвертом ряду: лаборантка Надежда Локтева, автоматчик Анатолий Шилин, строгальщица Маргарита Михайлова, слесарь Виктор Савин.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Василиса Никифоровна Ульянова (см. в номере очерк «Верность»).
Фото Галины Санько.

На последней странице обложки: Русский девичий хоровод «Березка».

Фото Е. Умнова.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

37 (1630)

7 СЕНТЯБРЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Достройка ледокола после спуска.

В Женеве во Дворце наций проходит одно из крупнейших событий в истории мировой науки: работает Вторая международная конференция Организации Объединенных Наций по применению атомной энергии в мирных целях. В ней принимают участие делегации 66 стран. Делегацию СССР возглавляет начальник Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР В. С. Емельянов. В делегацию входит большая группа академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР. Среди них такие крупнейшие ученые, как академики А. П. Александров, А. П. Виноградов, А. В. Топчиев, Н. Н. Боголюбов. Советским Союзом представлено свыше двухсот докладов, охватывающих все разделы науки, которые имеют отношение к применению атомной энергии.

С большим вниманием делегаты конференции заслушали адресованную ей приветственную телеграмму Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. Были оглашены приветствия премьер-министра Канады Дифенбейкера, премьер-министра Франции де Голля, премьер-министра Индии Неру, премьер-министра Великобритании Макмиллана и президента США Эйзенхауэра.

За три года, минувшие со времени Первой женевской конференции, техника мирного атома сделала исполинские шаги. Доклады показывают, что планы развития атомной энергетики не только реализованы, но и превзойдены. Работы советских ученых и инженеров, построивших атомный ледокол «Ленин», положили начало крупнейшей технической революции на транспорте. Огромны успехи в области применения радиоактивных изотопов в технике, биологии, медицине, сельском хозяйстве.

В центре внимания делегатов конференции — грандиозные перспективы овладения термоядерной энергией в мирных целях. Советские ученые — инициаторы благородного соревнования за мирное использование управляемых термоядерных реакций. Конференция показывает, что вклад советской науки в эту область значительный. Верный своей миролюбивой политике, СССР стремится сделать все для того, чтобы внутриядерная энергия использовалась только в мирных целях.

Нет сомнений в том, что конференция будет содействовать объединению творческих усилий ученых всего мира вокруг благородных задач науки и техники, благоприятно скажется на развитии дружественных отношений между народами земного шара.

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ „ЛЕНИН“

Владимир ОРЛОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Вековое соревнование пароходов и парусников завершилось бесспорной победой пароходов. Пароходы ныне подсмеиваются над бедными парусниками. Но по всем ли решительно пунктам состоялась эта победа?

Несомненно, что парусник был игрушкой ветров и узником штилей, но в одном он оставался свободным и независимым. Он использовал вечно живую, даровую энергию ветра и не думал о грузе топлива и о привязи к топливным базам. Пароход обрел независимость от капризов стихий, но стал узником топливных баз, рабом угольной ямы.

Неизвестно, состоялась бы эпоха великих географических открытий, если б муза техни-

ки, фантастической шутки ради, подсказала бы человечеству схему парохода раньше, чем идею парусника. Согласился бы Колумб пересечь на малютке-пароходике Атлантический океан и пустился бы Магеллан в кругосветное плавание, озираясь на тающий угольный бункер?

Проблема автономности плавания, актуальная для прошлых времен, остается актуальной и сегодня. И особенно остро ощущают ее моряки-полярники, покорители северных морей.

Шестьдесят шесть лет прошло с того дня, когда, возвращаясь с заседания Географического общества, адмирал С. О. Макаров до-

верительно сообщал Ф. Ф. Врангелю: «Я знаю, как можно достигнуть Северного полюса, но прошу вас об этом пока никому не говорить: надо построить ледокол такой силы, чтобы он мог ломать полярные льды... Это потребует миллионов, но это выполнимо».

Адмирал Макаров осуществил свой гениальный замысел: был построен «Ермак», положивший начало дружине русских ледоколов богатейской силы. При их помощи советские люди освоили Северный морской путь, сочетая в единой героической эпопее романтические подвиги моряков, ученых, авиаторов...

И все же современные ледоколы и транспортные суда ледокольного типа, работающие на угольном и нефтяном топливе, не могут плавать в арктическом бассейне по всей его широте. Их стесняет неусыпная забота о пополнении топливом. Они вынуждены держаться прибрежной полосы. К техническим факторам прибавляется фактор моральный: непрестанная угроза застрять во льдах без топлива заставляет капитанов осторожно расходовать его запасы. Очень часто поэтому ледоколы работают не на полную мощность, что снижает их эффективность при проводке судов.

Между тем развитие производительных сил Советского Союза поставило задачу создания нового, могучего, совершенного ледокольного флота, способного осуществлять ускоренную проводку караванов судов по трассе Северного морского пути, продлить период навигации, расширить трассу за счет более высоких широт, с целью увеличения грузооборота и объема арктических перевозок.

В идеале мыслился мощный ледокол с неограниченной автономностью плавания, способный преодолеть любую зону Арктики. Никакими обычными средствами невозможно было построить подобное судно. Оно могло быть создано лишь на основе всемогущей техники атомного века. Поэтому директивами XX съезда КПСС, определившими развертывание работ по созданию атомных силовых установок для транспортных целей, была предусмотрена также постройка ледокола с атомным двигателем.

На открывшейся на днях Второй международной конференции Организации Объединенных Наций по применению атомной энергии в мирных целях советские ученые поведали миру о том, как была решена эта благородная задача. Доклад об атомном ледоколе «Ленин» был сделан от имени основных его создателей И. И. Африкантова, А. И. Брандауса, Г. А. Гладкова, Б. Я. Гнесина, В. И. Неганова, Н. С. Хлопкина во главе с руководителем работ академиком А. П. Александровым. Под руководством этого выдающегося физика-экспериментатора велись многие исследования в области ядерной физики, соорудились атомные реакторы.

Доклад произносится с той самой трибуны зала Дворца наций, с которой три года назад впервые прозвучало сообщение о советской атомной электростанции. В то время, на Первой женевской конференции, Советский Союз был единственной страной, представившей доклад о сооружении и работе первой промышленной электростанции, использующей энергию атомного ядра. На всю жизнь нам запомнилась бурная реакция зала. Ход второй конференции показывает, что советский почин стал могучим побудительным импульсом развития промышленной атомной энергетики. Сегодня народы всего мира, наблюдающие за работой конференции глазами своих ученых, еще раз убеждаются в том, что советские люди прочно держат знамя научного первенства. СССР выступает ныне единственной страной, представившей доклад о реальных достижениях по применению атомной энергии в качестве двигательной силы.

Как, однако, сдержан и скромно этот исторический манифест, знаменующий величайшую из технических революций на транспорте! Но собравшиеся в зале Дворца наций пролагатели путей в атомную эру по достоинству оценивают его значение. С нескрываемым жадным интересом прижимают ученые к ушам телефонные трубки, где звучит переводимая на три иностранных языка неторопливая русская речь.

Схемы следуют за схемами, фотографии за

фотографиями. И в могучем облике корабля, вырисовывающемся на экране, все присутствующие видят не только флагмана советской ледокольной флотилии — открывателя новых районов Арктики, но и флагмана грядущего всемирного флота атомных кораблей.

Ледокол был заложен на ленинградской верфи 25 августа 1956 года и спущен на воду 5 декабря 1957 года. В честь великого вождя он был назван именем «Ленин». Сейчас он достраивается на плаву.

Вот он стоит, пришвартованный к причалу. Его палубные надстройки еще окружают строительные леса, и на них, как жар-птицы с фиолетовыми хвостами, перепархивают дуги электросварки. Еще тихо кадят голубым дымком раскаленные жала электропаяльников, углубляясь в дремучий монтаж узлов автоматики, и раскрашенные в пестрые цвета радиодетали, прилепляясь друг к другу, образуют многоцветное полотно, как мазки на картине Врубеля. Но корабль уже начал жить своей неиссякаемой атомной жизнью. Колеблются стрелки динамометров, измеряя исполнительное напряжение швартовов, и винты за кормой буряют воду. Три винта — «коренник» и два «пристыжных» (половиной мощности) — составляют здесь буйную подводную тройку. Их суммарная мощность — 44 тысячи лошадиных сил.

«Пробивное действие» ледокола, способность преодолевать льды, связывают обычно с его энерговооруженностью — отношением мощности двигателя к водоизмещению судна. Водоизмещение ледокола — 16 тысяч тонн. Значит, на тонну приходится $2\frac{3}{4}$ лошадиных сил! Эта цифра намного превосходит показатели сильнейших ледоколов мира, в том числе и крупнейшего американского судна «Глетчер». Она достаточна для того, чтобы ледокол продвигался непрерывным ходом через лед толщиной в полтора человеческих роста с завидной скоростью в два узла.

Выражаясь языком моряков, атомный ледокол представляет собой гладкопалубное судно с умеренной седловатостью, удлиненной надстройкой и двумя мачтами. Он имеет четыре непрерывные палубы и две платформы. На открытой части шлюпочной палубы размещены катера и спасательные шлюпки, а в кормовой части — взлетная площадка для вертолета и ангар.

Морской волк, привыкший оценивать вззаскательным глазом форму кораблей, как наездник оценивает экстерьер породистых лошадей, вероятно, останется удовлетворенным этим судном. Его крепко сложенный, седловатый корпус хорошо защищен от волн, захлестывающих судно на ходу; при длине в 134 метра ледокол имеет почти тридцатиметровую ширину, что способствует лучшей маневренности во льдах; относительно малая осадка допускает заводить корабль в сухие доки; гармоничная, продуманная форма носовой части позволяет на 15 процентов увеличить давление на лед; предусмотрительно заваленный борт у мидель-шпангоута защищает надстройки во время швартовки и в процессе обкалывания затертых льдами судов.

Судостроители опирались на богатую многолетнюю практику ледового плавания, на натурные испытания одного из существующих ледоколов, на исследование малых моделей в опытных бассейнах, на новейшие теоретические изыскания. Результаты получились отличные. Кораблестроители, вступая в атомный век, не посрамили свое древнее искусство.

Быстролетные яхты сравниваются с альбатросом, но ледокол по сложности своих движений, быть может, более, чем другое судно, напоминает живое существо.

Он владеет энергично передним и задним ходом, совершает крутые развороты-циркуляции в нешироких разводах. Но ему удаются и некоторые другие маневры, которые моряки ледокольного флота шутливо именуют «фигурами высшего пилотажа».

Пробираясь через ледяное поле, он рубит лед, как колун, раскалывающий колоду. Носовая часть скошена. Корабль на полном ходу взбирается на льдину и проламывает ее своей тяжестью. Но бывает, что льдина не поддается. И тогда начинают действовать мощные пропеллерные насосы производительностью по 4 тысячи тонн в час. Они нагнетают в но-

совые цистерны морскую воду, и лед проламывается. Случается, что нос судна застревает во льду, как колун в колоде. Тогда воду из носовых резервуаров стремительно перекачивают в кормовые. Нос судна поднимается, но и могучие усилия заднего хода оказываются недостаточными, чтобы освободить корабль. Его надо раскатать. Предусмотрено и это: попеременно заполняют водою цистерны, расположенные по бортам, так называемые креновые цистерны. Судно кренится с борта на борт. Выражаясь образно, оно протискивается сквозь льды, работая «головой и боками». В ледоколе «Ленин» все эти сложные маневры будут осуществляться посредством энергии атомного ядра.

Некоторые думают, что винты и другие механизмы ледокола приводятся в движение каким-то особым, непохожим на предшествующие атомным двигателем. На самом деле это не так. Винты и механизмы ледокола вращаются от обычных электромоторов. Но питаются эти моторы от атомной электростанции, установленной на корабле.

Атомная электростанция на корабле! Журналисты в ложе прессы обмениваются взглядами. Далеко шагнула ядерная энергетика, если реактор атомной электростанции — громадное сооружение, размещавшееся на первых порах в помещении крепостного типа, — перешел на зыбкий борт корабля! Но докладчик продолжает свой рассказ, и присутствующие с удивлением узнают, что не один, а три реактора установлены на ледоколе и каждый из них почти в три с половиной раза мощнее, чем прославленный ныне реактор первой атомной электростанции Академии наук СССР.

Очень многие ныне представляют себе, как работает ядерный реактор. Величайшее чудо атомной энергетики вызывается в ходе простых в принципе действий. Чтобы вызвать к жизни атомную энергию, надо попросту заместить в особом, строго рассчитанном порядке бруски урана, разделенные веществом, замедляющим нейтроны. Если правильно будут соблюдены размеры и пропорции, то урановые бруски начнут самопроизвольно нагреваться. Образуется атомный реактор — атомная топка, атомный источник тепла. Это вполне экономичная топка; на получение десятков тысяч киловатт-часов электроэнергии тратится несколько граммов ядерного горючего — урана-235.

Не будем углубляться в тонкости протекающих здесь процессов. Заметим только, что система урановых брусков окажется пронизанной роем мятущихся нейтронов, этих ценнейших «запалов», вызывающих взрыв атомного ядра. Замедлитель укротит в нужной степени их стремительное движение. Под ударами нейтронов разлетаются на осколки ядра атомов изотопа урана-235. Мириады атомных микровзрывов происходят в толще урановых брусков. Возникает, как говорится, цепная реакция деления ядер урана — наиболее доступный процесс получения атомной энергии.

Примечательной технической особенностью, упростившей реактор, явилось то, что в реакторах ледокола в качестве замедлителей нейтронов применен не графит, как на первой атомной электростанции, и не сравнительно дорогая тяжелая вода, а обычная, самая простая вода. Она же служит и теплоносителем, передатчиком тепла от урана к генераторам пара. Это водо-водяные реакторы.

Оказалось, что основа древней гидроэнергетики, основа паровой энергетики — простая вода, — исправно служит и энергетике атомной!

Но каким путем удалось применить в реакторе простую воду? Нам ответят: подбором размеров, пропорций ураново-водяной решетки, путем целесообразного расположения в воде стержней обогащенного урана.

Ответ разочаровывает. Уж очень все просто.

Но разве открытие целесообразных размеров и пропорций не способно вызвать чудо? Разве чудо-самолет не создается гениальными пропорциями его крыла? Разве верные пропорции кривизны оптических стекол не рожают волшебства микроскопов и телескопов? Гениально найденные пропорции бессмертны. Не случайно, что в советском павильоне в Брюсселе, как бы воскреснув через тысячи лет, воцарились пропорции Парфенона.

Над размерами и пропорциями решеток реакторов работают сильные научные коллективы. О них думают в нейтронных лабораториях, где потоки нейтронов исследуют на механических установках с непринужденностью баллистиков, изучающих полет пули; о них думали экспериментаторы, работавшие на универсальных моделях — призмах, напоминающих огромные детские кубики, позволяющих гибко составлять из них разнообразные решетки; о них думают теоретики, анализирующие системы уравнений столь громоздкие, что при виде их впало бы в отчаяние любое математическое общество прошлых лет, тех недавних лет, когда не было возможностей призвать на помощь грандиозные электронные счетные машины, заменяющие ныне столько вычислителей, сколько было рабочих на строительстве египетских пирамид. Но вот уже проведена громадная работа. Размеры и пропорции найдены. И на вооружение атомной энергетики принята простая вода.

Основной технологической трудностью атомного реакторостроения является создание надежных, стойких, долго действующих урановых тепловыделяющих элементов. Можно утверждать, что ни в одном из существующих аппаратов конструкционным материалам не приходится работать в столь невыносимо тяжелых условиях. На них действуют высокие температуры; их «расклепывают» изнутри мириады атомных взрывов — ведь энергия осколков одного ядра урана способна сместить со своих мест десятки тысяч других атомов, вдали и по соседству; под воздействием потока нейтронов в толще материалов происходит «алхимическое» превращение элементов, протекают разрушительные процессы «алхимической коррозии». В результате куски материалов преутрачивают уродливый рост, искривляются, вспучиваются...

И технологи вынуждены умирять этот дерзкий бунт материи. Им на помощь приходят испытательные «петли» в исследовательских реакторах — устройства, столь же важные для технолога-атомника, как аэродинамические трубы для авиаконструктора; приходят на выручку горячие лаборатории, напоминающие тяжелый дот, где за толстой бетонной стеной тончайшие эксперименты производят стальные руки, управляемые на расстоянии тросами, как марионетки; исключительные по остроумию металлургические печи по выплавке сверхчистых металлов. Технологи, участвовавшие в строительстве ледокола, укротили строптивые материалы. Несмотря на то, что физика подсказывала: тепловыделяющие элементы должны быть металлическими, — технология приказала выполнить их из керамики, из пресованного черно-бурого порошка двуокиси урана, заключенного в циркониевую оболочку. Они получились надежными и стойкими.

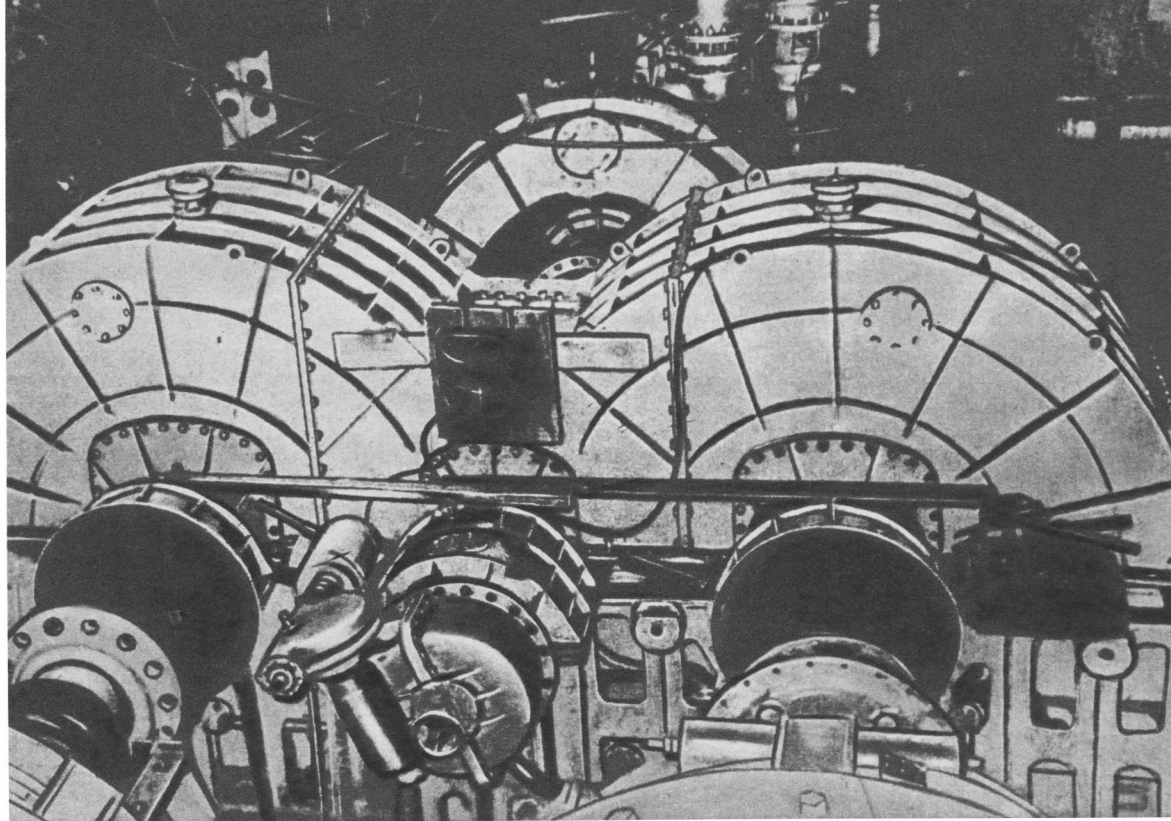
Итак, реактор ледокола представляет собою стальной толстостенный котел, где стержни из окиси урана, обогащенного пятипроцентным ураном-235, окружены чистой водой. Она нагревается здесь до температуры, при которой плавится олово. И хотя эта вода в три раза горячее кипятка, она все-таки не вскипает, потому что сжата под давлением в 100 атмосфер.

Как известно, отвод тепла от атомной топки — сложная, хитроумная задача. Одна из трудностей заключается в том, что вода в реакторе становится радиоактивной, опасной для окружающих. Приходится прогонять ее через специальные аппараты — парогенераторы, где она своим теплом превращает в пар обычную, нерадиоактивную воду. В грубом приближении парогенератор напоминает самовар, по трубе которого движутся не раскаленные газы, а горячая вода из реактора.

Таким образом, в схеме атомной установки ледокола образуются контуры, сцепленные друг с другом, как звенья цепи. По первичным контурам циркулирует горячая радиоактивная вода и передает свое тепло нерадиоактивной воде вторичного контура, которая, превращаясь в пар, приводит в движение турбины.

Разумеется, все оборудование первичных контуров — реакторы, парогенераторы, циркуляционные насосы — должно находиться под надежной лучевой защитой.

Атомная топка при всей ее мощности

нуждается в более бережном обращении, чем спичка, горящая на ветру. Но как управлять процессом, если от реактора исходят смертоносные лучи и к нему не смеет прикоснуться ничто живое? Телемеханика протягивает тут свои стальные руки. Атомным реактором автоматические приборы управляют самостоятельно, подобно автопилоту, ведущему самолет. В чем особенность этих тончайших и умных приборов? На ледоколе шутиливо отвечают на этот вопрос: «Главная особенность заключается в том, что каждым из этих приборов можно без всяких опасений забивать гвозди».

Тут мы подходим к действительно «гвоздевой» проблеме, к проблеме безопасности ледокола, его надежности в условиях качки, прочности при столкновениях со льдами, к ответам на десятки вопросов, начинающихся словами «а если...».

А если ледокол столкнется с другим судном, сядет на мель, будет стиснут льдами?

Вероятнее всего с ледоколом не произойдет ничего плохого. Обычные морские опасности ему не страшны. Гарантией является его необычайно прочный корпус, построенный из стали специальной марки, корпус, опоясанный мощным стальным «ледовым поясом». Но если и произойдет невероятное и ледокол получит пробоину, даже две пробоины, на худой конец, то разумная система отсеков, опирающаяся на теорию непотопляемости кораблей, разработанную академиком А. Н. Крыловым,

Главный турбоагрегат. Видны редуктор и турбина.

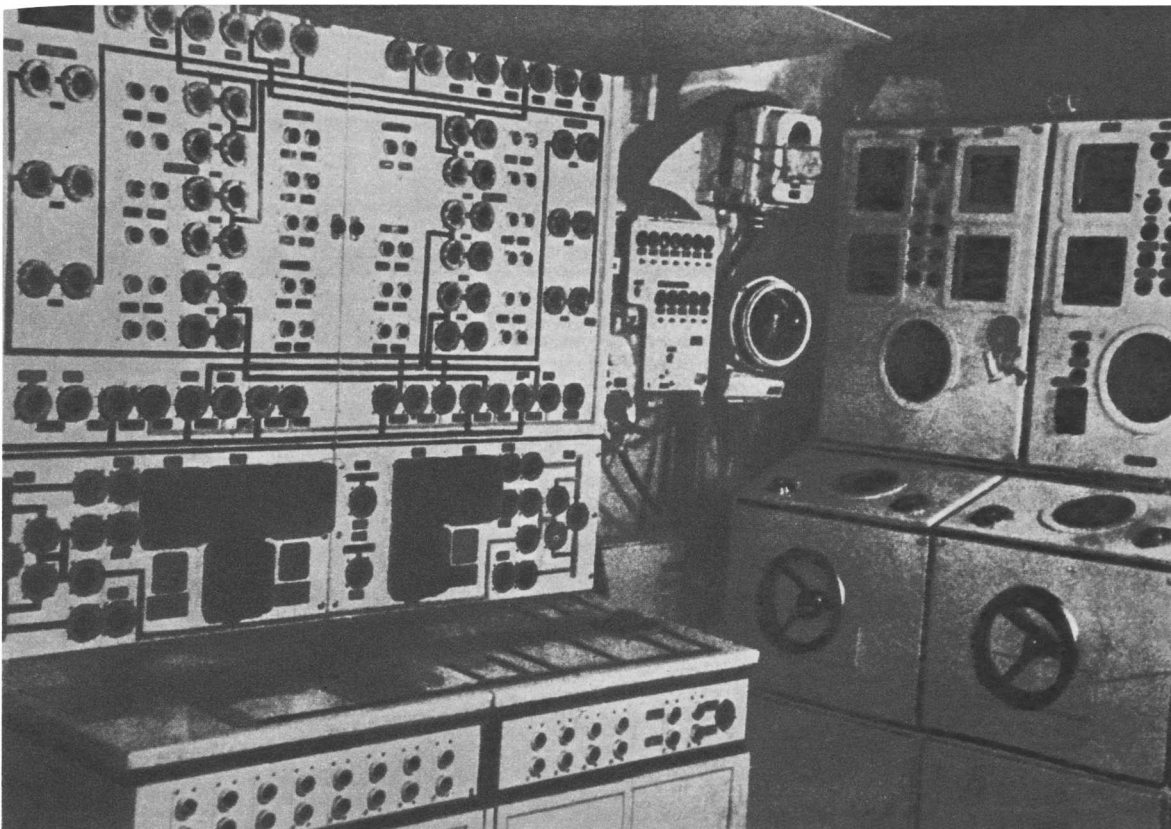
все равно позволит удержать корабль на плаву.

А если выйдет из строя реактор?

Надо полагать, что и это не такая уж большая беда. В самой схеме механизмов ледокола заложены богатейшие возможности аварийного резервирования, страховки, подмены. Как правило, одну и ту же работу выполняют здесь несколько одинаковых, дружно действующих машин. На корабле три атомных реактора по 90 тысяч киловатт и при каждом реакторе два независимых парогенератора; в машинном зале — четыре паровые турбины, вращающие восемь одинаковых динамомашинок, питающих ток три гребных электродвигателя. Выразаясь образно, оркестр корабельных механизмов составлен из октетов, квартетов и трио, играющих в унисон, где все готовы в любую минуту поддержать и заменить друг друга. Этим принципом глубоко пронизана вся конструкция ледокола.

Величие происходящих в реакторах процессов освобождения атомной энергии заставляет обращаться к античному образу Прометея, похитившего небесный огонь. Но еще один мифологический образ навевают эти аллегориче-

Пульт электродвижения.

ские построения. Это образ Фазтона. Как известно, Фазтон неосторожно приблизил свою солнечную колесницу к земле и едва не спалил ее, за что и был наказан,—предотвращая катастрофу, Зевс поразил его ударом молнии. Человечество не хочет уподобиться Фазтону, оно ищет надежную защиту от радиоактивных излучений. Особенно трудно приходится тем, кто хочет использовать атомную энергию на транспорте.

Конструкторы ледокола преодолели в этой области все трудности. А они были очень значительны. О системе радиационной безопасности ледокола советские инженеры Ю. В. Сивинцев и Б. Г. Пологих представляют конференции специальный доклад. Все детали ледокола, смертельно опасные своей радиоактивностью, объединены в одном отсеке и ограждены надежной стеной. Это почти двухметровой толщины перегородки, где листы нержавеющей стали перемежаются водой, как в слоеном пироге; внушительные стальные плиты, блоки специального лимонитового бетона, где цемент перемешан с одним из сортов железной руды.

А если радиоактивность все-таки проникнет в жилые помещения ледокола?

Это будет, пожалуй, опаснее, чем пожар на «Лузитании». Дымок и язык пламени заметен каждому. А вот «второй огонь», открытый человеком, поражает незримо. Они вовсе не примечны, струйка радиоактивной жидкости или вихрь радиоактивного газа. Но если они просочатся к вам, случится нечто непоправимое. Вас охватит смертельная слабость, сонливость, тошнота—первые признаки грозной лучевой болезни. Поэтому на ледоколе существует система дренажей, уводящая опасные жидкости на дно специальной цистерны; поэтому здесь предусмотрена специальная система выброса воздуха со следами радиоактивности—весь поток воздуха из центрального отсека выбрасывается через мачту корабля на высоту 20 метров над верхней палубой.

Многочисленные чувствительные приборы дозиметры, размещенные по всем углам, готовы известить о повышенной радиоактивности тревожно-красным огнем или звуковым сигналом. Весь персонал ледокола снабжен индивидуальными дозиметрами. Но красные огни не мигают, сигналы молчат. Радиоактивность в помещениях ледокола ниже минимальной нормы! Советским морякам не грозит судьба Фазтона.

Запас ядерного топлива на ледоколе фантастичен. Его хватит на год для всех машин, непрерывно работающих на полную мощность. В нормальных условиях ледокол может находиться в плавании несколько лет без возобновления топливных запасов.

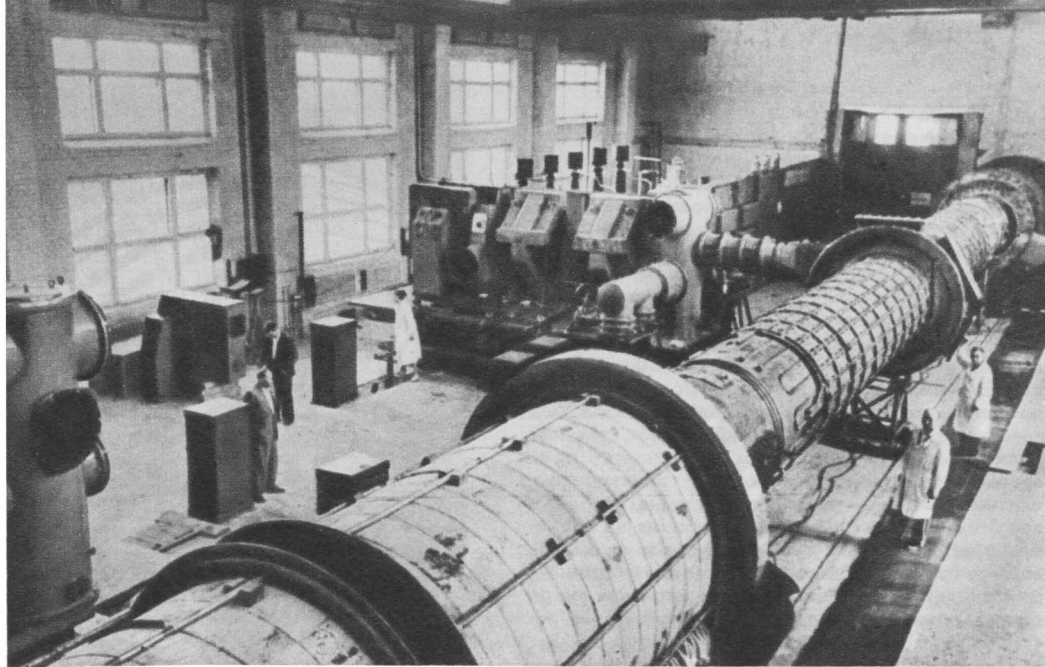
Хорошо, должно быть, плавать на атомном ледоколе! Экипаж размещен в одно—двухместных каютах. Каюты командного состава состоят из кабинета и спальни. На судне—искусственный климат и водяное отопление, холодная и горячая вода в умывальниках, лампы дневного света, столь нужные в пору полярной ночи, ванны, бани и душевые кабины, расположенные в удобных местах и удаленные от жилых кают.

На ледоколе будут клуб, библиотека, читальня, курительный и музыкальный салоны. В медицинском блоке—амбулатория, объединенная с физиотерапевтическим кабинетом, операционная, зубоврачебный и рентгеновский кабинеты, аптека и лаборатория.

Архитектурная отделка ледокола не закончена, но она будет прекрасной.

...На журналиста, влюбленного в технику, недостроенный корабль производит, быть может, наиболее сильное впечатление. Он любуется жемчужинами изобретательского творчества, разбросанными щедрой и свободной рукой, он заворожен могучими сплетениями механизмов, сопряженных с почти микеланджеловской смелостью и силой. Он еще раз, спустя полвека, повторяет про себя слова адмирала Макарова, создателя первого русского ледокола: «...У нас есть корабль, который дает возможность сделать то, что не под силу ни одной нации и к чему нас нравственно обязывают старые традиции, географическое положение и величие самой России...»

Женева.

К ТЕМПЕРАТУРАМ В МИЛЛИАРД ГРАДУСОВ

Вторая половина XX века, как указывает в одной из своих статей академик И. В. Курчатов, будет веком термоядерной энергии. В термоядерных реакциях происходит выделение энергии за счет слияния, синтеза ядер водорода, превращения тяже-

лого водорода в гелий. Быстро протекающие термоядерные реакции осуществлены в нашей стране, в США и Англии в водородных бомбах. Сейчас перед наукой и техникой стоит задача получения термоядерной реакции не в виде взрыва, а в форме уп-

равляемого, спокойно протекающего процесса. Если эту задачу решить, то человечеству откроется возможность использовать в качестве ядерного топлива практически неисчерпаемые запасы водорода на земле.

Работы по термоядерным реакциям начались почти одновременно в СССР, США и Англии в 1950—1951 годах, и до 1956 года они везде велись в секретном порядке. Академик И. В. Курчатов с трибуны XX съезда КПСС призвал ученых всего мира к международному сотрудничеству по мирному использованию термоядерных реакций, а в 1956 году Советский Союз первым рассекретил одно из исследовательских направлений в этой области.

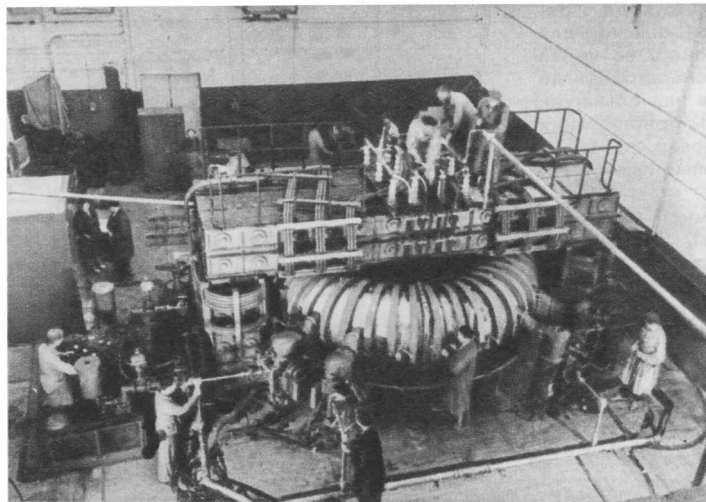
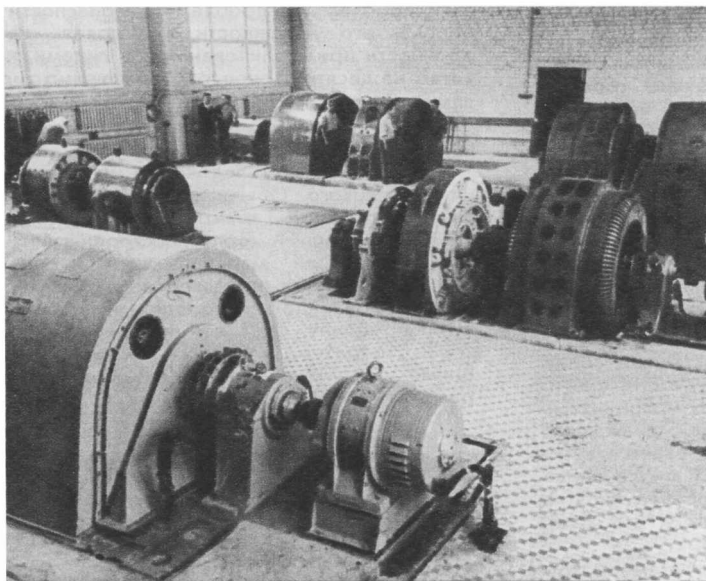
Для овладения управляемой термоядерной реакцией необходимо сначала в лабораторных, а затем в промышленных условиях получить температуры в миллионы, десятки миллионов и даже миллиард градусов. Еще несколько лет тому назад многие выдающиеся физики не верили в самую возможность получения столь высоких температур в земных условиях. С каждым новым экспериментом современная физика все с большей убедительностью доказывает эту возможность.

Мы помещаем сегодня несколько фотографий, дающих некоторое представление о характере и размахе работ советских ученых по исследованию управляемых термоядерных реакций.

На верхней фотографии показана камера исследования, разработанная под научным руководством И. Н. Головина в Институте атомной энергии Академии наук СССР, возглавляемом академиком И. В. Курчатовым. В камере «Огра» советские ученые получают возможность создавать температуры в миллиард градусов; в центре—машинный зал установки «Огра».

На нижней фотографии воспроизведена построенная в одном из научно-исследовательских институтов установка «Альфа», действующая на ином принципе, аналогичном принципу английской установки «ДЗЭТА», но также предназначенная для изучения термоядерных реакций.

Конечно, физикам и инженерам всех стран предстоит еще многое сделать, прежде чем будет полностью ясен путь к промышленному использованию термоядерной энергии.

ПЕРВЫЕ КРАСНОЗНАМЕНЦЫ

16 сентября — 40 лет со дня учреждения ордена Красного Знамени.

«Знак отличия присуждается всем гражданам РСФСР, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности», — так говорилось в декрете ВЦИК от 16 сентября 1918 года об учреждении ордена Красного Знамени — первого революционного знака боевого отличия воинов Советской Армии.

Первым этой высокой награды был удостоен председатель Челябинского военно-революционного комитета и Совета В. К. Блюхер, в прошлом московский рабочий, солдат. Это он возглавил и блестяще осуществил в 1918 году легендарный поход уральских партизан через тылы белогвардейских войск на соединение с частями Красной Армии. Сорок дней шли они, преодолевая огромные трудности и лишения, выдержали ожесточенные бои и нанесли противнику огромные потери.

Несколько позже, 2 марта 1919 года, за отличия в боях с Красновым под Царицыном орденом Красного Знамени были награждены командир Особой кавалерийской дивизии Б. Думенко и командиры бригад С. М. Буденный и Булаткин. В течение января и февраля дивизия вела упорные бои с крупными силами белогвардейцев, разбив девятнадцать полков противника, а четыре полностью захватила в плен.

«Во внимание к этим исключительным заслугам перед Революцией и Советской Республикой», — говорилось в

приказе, — дивизия награждается Почетным Знаменем. Начальник дивизии Думенко, командиры бригад Буденный и Булаткин — знаком ордена Красного Знамени».

В дальнейшем орденами были награждены командующий Южной группой Восточного фронта М. В. Фрунзе, начальник 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаев, командующий 10-й армией А. И. Егоров, командующий 5-й армией М. Н. Тухачевский.

Многие бойцы и командиры проявляли героизм неоднократно. В связи с этим 19 мая 1920 года ВЦИК издал декрет о том, что орденом Красного Знамени можно награждать повторно. К ноябрю 1928 года за отличия во время гражданской войны 285 человек были награждены повторно, 31 человек — трижды, трое (С. С. Востриков, И. Ф. Федько и Ян Фабрициус) — четыре раза и В. К. Блюхер — пять раз.

За отличия в совместной борьбе русского и монгольского народов против белогвардейских банд Унгерна орденом Красного Знамени были награждены Сухэ-Батор и Чойбалсан, а в дни 10-летия Октября — ветераны международного рабочего движения Клара Цеткин, Бела Кун, Макс Гельц, Садуль и другие.

Всего за сорок лет орденом Красного Знамени было награждено около 570 тысяч человек.

В. ДУШЕНЬКИН,

старший научный сотрудник Центрального государственного архива Советской Армии.

Москва, Кремль. 1 сентября 1958 года.
Н. С. Хрущев и С. Итон.

Фото И. Филатова.

Межзональный шахматный турнир

Перед решающими турами

Турнир близится к концу. Осталось сыграть не так уж много туров, и все же почти ничего определенного нельзя сказать о результатах соревнования. Как известно, международная шахматная федерация увеличила с пяти до шести число победителей, которые попадут в турнир претендентов на матч с чемпионом мира. Повысилась также с двух до трех ограничительная норма для советских участников. Но кто же будет в заветной шестерке?

Пока можно только сказать, что лидером является Таль. На остальные пять мест есть двенадцать почти равноправных претендентов во главе с Петросяном, неожиданно потерпевшим поражение. Видимо, когда читатели «Огонька» прочтут эти строчки, останется еще немало нерешенных вопросов.

Зато с уверенностью можно говорить о неудачниках турнира. Это аргентинцы Росето и Сангинети, колумбиец Дегрейф, представитель Соединенных Штатов Америки Шервин, канадец Фюштер, филиппинец Кардосо и, наконец, Ларсен (Дания) и Нейкирх (Болгария).

Несколько слов по поводу шахматной теории. Она настолько сейчас разработана, что во многих партиях не только молниеносно разы-

грываются первые 10—15 ходов, но и дальше противникам в принципе совершенно ясно, что они должны делать. Ошибки чаще всего возникают лишь при решении вопроса, как делать.

Участники явно устали. Это еще раз говорит о том, что вряд ли целесообразно устраивать шахматный турнир с марафонской дистанцией. Характерно, что особенно утомлены именно те, кто имеет хорошие шансы. И это естественно: они сражаются активней, напряженней, чем потерявшие надежду. Любопытно, что в 16-м туре ни один из претендентов на победу не смог выиграть партии. И только Бронштейн сохранил в отложенной позиции преимущество, хотя в дальнейшем и не смог его использовать. Во всяком случае, он остался единственным участником, не потерпевшим ни одного поражения.

Что касается зрителей, то они неуютимы и по-прежнему до отказа заполняют турнирное помещение. Еще больше внимания уделяется соревнованию прессы. В югославских газетах почти в каждом заголовке шахматного репортажа отмечается очередной успех Глигорича или Матановича. Прибывают новые специальные корреспонденты, чтобы запечатлеть все волнующие моменты решающих дней.

Л. АБРАМОВ

Порторож.

С. Итон в Москве

В Советском Союзе гостит видный американский общественный деятель, промышленник и финансист Сайрус Итон. В своей стране и за ее пределами он известен как поборник развития дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. По инициативе Сайруса Итона в Пагуоше (Канада) состоялись две конференции ученых и общественных деятелей разных стран. На этих встречах обсуждались пути предотвращения угрозы атомной войны и обеспечения мира между народами. Вскоре предстоит третья конференция — на этот раз в Австрии, — в которой будет участвовать около восьмидесяти ученых из разных стран, в том числе из Советского Союза. Тема конференции — уменьшение опасности, которую представляют для человечества атомные вооружения. Сайрус Итон — решительный сторонник немедленного отказа всех стран от испытаний атомного оружия.

В Москве Сайрус Итон, отдающий у себя на родине много времени сельскому хозяйству, с большим интересом знакомился с достижениями Советского Союза в области сельского хозяйства, а также с культурными учреждениями и повседневной жизнью советской столицы.

1 сентября тов. Н. С. Хрущев принял С. Итона в Кремле и имел с ним беседу, протекавшую в сердечной и дружественной обстановке. Н. С. Хрущев сказал С. Итону, что его усилия, направленные на установление и развитие дружбы между народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, на сохранение и укрепление мира во всем мире, встречают сочувствие и доброе понимание со стороны советского народа и правительства СССР, и пожелал ему дальнейших успехов в этой полезной для укрепления мира деятельности.

Это и есть чудо-пшеница — «Акмолинка-э». И, как всегда, директор совхоза Иван Григорьевич Лихобаба не смог миновать такой участок.

Помощник повара полевого стана Таня Тюлюкина.

В совхозе вырастили арбузы. Правда, не такие крупные, как на Волге, но зато свои. У комбайнеров они пользуются большим успехом.

В счет казахстанского МИЛ

— Сколько замерила? — спрашивает Сергей Контеев учетчицу Люсю Дронину. — 54 гектара? А не мало?

Айман Сейткасимова, работница Атбасарского элеватора, довольна, как и все: большой урожай выращен!

На Атбасарском элеваторе. Хлеб пошел!

Специальные корреспонденты «Огонька»

Казахстанский миллиард! О нем говорят всюду. Миллиард пудов хлеба — это большая победа!

Одна Акмолинская область даст 220 миллионов пудов. Только эта область сможет кормить хлебом целый год весь Казахстан или выдать каждому гражданину нашей страны по пуду хлеба.

По дорогам идут машины. Их очень много. Они идут то пустые, совсем новенькие, только что с завода, — прямо в целинные совхозы, то уже наполненные зерном — на элеваторы.

Пятнадцать тысяч комбайнов, почти столько же тракторов и восемнадцать тысяч автомашин убирают богатый урожай в бескрайних степях Акмолинской области.

...Самарский зерносовхоз, Атбасарского района. Директор совхоза Иван Григорьевич Лихобаба сразу же предложил ехать в поле.

— Только не удивляйтесь расстоянию, — улыбаясь, говорит он. — До самой ближней бригады двадцать два километра.

Уже несколько дней идет уборка, а на токах еще нет зерна, лишь на полях темными точками движутся комбайны.

— Уборка раздельная, — поясняет Иван Григорьевич. — Вон стоят комбайны. Уже приготовлены к подборке. Того и гляди преподнесет нам природа какой-нибудь сюрприз. После такой жары — дождь. Вот и выронит колос зерно. А так лежит в валках скошенная пшеница, созревает.

...Дорога, а по бокам хлеба. Невысокие, но такие плотные, что ветер не заставит низко поклониться.

— По 15—18 центнеров получим нынче с гектара, — продолжает свой рассказ Иван Григорьевич. — А есть участки, с которых рассчитываем собрать по двадцать шесть. Впрочем, сейчас вы сами это увидите. Как бы ни торопился, а не могу минут этого места... Вот она, «Акмолинка-5», впервые мы пробуем этот сорт. Чудо-пшеница! Красива, высока! А главное, обладает необыкновенным качеством: неосыпаема...

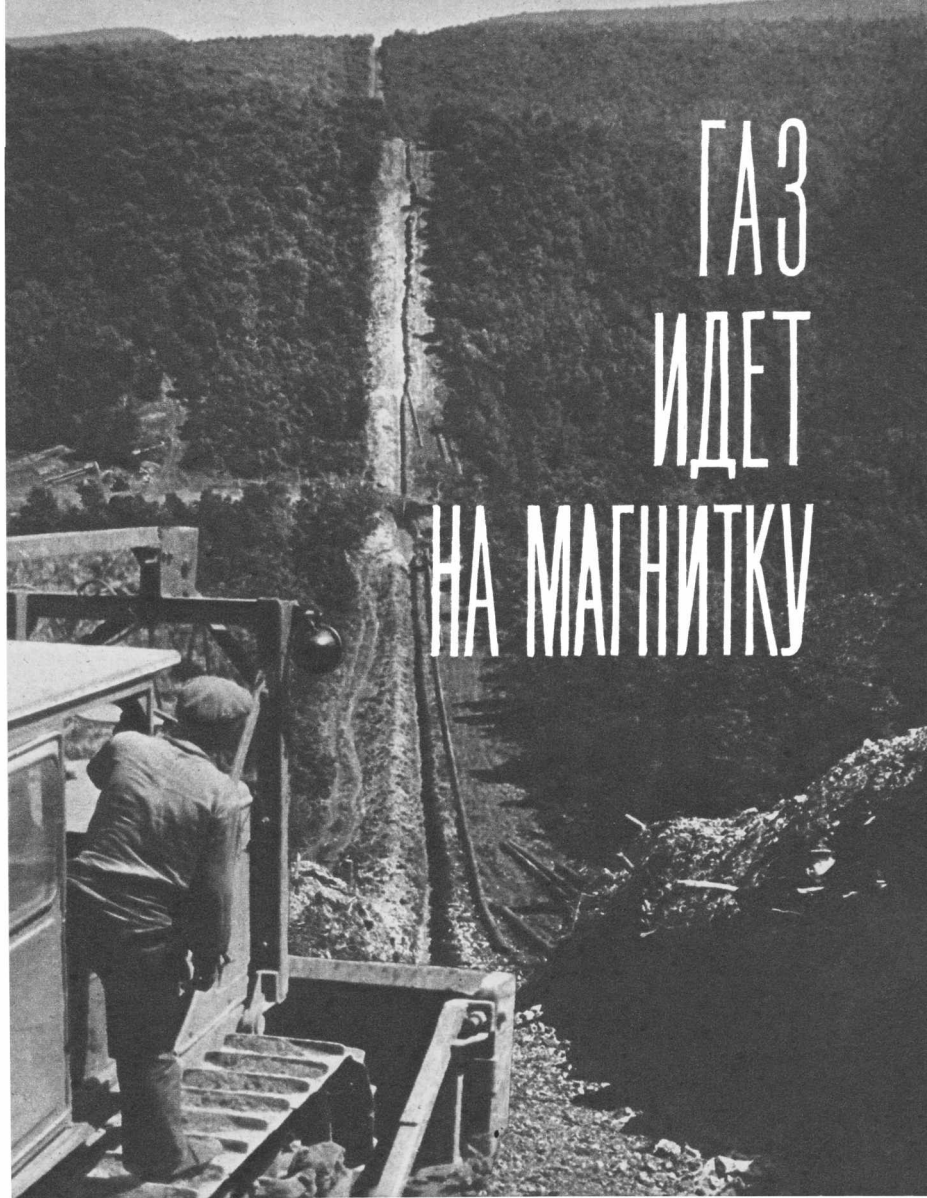
И вновь машина мчится сквозь хлеба. Иногда нет-нет да мелькнет кусочек ковыльной степи, словно напоминая о том, что было здесь несколько лет назад. И снова хлеба, хлеба...

Комбайн совсем близко у дороги...

— Один из лучших комбайнеров, комсомолец Сергей Контеев, — знакомит нас Иван Григорьевич. — Молод, но, как говорится, мастер на все руки: он и комбайнер, и тракторист, он же и машинист лафетной жатки.

В совхозе не только свои механизаторы. Комбайнер Иван Егорович Борин — из Калининградской области, Алексей Арсентьевич Кулыба, его помощник, — из Феодосии. Они уже успели собрать урожай у себя, а затем сразу же — на целину, в совхоз. Приехали и рабочие Воткинского завода из Удмуртии. Здесь, в Самарском, они чувствуют себя как дома. Приезжают сюда уже второй год. Но нынче им выпала особая честь — быть участниками сбора этого небывалого урожая.

МИЛИАРДА

ГАЗ ИДЕТ НА МАГНИТКУ

Владимир КРУПИН

Фото автора.

Когда Мансур Загитов, мастер буровзрывных работ, собирался уезжать на трассу газопровода Шкапово — Магнитогорск, товарищи спросили его:

— Ружьишко у тебя есть?

— Есть. А что?

— Не забудь заряды покрупнее взять. Могут пригодиться.

— Зачем?

— Места там такие... Медведь хозяйничает...

— Ладно пугать-то, — сказал Мансур, но ружье все же взял.

И вот будущая трасса. Серые отвесные скалы, дремучий бор, стремительные потоки и ржавые болота. Один из самых трудных участков трассы — скалы Каран-Елги — доверен молодежной бригаде мастера М. Загитова. По только что проложенной тракторами дороге медленно ползет автомобиль с красной полосой на кузове: знак опасности! Везет взрывчатку, везет не по асфальту, а по ухабистым отрогам. И кто-то из ребят, вспомнив французскую кинокартину, назвал машину «плата за страх».

— Но мы работаем не за страх, а за совесть, — улыбается Загитов, рассказывая о делах бригады. — То, что героям фильма пришлось сделать однажды, наш Ваня Демеджиев делает каждый день. А что касается медведей, то они ушли в чащобу, сами нас испугались. Так что ружье у меня лежит без дела. Для нас не так опасен лесной зверь, как вот эта крутая, каменная, вдребез-

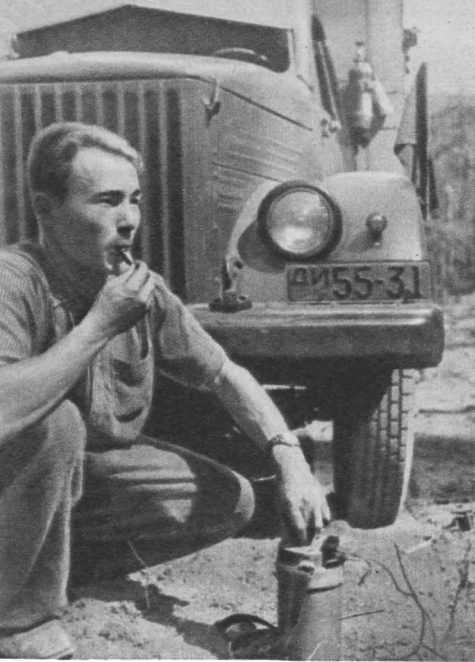
ги разбитая дорога. Особенно после дождя. Вон, посмотрите...

Тяжелая, груженная четырьмя многотонными стальными «плетями» труб машина шла под гору со страшным лягом и скрежетом. Я легко представил, какая выдержка, сила, выносливость, какое водительское искусство требуются, чтобы без аварий провезти груз через десятки перевалов и сотни поворотов!

...Когда устанавливали срок ввода трассы в действие — конец четвертого квартала, — кое-кто из специалистов сомневался: «Сорудить газопровод длиной 400 километров меньше чем за год? Да еще в горах?»

— Посмотрите, — сказал директор строящегося газопровода Баскаков и развернул перед нами длинный лист кальки. На нем отчетливо виднелась непрерывная линия зигзагов. Это профиль магистрали, Урал, так сказать, в поперечном разрезе. — Мы называем эту схему «пилой»: каждый «зуб» — перевал. Попробуйте сосчитать, сколько их!

Один, два... десять... пятнадцать зубьев... Только на участке от Ишимбая до Авзяна насчитывается больше пятидесяти больших и малых перевалов. Да еще около тысячи «перевальчиков», или, как их называют газопроводчики, «кривых вставок» через отдельные скалы, возвышения и подъемы. Четырнадцать раз магистраль пересекает горную речку Кагу. А на пути еще реки Белая, Зиган

Далеко в лесу разносится пронзительный свисток. Мастер Мансур Загитов дает сигнал к взрыву.

и десятки безымянных потоков. Или хребет Кряхты: высота — почти 900 метров, крутизна — до 70 градусов...

— Такую «нитку», пожалуй, никому из наших газопроводчиков еще не приходилось тянуть. Почетно, но очень трудно, — продолжает Баскаков. — Нет опыта, нет проверенной техники, кадров, знающих особенности прокладки подобной магистрали в горах. Все, что делаем здесь, делаем впервые.

«Впервые»... Романтика первопроходцев... Может, именно это и зажгло сердца делегатов Башкирской областной конференции комсомола, когда они с юношеским задором, еще не задумываясь над всеми трудностями и опасностями стройки в горах, ответили хозяйственникам:

— Берем это дело на себя. Нужны люди — дадим; опыт приобретем, технику освоим!

Внимательно слушали делегаты рассказ о факелах, которые пылают в Шкапове, и радовались, что новый газопровод позволит потушить их, а газ употребить в полезное дело.

Факелы на промыслах! Они беспокоили многих. Ежедневно на

одном только Шкаповском месторождении вылетают в трубы газовых горелок миллионы кубометров ценнейшего топлива и сырья. Дать газ печам Магнитки — значит сэкономить в год только на топливе семнадцать миллионов рублей, триста поездов с горючим. Но это не все: газ позволит металлургам значительно сократить расход кокса. Он лучше плавит металл. Перевод мартенов на газ даст такой прирост выплавки стали, для которого пришлось бы построить не одну новую печь. Газ получит не только Магнитка. Трубопровод подаст самое калорийное топливо и борецким металлургам.

Так перед комсомольцами Башкирии вставало во всем великом народнохозяйственном значении это романтическое сооружение в горах. Прошло немного времени, и XIII съезд ВЛКСМ объявил стройку комсомольской. Сотни молодых рабочих и специалистов прибыли на трассу по комсомольским путевкам. А салаватцы назвали посланный ими отряд «комсомольским десантом».

До реки Зиган трасса уже проложена. С одного из «зубьев» «пилы» стальная нить труб кажется тоньше волоса. Электросварщики ушли вперед, и комсомольцы по-военному докладывают: — Первый рубеж взят!

На вооружении строителей — новейшие приборы. Вон шагает радиолог Людмила Головина. Десятки километров успевает объехать и обегать за день эта хрупкая, маленькая девушка, которую кто-то назвал здесь «Кнопкой». Несколько ловких, быстрых движений — и на стыке только что сваренных труб уже установлен аппарат. Просвечивая металл гамма-лучами, Людмила быстро и совершенно точно определяет качество сварки стыка. Беда, если на пленке окажется пустоты и шлак. Ох, и распушит же эта Кнопка!

В распоряжении строителей много разной техники. Но разве предвидишь все коварства Уральских гор! Сколько «сюрпризов»

преподносят они! Уже на первом перевале оказалось, что прокладывать траншеи обычной техникой невозможно. «Ковровец» не мог одолеть почти отвесный подъем. А лопатой траншею в скалах не выкопаешь и за десять лет. Как быть? Строители пошли на такой смелый шаг: прокладывать трассу не от подножия, а с вершины горы, и не экскаватором, а бульдозером. Рискованно? Да. Но технически все как будто обосновано.

...Когда машина Фаата Шакурова вскарабкалась на вершину перевала и он посмотрел из кабины вниз, голова на мгновение закружилась. Высоковато! Да на таком крутом спуске никакими тросами железную громадину и не удержишь.

Затаив дыхание, товарищи следили за машиной Шакурова. Вот бульдозер глухо зарычал, подполз к краю скалы, уперся своей стальной челюстью в грунт и медленно пополз вниз. Машина не падала и не скользила. Ее надежно поддерживала огромная масса породы, нехотя оседавшая под тяжестью бульдозера. А сзади оставалась уже готовая траншея. Теперь все бульдозеристы работают по новому методу.

Трудно приходится газопроводчикам. Работа тяжелая, опасная, и жизнь тут нелегка. Но молодежь не унывает. Есть здесь люди, которые стараются как-то облегчить быт строителей трассы.

В основном бору близ Авзяна разбиты палатки. Душистый запах смолы доносится до каждого, кто подходит к невесомому домику, сложенному из досок. Здесь то и дело останавливаются тракторы, трубоукладчики, бульдозеры. Это походная столовая.

— Поскорей, Помидоровна! — торопят монтажники разгневавшуюся у кухонной плиты девушку, шеф-повара, комсомолку с поэтическим именем Венера.

Над входом в столовую — вывеска. Невольно улыбешься, прочтя выжженное на золотистой доске: «Ресторан «Тайга». Здесь действительно, как в ресторане: чисто, уютно, цветы на столах, а главное, вкусно кормят. Желаящим доставляют пищу прямо к месту работы.

Джаза в ресторане, конечно, нет, но песню про монтажников-высотников тут часто услышишь.

— Хорошая песня, — задумчиво говорит Венера. — Жаль только, что чужая. Про газопроводчиков еще никто не написал.

Но ребята уверяют Венеру, что песня такая обязательно будет. Они считают, что Петя Строков не подведет: вон он сидит в углу за столом, перебирая струны гитары. Мастер Петр Строков подбирает мелодию на только что сложенный им куплет:

По приказу рабочего класса
Там, где были тропинки вчера,
На Магнитку проложим мы
трассу...

Ра-ра-ра... Ра-ра-ра...

Нет, последняя строка не «вытанцовывается»!

* * *

Наступление на трассу идет сейчас с трех сторон. Так быстрее. Комсомольцы дали слово закончить строительство газопровода раньше установленного срока. К сорокалетию Ленинского комсомола должно вступить в строй головное сооружение.

П

ожилой колхозник из Бухары, чей дед и отец водили караваны верблюдов в Афганистан и Индию тем самым путем, по которому мы едем, говорит, покачивая головой, закутанной, по обычаю предков, в чалму:

— Пословица гласит: «Двадцатый караван ведет сама смерть...» — и неожиданно добавляет: — А теперь мой внук — шофер на Большой узбекской дороге. Там, где нас поджидала смерть, он водит от Ташкента до Китаба красные и голубые автобусы...

На сотни километров протянулась чудесная дорога — бывший древний караванный путь, превращенный в гладкое шоссе. Оно начинается на южной окраине Ташкента и, утопая в тени деревьев, мчится через старинные кишлаки и новые города, выросшие в степи.

Удивительно ровное, гладкое шоссе бороздит машины всех марок. Здесь в сутки подчас проходит более восьми тысяч автомобилей.

Мелькают колхозные поля, степи, сверкающие зарослями тюльпанов и диного мака.

И вдруг все вокруг меняется: серые, желто-бурые, унылые просторы. Голодная степь. Мертвая степь. Степь, о которой люди издавна говорили со страхом:

— Та, где не может быть жизни.

Но что это? Яркие желтые домики появляются по обеим сторонам дороги. В Голодной степи весело шешелест крошечные молодые дубки и зеленая трава срысывает серую, бесплодную землю. Сюда пришли воды Южного голодноостепного канала, здесь проложены арыки. И молодой, стремительно растущий город — центр строительства в Голодной степи — носит многозначительное имя — Янги-Ер, что в переводе означает Новая Земля. Это уже не палаточный город. Строители, среди которых можно встретить молодых ленинградцев, москвичей, ташкентцев, сталинбадцев, туляков — представителей всех специальностей, переселились в удобные, настоящие городские дома с центральным отоплением, электричеством, радио.

Чуть в стороне тракта стоит небольшое здание, которое известно всему миру. Это международная широтная کتابخانه станция имени Улугбека. Таких станций на земле всего лишь пять: две в Америке и по одной в Японии, в Италии и в Советском Союзе. Все эти станции расположены на одной и той же параллели, следят за одной и теми же звездами. Это один из центров международного сотрудничества во имя науки.

...Город Шахрисабз арабы называли Зеленым холмом, и это справедливо, ибо небольшой городок похож на сад. Неподдалеку от него, в селении Ходжа-Ильгар, родился Тимур. Он воздвиг в центре Шахрисабза здание, которое ученые и поэты того времени называли «купол науки и морали». Несравненными голубыми красками блистают изразцы бывшего дворца Тимура Ак-Сарая. Секрет изумительной глазури, пережившей века, еще не найден.

Но вот начинаются горы. Они невысоки. Отары овец то и дело пересекают тракт. Эти овцы-гиссары не похожи на других: курдюк у них достигает 30—40 килограммов. На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке гиссарские бараны заняли первое место. Вес отдельных животных — 160—180 килограммов.

В селении Сайроб у дороги — множество машин. Под сенью двух огромных чинар водители пьют чай в придорожной чайхане.

Мы с трепетом подходим к деревьям, о которых в «Путеводителе по Узбекистану» написано кратко и выразительно: «Это единственные живые свидетели десятивековой истории». Знаменитое дупло, где раньше помещалась мусульманская школа, а потом магазин, ныне находится под охраной государства.

...Термез — самый жаркий город Советского Союза. Температура летом доходит здесь до 50 градусов. Один из термезских совхозов, вы-

Скалы теснят дорогу. Пространство между ними так узко, что народ назвал это место «Железными воротами». Существует легенда, будто завоеватель Азии Тамерлан поставил здесь железные ворота, охранявшие часы.

БОЛЬШОЙ УЗБЕКСКИЙ ТРАКТ

рачивает сахарный тростник и производит из него ром, отличный ром, по отзывам побывавших здесь иностранцев.

Термез — старинный город, где сохранились еще руины древнейшего государства на земле — Бактрии. В музее умело, с любовью подобраны экспонаты различных эпох. Гордость музея — астролябия, найденная в обсерватории Улугбека, на которой обозначено имя ее создателя: «Мухамед Хашим, сын Мухамеда Касыма из Термеза».

Большой узбекский тракт обрывается у границы Афганистана. Последние его километры тянутся к термезскому, самому южному речному порту нашей страны на Амударье, откуда различные грузы из Советского Союза, из стран народной демократии идут в Афганистан и Индию.

Большой узбекский тракт — это чудесная зеленая улица, протянувшаяся через древние горы до самого края советской земли.

Ирина ВОЛК

Днем и ночью по тракту снуют машины.

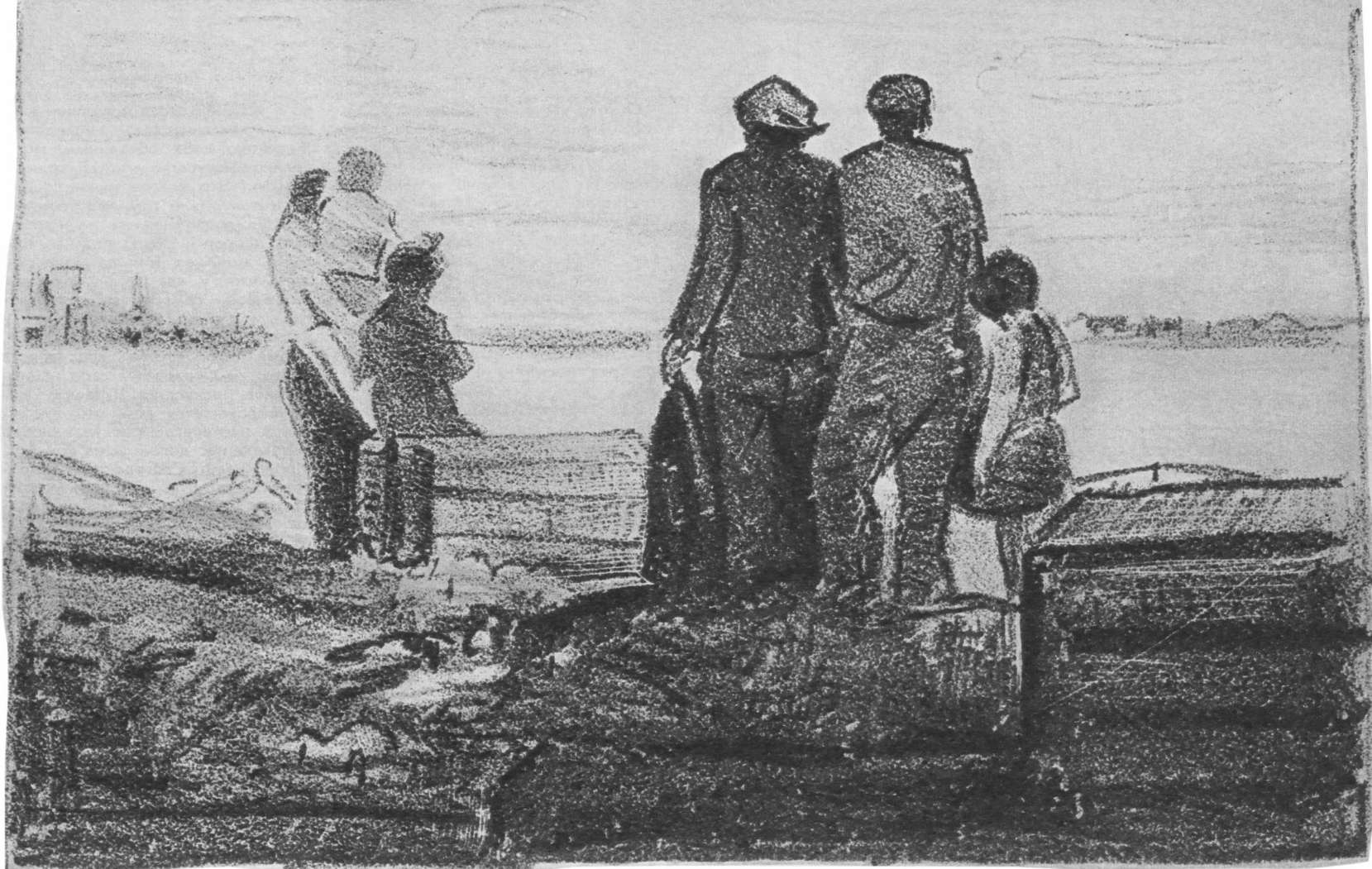

Возле Шахрисябза высятся остатки тамерлановского дворца Ак-Сарая. До сих пор не померкли удивительные краски изразцов, секрет которых и поныне не разгадан. У древних стен разыгралась борьба за мяч.

Мимо древних гор по старому караванному пути идут железнодорожные составы.

Термез — самый южный речной порт нашей страны.

ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

7. ТРИ ЖИЗНИ

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки уругвайского художника Анхело ЭРНАНДЕСА.

Плод времени

Когда мы возвращались из пампы от помещика Археншейдта, наш друг Пьедемонте в местечке Тала остановил машину.

— Я хочу показать, — сказал он, — дом, в котором прожил много лет знаменитый уругвайский поэт-гаучо Хосе Алонсо Грельес, создатель стихов и песен в народном духе.

Мы подошли к старенькой деревянной ограде, над которой свесились желто-багряные ветви деревьев.

— Он был образованным человеком, много времени провел в пампе, путешествовал с гаучо по степям. Стихи и песни у него грубоватые, сложные. Он очень любил свою землю и любил простых людей. Отец его был учителем из Астурии, — говорил Пьедемонте.

Вокруг была разлита вечерняя тишина. Солнце уже царапало крыши своим ободком. В неболь-

шом пруду играли розовые краски заката.

— А кто сейчас здесь живет?
— Не знаю.

— Родственники?

— Вряд ли... Он умер четверть века назад... Но популярность его и поныне велика. От него многое не дошло... В частности, пьесы... Часть затерялась, некоторые уничтожены самим поэтом, но стихи, которые он в 1916 году объединил в книге под названием «Паха Брва», переиздаются и сейчас и очень любимы читателями.

На другой день Пьедемонте подарил мне книгу стихов Хосе Алонсо. Стихи оказались пересыпанными диалектизмами, но вместе с тем очень сильными. Одно из них, «Плод времени», я перевел:

— Ты идешь, старина?

— Никуда не иду,

Как котел, тяжела голова,

И хожу я как будто в бреду,

Растеряв по дороге слова.

Даже скачки коней меня
не влекут,

К ним давно интерес
потерял...
Будет староста там —
значит, повод найдут,
Чтобы кто-то меня оскорблял.

Поносить меня будут,
как негра, ругать, —
Долго после лица от обиды
горит, —
Острый голод насмешек
роскошная знать
Хлебом ругани удовлетворит.

Нет, идите вы сами,
а я уже стар,
Не боюсь никакой я молвы,
Но остался в душе моей дар —
Ни пред кем не клонить
головы.

Для чего я пойду? Чтоб
какой-то солдат
Обозвал бы калекой меня?
Чтоб ему на башку опустил
я приклад,
Пустобреха-мальчишку кляня?

Это сделаю я, если сердце
горит!
Чем еще перед ними богат?
Сердце гаучо не сносит
обид,
Хоть и кости потом трещат.

Дай-ка в хижине лучше
побыть, у земли,

Той, что вскормлен и вечно
влюблен,
Чтоб увидеть, как горные
цепи вдали
Переходят виденья далеких
времен.

Я их вижу, еще не совсем
я ослеп.
Это право не дам никому...
Здесь давно уже не продается
хлеб,
Хлеб свободы — имя ему.

Стихи были написаны поэтом на склоне лет. Усталость от жизни и борьбы сквозила в каждой строке. И в то же время какая-то непримиримость к злу и упрямство человека из пампы заставляли вчитываться в каждую строку. Думалось: усталость ли поэта или действительно время продиктовало Хосе Алонсо эти стихи? И перешли ли эти настроения к тем, кто живет сейчас и является нашими современниками?

Знакомство с жизнью трех людей в какой-то степени ответило на эти вопросы.

Анхело Эрнандес

Друзья сказали нам, что в Монтевидео живет талантливый молодой художник Эрнандес.

См. «Огонек» №№ 31—36.

Художник Анхело Эрнандес.

— А нельзя ли посетить его студию?
— Нельзя.
— Почему?
— У него нет студии.

Встретились мы с Анхело Эрнандесом в небольшом пригородном ресторане, в котором обычно проводят время литераторы, артисты, художники, музыканты. Эрнандесу передали мою просьбу познакомиться нас с его работами. Он пришел в ресторан со свер-

Скульптор Армандо Гонсалес. Фото автора.

ком. Указывая на один из рисунков, разложенных на столе, он говорил:

— Это голодные рабочие. Они стоят на берегу и смотрят на выброшенный в море картофель. Предприниматели пытались удерживать высокие цены на рынке. Но у рабочих не было ни денег, ни картошки... Это нарисовано с натуры.

Нас привлек рисунок: женщина, сидящая на табуретке. Лица ее не было видно.

— Это прачка, — сказал Эрнандес. — Я много видел женщин, так устающих после тяжелого труда.

— Рисунок печатался где-нибудь?

— Нет, что вы! Негде... Единственное место, где можно это сделать, — газета «Популяр». Я там сотрудничаю, но все ведь не напечатается... Потом, знаете, в газете нельзя передать все тонкости рисунка.

На большом листе мы увидели фигуру босого человека, бинтующего себе ноги.

— Тоже натура, — сказал Эрнандес. — Рабочий мясохладобойни департамента Рио-Негро. Вместе с тремя рабочими он проделал «голодный марш» из Рио-Негро в Монтевидео.

Художник указал на рисунок, изображающий голову пожилой женщины.

— Такую женщину мне довелось повидать в поезде. У этой старушки было очень доброе и умное лицо. По всей вероятности, она много пережила, очень любит людей. В вагоне было темно, но мне захотелось нарисовать этого старого человека.

Еще один рисунок карандашом изображал опрокинутого навзничь негра. Его массивное тело, казалось, заполнило весь горизонт.

— Думаю, здесь не требуются пояснения, — сказал Эрнандес. — Я дал этому рисунку название «Литл-Рок».

— Мы хотели бы познакомиться с советскими читателями с вашими работами.

— Пожалуй, выберите любые рисунки. Я буду очень счастлив.

Я отобрал пять рисунков, которые мы печатаем в журнале. Мне трудно написать о них что-либо, кроме того, что услышано из уст художника. И я даже забыл спросить Анхело о его жизни. Когда же вернулся в Москву, очень сожалел об этом.

Но потом показалось, что жизнь этого талантливого человека ясна. Его симпатии, ненависть были выражены в том, что нанесла на бумагу его рука.

Армандо Гонсалес

Нас пригласил к себе один из виднейших уругвайских скульпторов — Армандо Гонсалес.

На окраине города, где кончилась асфальтовая мостовая и куда нельзя было уже подъехать автомашиной, так как недавно прошли дожди, оказалась его небольшая студия.

О том, что здесь живет скульптор, можно было узнать, не спрашивая и адреса. Во дворе в лесах из железных труб стояла большая фигура лошади. На таких коней обычно сажают знаменитых всадников.

К нам навстречу вышел Гонсалес. Он был в клетчатой рубашке навыпуск. Попрошавшись с человеком, который привез ему воз дров, он обратился к нам:

— Хотя я и предпочитаю работать на воздухе, однако иногда неплохо посидеть около теплой печки.

Здесь же стояла еще не законченная скульптурная группа — женщина с двумя детьми.

— Это учительница, — сказал Гонсалес. — Мне хотелось передать ее порыв к свету, желание повести хорошей дорогой детей в будущее. По-моему, одна из самых великих профессий человека — воспитание детей. Это, по существу, — воспитание нового поколения человечества. Вот что такое учителя.

— Как вы стали художником, Гонсалес?

— О, у меня было много профессий. Я когда-то мостил улицы. Работал зеленщиком, продавал овощи. Пробовал и канцелярскую работу. Даже был журналистом.

— Вы учились?

— Какое могло быть учение? Впрочем, учился. У жизни... Я всегда рисовал. Когда мне было двадцать два года, я занял первое место на одном из конкурсов. Получил небольшую сумму денег. Это меня очень поддержало. На первых порах я даже мог помогать своему отцу; он сапожничал, мать у меня была прачкой. Пожалуй, мне повезло: я получил до тридцати премий в стране. Это, конечно, были небольшие деньги. Приходилось делать что попало: писать афиши, разрисовывать салоны, заниматься мозаикой, фресками для школ. Вот и сейчас я расписываю большое панно для школы. Иногда делаю плакаты. Хотите посмотреть?

Гонсалес показал плакаты, посвященные борьбе за запрещение атомного оружия.

— Вы связаны с движением борцов за мир?

— Да, конечно. Я заместитель председателя Национального Комитета борцов за мир. Мое участие в этом движении началось с того момента, когда американский посол в Уругвае попытался вербовать в Монтевидео солдат для посылки в Южную Корею. Я выступал на митинге, был арестован, провел несколько дней в тюрьме. Мы распространили по всей стране письмо протеста.

Касаясь отношения художника к действительности, Гонсалес говорил:

— По-моему, искусство должно выражать мысли и чувства народа. Художник должен синтезировать эти чувства. Через этот синтез художник выражает и свое собственное «я», свое отношение к действительности. Искусство должно выполнять воспитательную функцию, то есть, если говорить проще, воспитывать человека. Мы внимательно следим за развитием советской литературы и искусства. Я лично сторонник метода социалистического реализма, потому что именно он открывает большие просторы для художника. Настоящий художник не может уходить толь-

ко в историю, хотя и должен изучать классическое наследие. Я считаю себя обязанным знать великое искусство египтян, греков, римлян. Это всегда нужно знать, но и помнить о том, что твое искусство должно иметь национальную форму. Наша страна еще очень молодая, и я не могу сказать, что у нас есть ярко выраженное самобытное уругвайское искусство. Но потому, что у нашего народа хорошая душа и, кроме того, страна красивая, я думаю, мы создадим свое национальное искусство. Правда, дело осложняется тем, что художник у нас всегда рискует: любая работа у нас делается на конкурс, и оплачивается только то, что приобретается. Это, конечно, усложняет нашу жизнь, но мы не теряем духа.

Он стоял перед нами — плотный, коренастый, с вымазанными глиной руками. Твердая убежденность звучала в его словах.

Луис Алемани

Нас всюду сопровождал Луис Алемани. Он всегда был молчаливым, неразговорчивым, удивительно скромным и непредвзятым. Сообщал нам о том, что нас где-то ждут и что туда нужно пойти обязательно...

Однажды, в час ночи, вместе с ним мы оказались в редакции газеты «Трибуна Популар» — одной из самых старейших газет Уругвая.

Встретил нас высокий веселый человек, секретарь редакции Пейльдуэро Онискс.

— Что вы считаете самым главным в ваших газетах? — спросили мы.

— Главное? Сенсации. Наши читатели привыкли к ним, к страшным заголовкам. Если этого нет, они не покупают газеты. Секретарь одной редакции на этот счет имел особую страсть. Когда подходило время выпускать газеты и не было сообщения об убийстве, он был вне себя и кричал репортерам: «Идите и убейте кого-нибудь, без этого газета не может выйти!» В одном департаменте, где чаще всего бывали убийства, газета держала своего специального корреспондента... Наша же газета, хотя мы тоже любим сенсацию, несколько иная. Во-первых, она имеет большое влияние на интеллигенцию, а во-вторых, у нас могут выступать журналисты самых различных партий. Вот даже Алемани у нас выступает.

Алемани стоял в стороне и застенчиво улыбнулся при этих словах.

Вместе с Алемани мы посетили газету Коммунистической партии Уругвая «Популяр». На беседу пришел один из старейших журналистов Уругвая, товарищ Пинтос. Это был единственный из ныне живущих уругвайцев, видевших Ленина. Мы попросили его рассказать все, что он помнит об этой встрече.

— Я был делегатом на конгрессе Коминтерна от уругвайской компартии. И вот вспоминаю: в зал заседаний вошел человек, его узнали. Все поднялись и минут десять аплодировали Ленину. Потом ему предоставили слово. Он произнес несколько фраз на немецком языке, остановился, смотрел в зал, как бы ища ответа: все ли понимали его. И если видел у некоторых непонимание,

снова повторял то, что говорил. Когда он закончил свою речь, мы пели «Интернационал» на многих языках мира.

И на этой встрече Алемани сидел в стороне, молчал и внимательно слушал.

Однажды мы ехали в город Минас, расположенный неподалеку от Монтевидео. В машине почти все дремали.

Я сидел рядом с шофером, Алемани — за моей спиной на откидном сиденье.

— Расскажите мне о вашей жизни, — попросил я Алемани.

Он очень удивился:

— О моей жизни?

— Да. Вы коммунист?

— Нет.

— А почему вы помогаете нам?

— Я честный журналист. Как же я могу писать неправду?! Я видел вашу страну.

По обеим сторонам дороги мелькали холмы, желтые долины, рекламные объявления...

— Ну, пожалуйста, если вам это интересно, — сказал Алемани. — Отец мой был провинциальным журналистом. У него была своя газета, она называлась «Новая республика». В течение семи лет отец был владельцем этой газеты. Потом он ее продал. Я учился в промышленном колледже в Монтевидео. В 1939 году у нас вспыхнула студенческая забастовка. Мы были недовольны порядками в колледже. Я был одним из лидеров забастовки. Я получал какую-то небольшую стипендию, у меня ее немедленно отобрали, и мое учение кончилось. Мне пришлось вернуться в провинцию, к отцу.

У отца были небольшие сбережения. Я пытался уговорить его снова издавать газету. Я даже сделал клише и придумал название этой газеты; оно вам будет знакомым: я предлагал назвать газету «Искра». Но отец сказал, что денег не хватит. Я не очень был с ним согласен, думая, что моих взглядов на вещи и события вполне достаточно для того, чтобы выпускать газету. Но это оказалось невозможным. Я пошел работать электриком.

Но потом я все же поступил на работу в газету. Это было в годы войны. У нас выработалась своя традиция: когда мы получали какие-либо хорошие сообщения, то сирена, установленная в нашей типографии, давала знать об этом всему городу. Все знали, что получено важное известие. Мы провели даже три митинга. Первый митинг был посвящен Сталинграду, другой — открытию второго фронта и третий — взятию советскими войсками Берлина.

Закончилась война, и я понял, что мне не усидеть в маленьком городе. Я вернулся в Монтевидео и снова стал электриком. Одновременно работал в разных газетах. Газеты были буржуазные.

Я был одним из организаторов Союза журналистов Уругвая и участвовал в 1954 году в конгрессе журналистов в Чикаго, а затем — в Сан-Паулу, где был председателем комиссии по вопросам печати.

Должен сказать, что одним из самых больших впечатлений в моей жизни было посещение Берлина. Известие о взятии Берлина было огромным праздником для всего человечества, в том числе и для меня. Но вот, когда я побывал в этом городе, я понял, что такое фашизм. Может быть, я нигде это так не почувствовал, как вот, представьте себе, около памятника советскому солдату. Вы помните его? В плащ-палатке, в

Прачка.

тяжелых армейских сапогах, солдат, попирая свастику, держит на руках ребенка. По-моему, немецкого ребенка. Величайший гуманизм выражен в этом памятнике. Я видел разрушенный Берлин и видел этот памятник. Там я почувствовал страшную опасность новой войны. Я осознал ее всем своим существом. И тогда понял, что уже не могу не побывать в Советском Союзе. Я поехал в Москву. Ездил по вашей стране, смотрел ее... А когда вернулся в Уругвай... — Тут Алемани забарабанил пальцами по спинке си-

Литл-Рок.

дня. — А когда вернулся в Уругвай, — повторил он, — меня выгнали из всех газет, меня уже нигде не хотели печатать. Я стал «красным», «коммунистом». Только в «Популяр», органе коммунистической партии, предложили мне сотрудничать. Да вот иногда в «Трибуне Популяра». И вот, поверьте вы мне или нет, но я первый раз в жизни осознал огромную ответственность за каждое слово, которое буду писать. Почему? Потому что чувствовал, что каждая моя статья направлена в будущее. Я был очень взволнован и вместе с тем стал работать, уже не думая о том, понравится та или иная статья моя директору или не понравится. Я на всю жизнь порвал с буржуазной журналистикой и вернулся к своему детству: и я учусь. Я очень скромный ученик. Правда, я написал книгу «Проблема журналистики», но, к сожалению, не могу ее издать. У меня нет таких денег, чтобы издать свою книгу. У нас очень дороги книги. Стоимость книги среднего размера составляет примерно четыре процента заработной платы рабочего.

Участник «голодного марша».

— А скажите, Луис, что вы писали в ответ сенатору Луису Трокколи?

— О, это старая история! Дело в том, что мы были с ним почти одновременно в Советском Союзе. Он пользовался довольно широко вашим гостеприимством. Но, к сожалению, когда вернулся, произнес нечестную речь. Вы знакомы с ним?

— Да, мы были в газете «Аксон», где он работает политическим редактором.

— И какое он на вас произвел впечатление?

— Он радушно нас встретил и даже помог кое в чем.

— Да? Но я не мог в связи с его речью промолчать.

— Что же вы написали?

— У меня была статья, называлась она «Правда вполтину — хуже лжи».

На другой день мы получили статью Луиса Алемани. Мы не слышали речи сенатора Трокколи, но статья Луиса Алемани говорила о многом. Вот выдержки из его статьи:

«...С особым вниманием я следил за Вашим выступлением, связанным с впечатлениями и наблюдениями, вынесенными Вами из поездки в Советский Союз... Вы пытаетесь повлиять на обществен-

ное мнение. Хорошо. Я также влияю на общественное мнение в силу своей профессии журналиста.

...Я должен сказать Вам, что тоже только что вернулся из Советского Союза. Я был в тех же местах, что и Вы; и даже больше, я проехал по многим городам Сибири. Я говорил с деятелями правительства, с членами парламента, с депутатами Моссовета и местных органов власти других городов. Я был на заводах и сельскохозяйственных предприятиях, я разговаривал с журналистами и представителями народа, наконец, я видел все то, что только можно было увидеть во время путешествия по различным областям Советского Союза, свободного и насыщенного путешествия по маршруту, который мы сами для себя наметили. Кроме этого, мы оба были в Советском Союзе почти в одно и то же время. Я вылетел из Москвы 27 июля, а Вы приехали туда на несколько дней позже.

...Я привез с собой твердое впечатление и самое искреннее убеждение, что Советский Союз не только желает мира и мирного сосуществования, но и делает все для проведения этой политики. В Советском Союзе проводится интенсивная пропаганда идей мира и мирного сосуществования. Это показывает, по-моему, что правительство СССР подготавливает свой народ к этому миру и к этому сосуществованию.

Никакое правительство, которое думало бы о войне или о ее подготовке, не разоружало бы свой народ такой широкой кампанией. Но, кроме этого — Вы также должны были это заметить, — вся советская экономика рассчитана на мир или, если Вам больше нравится, на соревнование в мирных условиях.

Старушка.

Теперь я хочу коснуться другого аспекта, также забытого Вами. Сначала я хочу Вам сказать: я не коммунист и никогда им не был. Я социалист. В Советском Союзе я нашел правильное выражение политики, ведущей людей к счастью. Это — мое впечатление о политике Советского Союза. То, что не заметили этого Вы, оправдывается Вашими политическими взглядами, но то, что Вы избегаете откровенности с народом и обходите подобные темы, выставляет Вас как человека, нечестного по отношению к своему народу.

По-моему, Вы должны были коснуться этих тем. Избегая их, Вы не исполнили своего долга перед народом, выдвинувшим Вас на тот пост, который Вы занимаете. Нельзя забывать, что правда наполовину — хуже, чем ложь. В особенности для тех, кто каким-либо образом связан с народным доверием и должен всегда говорить правду, даже если она иногда будет горькой или станет причиной сильной оппозиции...

Читая эту статью и думая о Луисе Алемани, я невольно вспомнил его слова о том, что статьи, которые он пишет, направлены в будущее. Это было очень точно сказано.

* * *

Три жизни — три человека. И каждый из них счастлив. Счастливы тем, что посвятили жизнь своему народу, борющемуся за свободу и национальную независимость. События последних лет посеяли семена, которые, несомненно, дадут добрый урожай таких плодов, когда весь народ Уругвая обретет желанный хлеб свободы и независимости.

ОБЕДУ СЕСТРЫ ЭРИК

Рассказ

Нора АДАМЯН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Предусмотрительный и дальновидный дядя Мосес первую девочку назвал Бавакан, что означает «довольно». Это было предупреждение судьбе и просьба. Но не помогло. Через полтора года, когда дядя Мосес, как обычно, вернулся под вечер с поля, бабка-повитуха, виновато пряча глаза, развела руками. Ей нечем было порадовать хозяина. Второй дочке дали имя Тамам — «сполна», «достаточно».

Долгое время отец даже не смотрел в сторону люльки. Потом привык. Маленькое существо всегда находит дорогу к сердцу. Но все же, держа дочку на коленях, Мосес помнил, что этот ребенок не станет опорой его дома, не оживит очага. Девочка — чужое добро.

Третьего ребенка принимала уже не бабка-повитуха, а молоденькая акушерка в белом халате. У нее было такое счастливое лицо, она так смеялась, когда Мосес вошел в дом, что ожили все его надежды.

Глупая женщина крикнула ему:

— Поздравляю, поздравляю! Большая, крепкая девочка!

Дядя Мосес сорвал с головы шапку, зашвырнул ее в угол и на три дня ушел в горы. Девочку он велел назвать Эрик. «Хватит», «не нужно больше» — выражало это слово.

Не нужно так не нужно. Годы шли, по дому и саду бегали нескладные, голенастые девчонки-подростки, и Анна, жена дяди Мосеса, стала забывать, как возятся с маленькими. А когда оказалось, что ей придется это вспомнить, в селе уже была больница с родильным отделением.

Дядя Мосес сказал:

— Я без больницы ничего хорошего не увидел и теперь не ожидаю.

И отправился на виноградник.

А к полудню соседка, которая работала в больнице санитаркой, послала своего мальчишку с радостной вестью. Мальчишка примчался в сад и закричал во все горло, как его научила мать:

— Свет твоим глазам! Тетя Анна тебе сына принесла!

Нет, конечно, надеялся дядя Мосес! Недаром у него в кармане оказались блестящие серебряные монетки, которые он налепил на лоб быстрого вестника.

Новорожденного назвали гордым, красивым именем: Врамшанпук. Подвыпивший на радостях дядя Мосес поучал девочку:

— Вы должны беречь брата, чтобы волос не упал с его головы. Он ваша надежда и защита. Как скаса, будет он стоять у вас за плечами. Помните это. Храните светоч отчего дома!

Дрожа от преданности и умиления, девчонки смотрели на крохотное красное личико. Эрик протянула руку и погладила одеяло, в которое был завернут братец. Тамам ревниво отпихнула сестру. Бавакан шлепнула обеих: «Разбудите...»

И три сестры с трепетным обожанием застыли у колыбели.

После слепящего зноя виноградника в доме было темно и прохладно. Эрик вошла торопливо, кинула большие ножницы, которыми подрезала кусты, и сразу села на высокую жесткую тахту.

Всю жизнь, изо дня в день, возвращаясь с работы, она занималась привычными домашними делами: обедала всегда одна, кормила кур, убирала без того прибранный дом, в котором некому сорить.

Сейчас она сидела, не двигаясь, все думая, все вспоминая, как это случилось, что она, немолодая женщина, после семнадцати лет вдовства вдруг снова душой и телом потянулась к мужчине.

С чего же это началось?

Ранней весной, когда откапывали виноградники, кто-то из женщин сказал, будто Мацо Дастакян в клубе похвастается: «Папаху с головы сброшу, если не женюсь на шмавоновой вдове».

— Пьяный был? — спросила Эрик строго.

— Немного пьяный, — ответили ей, — да он и трезвый то же самое говорит.

Она тогда махнула рукой, но сама при случае стала искать глазами бригадира полеводов Мацо Дастакяна. Был он на два года моложе Эрик и до сих пор не женат. Шел слух, что у него в соседнем селении подружка — чужая жена. Знали, что любит Мацо выпить и погулять.

Когда он в первый раз подошел к Эрик, она отвернулась. Мацо стал подстергать ее на пути к виноградникам.

— Пожалей меня, я один, как камень на дороге...

И в тридцать семь лет она начала, как девчонка, ждать этих слов, этих встреч.

А сегодня он подошел к ней совсем близко. Рубаха на груди распахнута, пуговицы поотлетали, ворот надорван. Эрик невольно протянула руку к рубашке. Он схватил ее пальцы двумя ладонями и прижал к груди. Так их и застали женщины из бригады Эрик. Будет теперь разговоров!

Сняв с головы косынку, сбросив чусты, она сидела на тахте. Отцовский дом — временный приют для женщины, а ей пришлось провести в нем всю жизнь.

Всего на несколько месяцев уходила Эрик отсюда. Уходила невестой под звуки зурны в веселый майский день сорок первого года, а вернулась в ноябре солдатской вдовой.

Старшая сестра, Бавакан, сказала:

— Раз такая твоя доля, веди хозяйство братца.

Врамшанпук берегли все сестры: свои дети были по одну сторону, а братец по другую. Ему ни в чем не отказывали. И в городе учили и в Москву посылали. Сейчас снова учился, — значит, так нужно, ему виднее. Большим ученым будет.

Но все же у сестер свои семьи, своя жизнь. А что есть у Эрик? Если братец женится и придет в отцовский дом, то хозяйкой здесь станет его жена.

Не поднимаясь с места, женщина посмотрела на стену, где висел увеличенный с маленькой фотографии портрет покойного мужа. Шмавоном был красивый, веселый. Но она еще не успела ни привыкнуть к нему, ни приноровиться к его характеру. И первое, что приходит на память о прошлом, — это осенний день, когда у ворот сельский почтальон вручил ей «черную бумагу».

Рядом с карточкой на стене — диплом сельскохозяйственной выставки. За виноград. В этом году урожай будет еще больше. На горных участках хорошо пошли новые крымские сорта.

Мысли незаметно вернулись к привычному, и тело, будто освобожденное, потянулось, распрямилось. Эрик зашлепала ногами по прохладному полу, набрала из деревянной кадлушки ячменя и вышла во дворик покормить кур.

Солнце больше не слепило глаза. Прячась за землю, оно окрасило мир в мягкий розовый цвет. Розовыми казались спинки белых

«заводских» кур, дом, сложенный из потемневших камней, и крепкие руки Эрик.

В саду персиковые деревья опустили ветви под тяжестью еще зеленых плодов. Много фруктов в этом году. Будет братцу и свежих и сушеных.

Эрик огляделась, ища подпорки для молодого деревца, и увидела, что Мацо Дастакян открыл калитку, прошел через дворик и уже поднимается на балкон.

Она вспомнила, что у нее непокрытая голова, босые ноги, метнулась за кусты, но, рассердившись на себя, добежала до дома, вспрыгнула на балкон и преградила Мацо путь в комнату.

— По какому делу пришел?

Мацо шагнул к ней поближе.

— Скажи, если я плохого хочу или у кого что отнимаю, — уйду.

Женщина молчала. Тогда он тихо позвал ее:

— Ну... Скажи что-нибудь!

— Пьешь ты, — прошептала Эрик, опустив глаза.

— А я не буду пить, — готовно ответил он, — очень мне это нужно!

Большие руки мужчины казались серыми от земли. Он шел с поля, с работы. Его надо было умыть и накормить.

Эрик посторонилась и пропустила его в дом.

Председательница колхоза «Согласие» Бавакан Гаспарян считала, что молодые парни шоферами работать не должны. Соблазнов много. Дальние поездки, рюмочки, закуски — недолго избаловаться. Всех молодых шоферов зачислила в трактористы, а ее «Победу» водил дядя Торос. Раньше он работал кучером, и люди говорили, что на трудных дорогах старик понукает машину и подхлестывает кнутом.

Но зато ездить с ним спокойно, никакого лихачества он себе не позволяет. И если председательница спешила, то сама садилась за руль, потому что дядя Торос никогда не превышал скорость в пятьдесят километров.

И сейчас он ехал, не торопясь, напевая старую песню о чьей-то безответной любви, о чьем-то безысходном горе, песню, которую тянули его дед и отец, семена по горным дорогам за маленькими серыми ишачками.

Отец и дед два раза в год — осенью и весной — отвозили в город черствый сыр, катышки сушеного кислого молока, съедобную траву, заплетенную в длинные косы.

Дядя Торос каждую неделю гоняет в город машину и частично выполняет поручения колхоза, связанные с большими деньгами. Вот и сейчас он едет, чтобы договориться с руководством комиссионного продовольственного магазина о сдаче ранних овощей.

Бавакан дала множество наставлений: чтоб на склад товар не отправляли, а прямо брали в магазин, чтоб ящики возвращали тут же. Велела и на рынок сходить, цены узнать.

Потом вышла проводить дядю Тороса, и он знал, что председательница скажет непривычно тихим голосом:

— Я там кое-что приготовила, передашь в Ереване братцу. Еще прошу, заезжай к сестре Тамам, это тебе по дороге. Она тоже хотела гостинец Врамшанпуку послать.

Хорошо осведомленный о ее семейных делах, дядя Торос спросил:

— А в Аларик не заезжать?

Бавакан замаялась:

— Это ведь тебе крюк придется сделать...

— Что для машины восемь километров?..

— Ну, заезжай, прошу, — торопливо сказала она. — Эрик обрадуется. От всех сестер брату привет ответишь.

Перед отъездом дядя Торос находился в приятном настроении и был не прочь поговорить:

— Все учится Врамшапух? Ему уже за тридцать будет. Знаешь, как у нас определяют: в двадцать учись, в тридцать женись, в сорок трудись, в пятьдесят крепись, в шестьдесят смиришься.

Бавакан разговора не поддержала.

— Там в корзине яйца. Не побей, — сухо приказала она и пошла в контору.

Не любит она, когда хоть словом задевают брата Врамшапуха. Он у всех сестер, как свет в очах. Таких сестер иметь — можно всю жизнь не работать. Вот от одной сестры Торос везет корзину яиц да круг сыра. Теперь заехал к Тамам, директор школы она, учительница, — тоже посылка. Обрадовалась Тамам: «Только сегодня хлеб пекли, вот хорошо!» Завязала в кусок полотна кипу лаваша. Хлеб розовый, душистый, их село всегда славилось пшеницей. Еще поставила в машину горшочек масла да велела спросить, не терпит ли братец в чем нужды. Баранов остригли, так не состегать ли ему тюфяк?

А уж про Эрик и говорить нечего. Одинокая вдова только и живет братом. Как начнет собирать и вареного и печеного, всю машину завалит.

К дому Эрик вел узкий каменистый переулок. Дядя Торос не стал заводить туда машину. Оставил ее на дороге. Нынче не приходится остерегаться мальчишек. Это раньше, когда машины на селе были в новинку, детвора облепляла их, как муравьи дохлого жука. Теперь бричка, запряженная лошадьми, была бы для ребят интереснее.

Торос подошел к ступенькам балкона и, услышав в комнате голоса, уселся на ступеньку. Пусть Эрик кончает свой разговор, а он пока отдохнет от пыльной дороги.

Старик и не думал подслушивать, но люди в комнате говорили громко, а уши даны человеку, чтобы слышать.

— ...Выходишь из виноградника, как серая перепелочка. Унесла ты мой покой.

— Ой, Мацо!..

— Правду говорю. Помнишь, Первого мая ты по улице шла? Так мне жалко тебя стало! У других женщин по правую руку — муж, по левую — дети. Семейей за стол садятся. А ты идешь к потухшему очагу. Посмотрел я на тебя — рослая, видная...

— Ой, Мацо!..

— Тут я палец и прикусил. Решил: себя ей отдам, ее себе возьму.

— Все му селу разболтал.

— Да! Я такой человек. Что мне скрывать? Не ворую, не убиваю.

— А я, может, еще не пойду за тебя.

— Пойдешь. Я тебе как раз под стать. У тебя доля несчастливая, у меня доля несчастливая.

— Можешь сравнить? — В голосе зазвучала ревнивая обида.

— Ну, пусть я сам виноват. Молодой был. Не друга искал — утех. Разве поздно исправиться? Создадим свой очаг.

— Ох, что люди скажут?

— Люди скажут: «Вот правильно сделал Мацо, взял себе хорошую жену! И Эрик правильно сделала: семью построила». Вот что умный человек скажет.

Стало тихо, и снова послышалось:

— Как перепелочка по дороге шагаешь, играешь...

— Ой, Мацо!..

Дядя Торос узнал главное, а нежностей не переслушаешь, даром что влюбленным не по двадцать лет. Старик затопал ногами по ступенькам крыльца.

— Эрик, где ты там?..

Женщина выскочила раскрасневшаяся, простоволосая. И дядя Торос не смог отказать себе в удовольствии еще больше смутить всегда чинную, спокойную Эрик:

— Полчаса здесь сидел. Больше не могу ждать. Собери, что брату посылаешь.

Она заметалась из комнаты в сарайчик, из сарая в курятник. А на крыльцо вышел Мацо Дастакян, угостил дядю Тороса табаком, и они, стоя, курили, пока Эрик наливала в банку меду, насыпала в мешочки крупы — аджар, дзавар, — складывала стопку чистого белья.

— Рубашку не успела погладить... И носки не поштопала, скажи, с первой okazji пришлю...

— А еще что передать? — игриво спросил шофер.

Эрик потупилась.

— Скажи, персиков в этом году много будет...

Врамшапух жил в университетском общежитии, на втором этаже, предназначенном для аспирантов.

Казалось бы, что в коридоре, куда выходят комнаты молодых ученых, должна царить строгая академическая пустота, присущая еще не обремененной имуществом молодости.

Но аспиранты, едва успев получить в свое владение комнату, немедленно обзаводились семейством. Перед каждой дверью вырастал столик, на котором громоздилась посуда, на полу выстраивались керосинки и бидоны, на стены навешивались тазы, ванночки и велосипеды.

Врамшапух проходил мимо всех этих вещей, почти не замечая их. Он был поглощен изысканиями, сложными и значительными, не оставляющими места для житейских мелочей. Если на суженом пространстве коридора дорогу Врамшапуху преграждал ребенок-ползунок, аспирант стучал в первую же дверь, молча указывая на младенца, и его тотчас куда-то убрали.

Удобства быта мало заботили будущего ученого. Возле его комнаты не было ни столика, ни керосинки. И если кандидатская диссертация подвигалась не так быстро, как этого хотелось руководителю работы, то не из-за недостатка усердия, а скорее от предельной добросовестности ученика.

Скромная тема диссертации «Древние свадебные обряды восточной части страны» открывала необычайные просторы пылливой научной мысли.

Конечно, не все понимали значимость и серьезность этих изысканий. Соседи по общежитию часто подшучивали над эрудицией Врамшапуха. Физик Гарник Есаян, услышав сообщение Врамшапуха о значении раскраски женской одежды — о том, что синий фартук надевался на красную юбку для защиты от

дурного глаза, а на головных уборах делались выпуклости в виде рожков для устрашения злого духа, — восхищенно тряс головой:

— Колоссально!

А потом предлагал:

— А знаешь, есть одна не менее значительная тема: «Метод определения количества волос в хвосте домашнего животного путем выпивания». Вот бы тебе, а? И длительно и спокойно!

Врамшапух на молодежь не обижался. Он не рассердился на Гарника даже тогда, когда тот, с блеском защитив диссертацию, выехал из общежития, повесив на двери Врамшапуха написанный от руки плакат: «Кандидаты уходят, Врамшапух остается!»

Да, Врамшапух любил кропотливую, углубленную работу в тишине читального зала. Он приносил домой старые томики «Известий Эриванской губернии» конца прошлого века и вечерами перелистывал пожелтевшие от времени страницы, аккуратно извлекая все, что имело хоть отдаленное отношение к теме его диссертации. Материала набралось уже порядочно.

В этот день Врамшапуху не удавалось сосредоточиться. Где-то громко мяукала кошка, долго и нудно плакал чей-то ребенок, кричало радио. Потом в коридоре раздался грохот, голоса, смех и снова грохот.

Это было слишком. Поправив очки, Врамшапух приоткрыл дверь, чтоб своим появлением выразить недовольство.

Но на этот раз косвенным виновником шума оказался он сам. К нему шел дядя Торос и вереница добровольных помощников — дворовых ребятшек, нагруженных кто корзиной, кто мешочком.

По пути дядя Торос наткнулся на деревянный ящик, опрокинул бидон, раздавил блюдо с молоком, выставленное для кошки. После этого он облегченно сложил свой груз в комнате Врамшапуха, принял от каждого мальчишки его ношу и, не спросив хозяина, развязал узел с лавашем, помазал хлеб медом из глиняной банки и одел всех своих помощников.

— Попробуйте колхозный гостинец. Хлеб вкусный, как яичница. А теперь пошли по домам.

— Ступайте, ступайте, милые детки, — сказал Врамшапух.

Старик вытер ладонью рот и подбородок.

— Э-эх, холостяцкое житье! У тебя и чаю не напьешься.

Врамшапух улыбнулся, как человек, пони-

15

Эрик поставила тарелку супа перед Мацо.
— Ну, а пить не будем? — спросила Бавакан. — Водку для чего налили?

Она первая подняла рюмку.

— За тебя, братец. Чтоб всегда радовал ты нас, чтоб никогда не ощутили мы отсутствия твоего.

Все потянулись чокаться с Врамшапухом. Но он поднял свой стакан, стукнул им об стол:

— Нет!

Голос его прозвучал неожиданно громко и строго:

— Мысли мои сегодня о другом.

Все молча смотрели на брата, все ждали, что же он скажет.

— Я думаю сегодня о высоких нравственных традициях народа, пронесенных в наши дни его славными дочерьми. Я думаю сегодня о единственной любви, которая делала сердца наших женщин непорочно чистыми. В этой связи я хочу сказать о своей сестре Эрик, скромной труженице, свято хранящей верность своему герою-мужу. Эта верность украшает ее жизнь, служит примером для молодых, вызывает уважение у всех знающих ее...

Мой незабвенный друг Шмавон может спать спокойно. Его жена останется верна ему. Она будет жить, как одинокое дерево на вершине горы. Эрик, я ценю тебя!

В этой красивой речи имелись кое-какие неточности. Шмавон никогда не был другом Врамшапуха. Они виделись один-единственный раз, когда жених приезжал из своего села за невестой. И было тогда братцу Врамшапуху всего тринадцать лет.

Но об этом никто не вспомнил. По загорелому лицу Эрик бежали слезы, она вытирала их ладонями.

Врамшапух со строгим выражением лица выпил водку. Бавакан, громко вздохнув, потянулась за рюмкой, но Мацо спросил:

— Я не понял, за что буду пить? Ты, Врамшапух, сказал насчет дерева. Но дерево каждой весной цветет и свой плод дает. Его обычай такой.

— Человек потому и человек, что живет по другим законам.

— Нет такого закона, чтоб всю жизнь нести горе.

— Есть высокие понятия и традиции, которые не всем доступны.

Мацо беспомощно огляделся. Он искал поддержки. Ему было трудно вести этот инсказательный разговор. Эрик откровенно плакала. Тамам потупилась. Бавакан тоже смотрела в сторону.

— Давай, брат, криво сядем — прямо скажем, — решил Мацо. — Чем я тебе не подхожу? Чем не нравлюсь? Выскажи начистоту.

— А кто ты такой, чтоб мне нравиться? Я тебя до сих пор не знал и дальше знать не хочу.

— Не знал? — крикнул Мацо. — Ах, ты...

Он готов был сказать что-то отчаянное, но спохватился, встал из-за стола и, размахивая на ходу руками, пошел к двери. Там он снова обернулся к Врамшапуху.

— Я когда это дело начинал, много думал. И о нем тоже думал. — Мацо кивнул на фотографию Шмавона. — Я убежден, что ему ничего плохого не делаю. И для Эрик только хорошего хочу. А вот тебя не учел.

Он толкнул дверь и пошел было прочь.

— Мацо! — отчаянно закричала Эрик.

Бригадир сумрачно взглянул на нее с порога.

— Он куда не уйдет! — с вызовом сказала Эрик.

Первая отозвалась Бавакан:

— Ты садись, Мацо...

— Садись, не обижайся, — увещательным тоном опытной учительницы позвала Тамам.

— А кто я такой, чтоб обижаться? — с горечью спросил Мацо и, не выдержав, закричал: — С детства из одной миски ели — он меня не знает! Кого он тогда знает? Я вам скажу: себя он только знает! Одного себя!

Первый раз в жизни промолчали сестры, когда при них нелестно отозвались о Врамшапухе.

Мацо решительно шагнул к столу, поглядел на родню, обхватил Эрик руками и крепко поцеловал в губы. Так, по старинному обычаю, он закреплял свои жениховские права.

Потом с видом человека, совершившего торжественный обряд, сел и усадил рядом с собой Эрик.

Врамшапух не мог этого вынести. Хотел покинуть стол. Бавакан удержала его за руку.

— Куда ты? Твое место здесь.

— Если мое слово ничего не значит в этом доме...

— Хозяин дома ты. Будешь ты здесь жить?

И это спрашивала сестра Бавакан, которая лучше всех знала, что жить он здесь не может! Только сегодня он рассказывал ей о своей работе, делился планами. Свет перевернулся, что ли?

— Братец, — вдруг горячо заговорила Эрик, — все тебе будет, как было: и мед, и масло, и фрукты. Не беспокойся ты, не думай об этом!

С чего она взяла, что он думает о таких вещах? Врамшапух подыскивал слова, выражающие негодование, но сестра Бавакан опять помешала ему.

— Для тебя, братец, все как было, так и останется, — устало заверила она.

Тогда, опершись руками о стол, Врамшапух поднялся, секунду постоял, покачиваясь, в раздумье и ушел, выразив этим свое отношение ко всему происходящему.

Он не сомневался, что сестры поймут его молчаливый протест. Сейчас им станет неловко, они забеспокоятся, с места поднимется одна, потом другая. Выбегут искать его, уговаривать, как в детстве, когда он, пугая их, прятался в пустой карас из-под вина, а девочки бегали, крича охрипшими от слез головами:

— Братец, родной, где ты, отзовись!..

В саду рядами стояли низкорослые круглые персиковые деревца, у забора подымались мощные кроны орехов. От шелковистых листьев сусанбара остро пахло мятой. Где-то стрекотал сверчок.

Когда-нибудь Эрик еще скажет спасибо за то, что Врамшапух расстроил этот брак. Он правильно сделал: встал и ушел. Теперь Мацо не остается ничего другого, как покинуть дом. Не будет же гость сидеть за столом без хозяина!

Но время шло, а Мацо не уходил. Врамшапух надоело стоять под деревьями, где была застойная, влажная духота. В комнате зажегся свет. Стало видно, что они все еще сидят за столом.

Врамшапух подошел ближе. Сестра Тамам громко говорила:

— Живите так, чтоб мы радовались, глядя на вас. Будьте счастливы!

И Мацо серьезно отвечал:

— Будем!

По их милости Врамшапух проводит ночь в саду. Ему это надоело. Кто хозяин в доме? Может быть, он хочет отдохнуть на своей кровати!

Раз два Эрик подходила к двери, вглядываясь в темноту, и тогда Врамшапух отскакивал от окна, точно вор.

Наконец под тяжелыми сапогами Мацо за скрипели деревянные ступеньки, и с улицы послышалась его громкая песня.

Врамшапух поднялся на балкон. Там, приклонившись к перилам, стояла Бавакан. Чему-то улыбаясь, она, пожилая женщина, подпевала:

«Мне приснился сон прекрасный,
Был отраден сердцу он...»

Брат остановился возле нее. Надо из этой нелепой поездки извлечь хоть какую-нибудь пользу.

Когда сестра поедет к академику? Хорошо бы это сделать поскорее. Хоть завтра.

Бавакан ответила не сразу.

— А знаешь, братец, не поеду я к профессору. В этом деле ты уж сам за себя как-нибудь...

Утром, когда дядя Торос пригнал машину, чтоб отвезти Врамшапуху в город, сестер уже дома не было. Бавакан затемно на первом попутном грузовике отправилась в свой колхоз. Тамам что-то понадобилось в здешней школе. Эрик убежала на виноградники.

Врамшапух сидел в машине, и дядя Торос последний раз протирал тряпкой серые бока «Победы», когда мимо прошли женщины с мотыгами в руках.

— Эй, дядя Торос, что, просватали Эрик? — крикнула одна.

— Говорят, крепко просватали, как молодых, с поцелуем, — засмеялась другая.

— Крепко, крепко просватали, — тоном очевидца ответил дядя Торос, — по-мужски дело сделали. Даром, что ли, братец из города приезжал! Как гора, стоит он за плечами сестер!

И, сев за руль, старик включил мотор.

Мои ответы

В. ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

Не хватило лавок — притащили доски,
Разместили кое-как людей...
В сельском клубе девочки-подростки
Танцевали танец лебедей.

Я на них не мог налюбоваться.
Я совсем забыл про тесный зал...
Я таких восторженных оваций
И в больших театрах не слышал!

Снова танец.
Снова тихо-тихо.

Полушубки.
Кофты.
Пиджаки.
Рядом с агрономом — пекариха.
На передних лавках — старики.

А на сцене — танцы из балета.

...Говоришь: «Медвежий угол... Глушь...»
Я отвечаю коротко на это:
«Чушь!»

Ухта.

СТАНИСЛАВ ВЫСПЯНСКИЙ И ХУДОЖНИКИ ЕГО ВРЕМЕНИ

КАРТИНЫ С ВЫСТАВКИ В МОСКВЕ

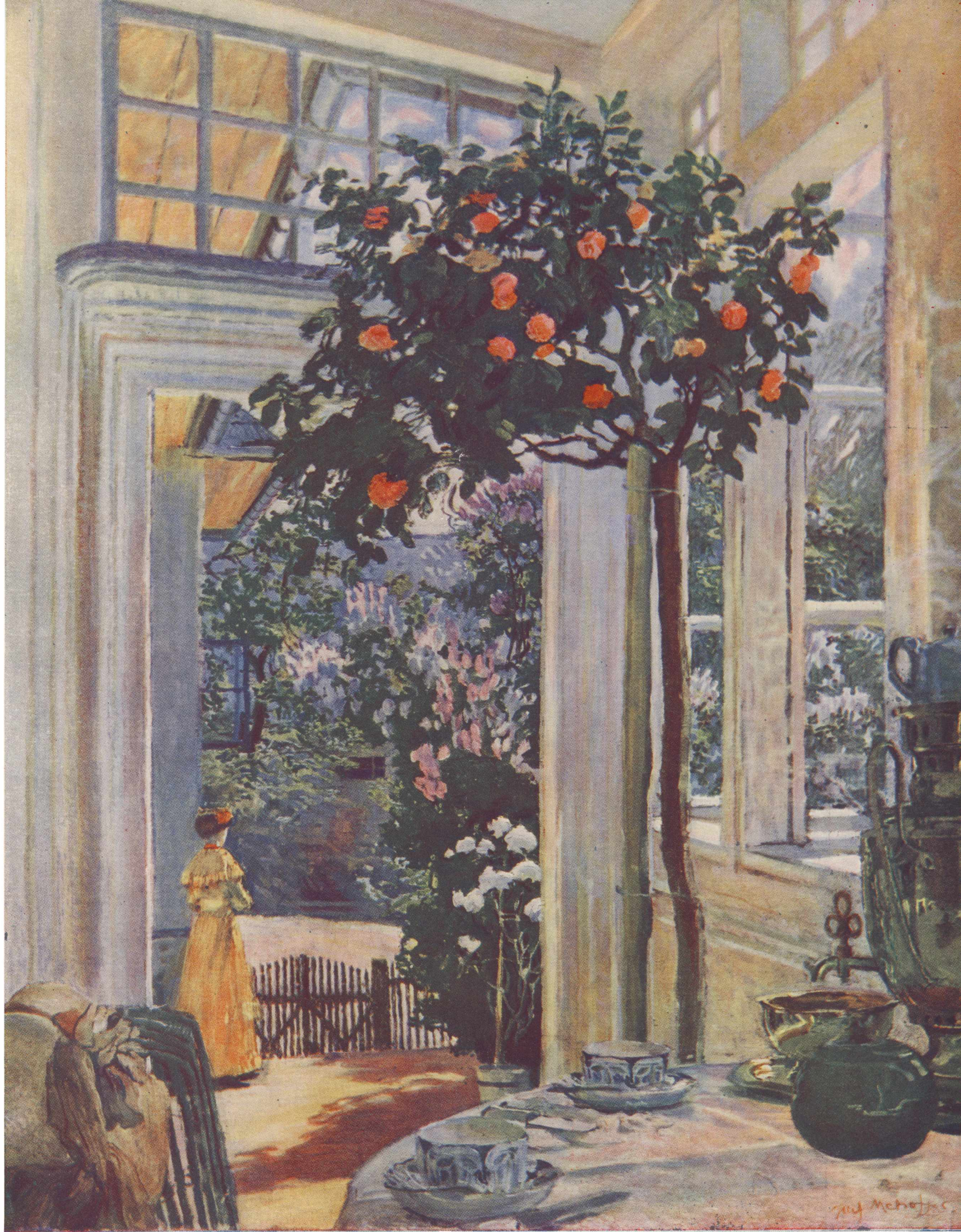
С. Выспянский (1869—1907).
АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ
СТИЛИЗОВАННОЙ
РАСТИТЕЛЬНОСТИ. Пастель. 1902.
Варшава. Национальный музей.

С. Выспянский. СПЯЩИЙ СТАСЬ.
Пастель. 1904.
Познань. Национальный музей.

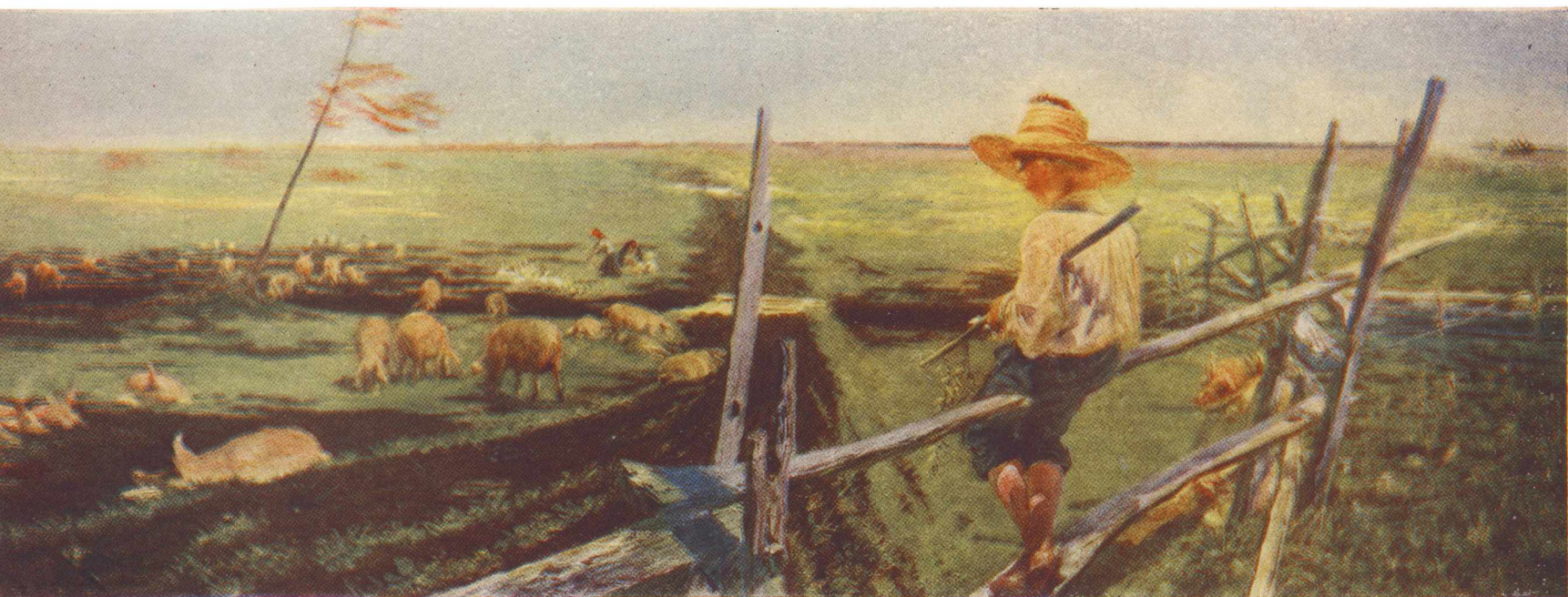

Юзеф Мехоффер (1869—1946). МАЙСКОЕ СОЛНЦЕ.

Варшава. Национальный музей.

←
Юлиан Фалат (1853—1929). ОХОТА. Акварель. 1890.

Яцек Мальчевский (1854—1929). ВОСПОМИНАНИЯ МОЛОДОСТИ.

Варшава. Национальный музей.

Леон Вычулковский (1852—1936). БЕЛЫЕ РОЗЫ.

Краков. Национальный музей.

Станислав Выспяньский

Станислав Выспяньский — польский художник и поэт, драматург и режиссер. Его творчество, яркое, глубоко национальное, — целая эпоха в истории польской культуры конца XIX — начала XX века.

Крупнейший художник-реалист Ян Матейко, взыскательный педагог, воспитал не одно поколение польских художников. Среди учеников Матейко самым последовательным и талантливым был Станислав Выспяньский.

Матейко оказал огромное влияние на формирование творчества молодого Выспяньского. Однако это влияние выходит далеко за рамки чисто живописных проблем; оно заключено в общности идейных позиций. Пристальное изучение национальной истории, методов работы, когда зарисовки с натуры сочетались со скульптурным штудированием памятников искусства и литературных источников, — и все это для создания произведений, проникнутых свободобольным и патристическими идеями.

Выспяньский тяготел к сюжетам, овеянным духом народных преданий и легенд. В поисках новых живописных форм он обратился к искусству польской деревни. Понять это — значит понять особенность творчества Выспяньского в целом: его стремление к монументальным формам в стилистике росписей, витражах, в драматургии обращение к фольклору, к легендарным событиям из истории Польши, его поиски национальных форм. Неудержимый полет фантазии, причудливое переплетение сказочного и реального, декоративность Выспяньского во многом созвучны творчеству русских художников того времени — Врубеля и Виктора Васнецова.

В начале 90-х годов, после длительной поездки по Европе, в которой он все свое время посвятил изучению памятников изобразительного искусства, Выспяньский вернулся на родину, уже как сложившийся художник. В эти годы, работая над полихромией и витражами для Марианского и Францисканского костелов в Кракове, он начинает свою литературную деятельность. История знает не много таких имен, слава которых в равной мере была бы связана с живописью и литературой. Выспяньский писал трагедии на темы, взятые из античного эпоса и славянской мифологии, драмы, посвященные польскому восстанию («Варшавянка»), поэмы. Его пьеса «Свадьба» (1901), которая обличает аморальность современной ему буржуазной Польши, считается одним из высших достижений польской драматургии. Выспяньский вошел в историю театра не только как драматург, но и как режиссер и как декоратор.

Яркий, разносторонний художник был человеком исключительной скромности, редкого обаяния.

Женатый на простой крестьянке, обремененный семьей, он жил в большой бедности. Забота, нищета рано подорвали его силы. Выспяньский умер в 1907 году в самом расцвете своего таланта.

Пятьдесят лет спустя народная Польша торжественно отмечала годовщину со дня смерти Выспяньского. Была организована выставка произведений Выспяньского и других польских художников его времени — Юлиана Фалаты, Юзефа Мехоффера, Яцека Мальчевского, Леона Вьчулковского.

Советские люди познакомились с творчеством Выспяньского и художников его времени на выставке, которая была открыта в Москве.

Л. КУЗНЕЦОВА

ВЕРНОСТЬ

И. ПОНОМАРЕВ

Ее зовут Люся. Это обыкновенная русская женщина. Наверное, на ее месте миллионы других русских женщин поступили бы так же, как она. Наверное, все то, о чем хочется рассказать, — не из ряда вон выходящий случай. Во время минувшей войны бывало иногда такое, что не опишешь никаким пером, а опишешь — не удивишь.

И все-таки эта история, пожалуй, достойна широкой огласки. Потому что она и рядовая и необыкновенная. Вероятно, причиной тут просто характер нашего народа: всегда у нас необыкновенное в конце концов становится рядовым.

В общем, лучше начать по порядку...

Станица Михайловская лежит всего в тринадцати километрах от районного центра, и в послевоенное время мне частенько приходилось там бывать по делам службы. Но встреча, о которой я хочу рассказать, как ни странно, произошла только на двенадцатом году после войны. Может быть, виноват в этом я сам. Приезжая за материалом для районной газеты, всегда интересовался сугубо деловыми вопросами: как идет сев или уборка, что нового у лучшей свинарки и тому подобное. И за этими важными и нужными делами все было как-то недосуг оглянуться пошире, поискать просто интересную человеческую судьбу.

Заполнив блокнот именами и цифрами, я и в этот раз, наверное, тоже так бы и уехал к себе в Курганную, если бы Иван Григорьевич Руденко не разговорился по дороге о делах житейских.

Мы ехали с председателем станичного Совета на линейке, запряженной сытым, гладким коньком. Дело было под вечер. С полей торопились в станицу девчата и парни, обгоняя неспешно шагавших «старичков». Где-то вдалеке звучала песня, пели два голоса.

— Эх, славно! — зажмурился, почти шепотом сказал Иван Григорьевич.

Когда свернули в улицу Широкую, он, продолжая наш разговор, повернулся ко мне.

— Вы говорите, разное бывает в жизни... Что верно, то верно. У нас есть такой Ульянов, Николай Николаевич. Да вот здесь он и живет! — Руденко кивнул вправо. — Его и в штыки и топоры жизнь брала. Кому другому сказать — не поверит...

Я насторожился. Ульянов!.. Николай Николаевич Ульянов... В памяти моментально, как укол иглы, вспыхнуло далекое воспоминание. Неужели тот самый Николай Ульянов?

— Давайте зайдем, — предложил я Руденко.

Он натянул вожжи, конек стал. Спрыгнув с линейки, мы поразмя-

ли ватные, затекшие во время езды ноги, подошли к калитке.

На зов Руденко из дому появилась молодая женщина, на вид лет тридцати — тридцати пяти.

— Здравствуйте! — первой поздоровалась она.

— Дома? — спросил Руденко.

— Дома, дома! Заходите.

Едва мы ступили во двор, из хаты навстречу нам вышел мужчина среднего роста. Лицо изрублено шрамами и рубцами, правый рукав фуфайки пустой. Но самое главное — глаза. Они блестят каким-то неестественным, стеклянным блеском. Человек приветливо улыбнулся, но мне сделалось грустно от этой улыбки: сразу стало понятно, что он слеп. Нет, не таким запомнился мне тот Николай Ульянов!

— Знакомьтесь! — громко сказал Руденко.

Мы пожали друг другу руки. Я спросил:

— Вам не приходилось воевать на Малой земле, под Новороссийском? В сорок третьем...

Что-то дрогнуло в незрячем лице стоявшего передо мной человека. Так бывает с усталым путником, который после долгой дороги увидел наконец вдали, на горизонте, дымки родимой станицы. И еще прежде, чем он ответил, я понял, что это тот самый Николай Ульянов. Я познакомился с ним на взлохмаченном снарядами плацдарме Малой земли, которая колючей костью застряла тогда в глотке гитлеровской армии.

А было так.

Темной ночью наша разведывательная группа под командованием капитана Василия Леонтьева возвращалась из очередного поиска. Излазив склоны горы Колдун и Большую балку, к рассвету мы вышли в районе кладбища в расположение красноточной морской бригады. Едва мы спрыгнули в передовую траншею, как со стороны противника ударили минометы, густо застрочили автоматы. Трассирующие пули исчертили еще темное предзвездное небо, то и дело вспыхивал колеблющийся свет ракет. Моряки не отвечали: нечего понапрасну жечь боезапас. В общем, день начинался нормально.

Разведчики, перебрасываясь короткими шуточками с окопавшимися в траншею моряками, устроили перекур. После одного особенно яростного пулеметного шквала, вспоровшего воздух над траншеей, разведчик Федор Пахомов усмехнулся:

— Симфония! В атаку, что ли, готовятся, гады?

Лежавший рядом моряк-пулеметчик сказал:

— Им сейчас не до атаки. В прошлый раз мы так им дали — на три дня хватит. Это они злятся просто.

И пояснил:

— Наши ребята из-под носа у

них всех раненых унесли. Вот они и спохватились, да поздно. Последнего, нашего командира роты, совсем недавно вынесли.

Все замолчали, слушая тонкое посвистывание пуль. Потом пожилой моряк в старом, потертом бушлате сказал, ни к кому не обращаясь, словно разговаривая с самим собой:

— Плохи дела у ротного... Ногу оторвало. Сутки пролежал без перевязки. Дела!

Капитан Леонтьев спрятал в планшетку истертую на сгибах карту, которую он изучал при всяком удобном случае, затоптал окурки самокрутки и кивнул мне.

— Сходим на КП, надо кое-что выяснить.

Минут через десять мы добрались до командного пункта. В глубокой землянке стояла немая тишина. Ярко горел на столе маленький каганец. Все, кто тут был, смотрели молча в один угол. Там на топчане лежал человек с перебинтованной головой.

Он был без памяти. Возле него стояла, не зная, что делать, совсем молоденькая медсестра. Раненый корчился на топчане и время от времени стонал. Стоявший здесь офицер отвернулся, и мне показалось, что он заплакал.

Вдруг раненый спокойно выткнулся на спине и открыл глаза. Посмотрев на медсестру, он тихо сказал:

— А, Маша...

У нее дрогнули губы. Каким-то инстинктивным женским движением она наклонилась к нему, словно для того, чтобы взбить под головой несуществующую подушку.

Раненый вздрогнул и сказал неожиданно окрепшим голосом:

— Обойдусь, не надо! — Он на секунду задумался и спросил: — Кто меня вынес?

От порога сделал шаг вперед молоденький моряк. Глаза быстрые, лукавые. Скроен ладно. Чуб надо лбом лихой.

— Товарищ старший лейтенант! — отчеканил он, как в строю. — Мы с Елисеем Гололобовым нашли вас.

Раненый долгим взглядом посмотрел на моряка.

— Как тебя зовут?

— Николай Ульянов, товарищ старший лейтенант! — весело отрубил моряк.

— Подойди поближе...

Тот шагнул к топчану. Старший лейтенант с усилием приподнялся, протянул руку моряку и, едва пожав протянутую в ответ ладонь, обессиленно поник головой. Но тут же опять приподнялся и спросил:

— Откуда?

— Кубанец. Курганинского района.

— Невеста есть?

Вопрос был неожиданный, но Ульянов опять отчеканил:

— Есть!

— Как зовут?

Моряк смутился.

— Люсей зовут.

Старший лейтенант улыбнулся.

— Может, передашь при случае: хороший у нее жених...

Так впервые я познакомился с Николаем Ульяновым.

А вскоре меня ранило, я покинул Малую землю. И больше о Николае Ульянове ничего никогда не слышал.

А с ним, оказывается, случилось вот что.

Весной 1945 года, перед самым

концом войны, в районе чехословацкого города Брно артиллерийская часть, в которой служил тогда Николай Ульянов, вела тяжелый бой с танковой группировкой противника. Собственно, гитлеровцы уже бились в предсмертной агонии. А наши знали, что ведут победный бой.

И вот возле самого орудия, которым командовал Николай Ульянов, разорвался вражеский снаряд.

Что произошло дальше, Николай не помнит.

Это был один из тех нередких на войне случаев, когда по трагическому стечению обстоятельств живого человека записывали в список невозвратимых потерь.

Николай был ранен так тяжело, что, вероятно, санитар, который в огне боя склонился над ним, принял его за убитого и, вынув из кармана смертный медальон, поспешил к другим раненым.

Мать Николая, Василиса Никифоровна, получила по почте извещение о том, что сын ее пал смертью храбрых в бою за Родину. Она сказала об этом невесте сына Люсе. Люся не упала в обморок и даже не плакала. Может быть, Василисе Никифоровне показались тогда справедливой песенная мудрость насчет того, что «жена найдет себе другого...», а невеста тем более.

Николай очнулся в госпитале. Он не увидел света: голова была забинтована наглухо от шеи до макушки. Все тело ныло: в нем сидели еще не извлеченные осколки. Правую руку покалывало, вероятно, он ее отлежал.

Николай пошевелился и чуть было не потерял сознание от невыносимой боли. Рядом кто-то облегченно вздохнул. Женский голос сказал:

— Жив будешь, дорогой, будешь жив...

Он попробовал пошевелить губами. Говорить бинты не мешали, и он попросил:

— Сестра, руку освободи. Правую.

Она ничего не ответила. Тогда он протянул свою левую руку к правому плечу. Рукав рубахи был пуст.

— Как же так? — только и сказал Николай.

Тут пришел врач. Он присел на край кровати, посчитал у Николая пульс и весело сказал:

— Ну, самое худшее позади! Теперь будем поправляться.

Николай, не шевелясь, спросил:

— Как глаза?

Врач ответил не сразу.

— Думаю, ты еще будешь когда-нибудь из духового ружья в тире по зайцам стрелять. У вас в городе тир есть?

— Я не в городе живу, — недружелюбно откликнулся Николай. — Тира нет.

По тону врача он почувствовал, что все обстоит не так хорошо, как старались ему представить.

— Будем ждать! — подытожил врач и ушел.

Потянулись долгие темные дни. Николай не писал писем домой, не писал и Люсе. Он решил для себя твердо, что напишет только тогда, когда сумеет это сделать сам, без посторонней помощи. Или не напишет совсем.

Втайне он ждал писем от родных, ждал, несмотря на то, что здравый смысл подсказывал: как же они тебе напишут, если ты не сообщил своего адреса? Если бы он знал, что его считают убитым,

Николай Николаевич Ульянов с семьей: жена Людмила Федотовна, старшая дочь Шура, младшая — Таня, мать Василиса Никифоровна. Фото Галины Санько.

он, конечно, послал хотя бы открытку, но он этого не знал...

Писем ни от матери, ни от Люси не было. С каждым днем все темнее становилось на душе. Порой он переставал себя узнавать. Он начинал мыслить как человек, которому уже ничего не осталось делать в этой жизни. И ему становилось страшно самого себя.

Настал наконец день, когда должен был решиться окончательно вопрос о глазах. Пришли врачи, о чем-то поговорили у его койки на своем медицинском языке, и властный голос произнес:

— В операционную!

Дальнейшее он воспринимал как во сне. Его привезли в операционную. Чьи-то осторожные и одновременно решительные руки неторопливо, но быстро сняли с головы повязку.

— Не открывайте глаз! — приказал все тот же властный голос. — Чувствуете, что стало светлее?

— Нет, — ответил Николай.

— Откройте!

Николай открыл глаза, и ничего не изменилось. Все вокруг него молчали...

Его поместили в палату слепых. Когда сестра за руку ввела его и громко сообщила, что есть новичок, кто-то мрачно пошутил:

— Нашего полку прибыло. Николай лег на койку, сжался и пролежал так, не вставая, без сна, кажется, целые сутки.

Случилось худшее из того, что он мог ожидать. Слепой. Безрукий. С изуродованным лицом.

Николай мысленно ставил себя рядом с той Люсей, которую он запомнил, уходя на фронт, — молодой, видной, гордой. Ему хотелось скрежетать зубами. Он даже не может взять ее под руку, как полагается, когда идешь с любимой: она справа, ты слева. Нет у него правой руки.

Мать, конечно, примет его, какой он ни есть. Но сколько горя будет ей.

Теперь Николай решил твердо, что в его станице никто ничего о нем не узнает...

Жизнь в этой мрачной палате текла своим чередом. Большинство ее обитателей не унывало. Лишь изредка кто-нибудь, не выдержав характера, беззвучно плакал или ругался страшными словами.

К Николаю с некоторых пор стала все чаще подходить с одним и тем же вопросом сестра, которую звали Рая.

— Напишем домой, Ульянов? — спрашивала она.

Он каждый раз отрицательно махал левой рукой. К чему? Не так уж крепко успел он привязаться к себе Люсю, чтобы она согласилась делить судьбу с калекой. Он не хотел писать, потому что боялся еще более страшного, чем слепота, — ее отказа.

Однажды Рая вошла в палату и громко объявила:

— Ульянов, вам плясать!

Он вскочил с койки.

— В чем дело?

— Вам два письма, — сказала Рая. — Наверно, от мамы и невесты.

Что-то оборвалось в душе у Николая.

— Но я не писал... Откуда адрес?

Рая вложила конверты ему в руку.

— И напрасно не писали. Не всегда бывает так, как вы думаете.

— Кто сообщил адрес? — Голос у Николая был нехороший.

— Нашлись хорошие люди, — ответила Рая и, помолчав, предложила: — Прочитать?

— От матери прочтите.

Рая взяла письмо, быстро распечатала и стала читать. Николай узнал, что его считали погибшим, что мать рада без памяти его воскрешению и ждет не дождется, когда он войдет в их родной дом. И о Люсе было несколько слов: замуж не выходила, навещает. По бесхитроственному тону

письма можно было заключить, что обе они плохо верили в его смерть.

— А теперь второе прочитаем, — сказала Рая.

— Не надо! — отрезал Николай.

То ли это было малодушие, то ли случившееся с ним несчастье временно вытравило в нем веру в людей, но Николай несколько дней не мог решиться вскрыть второй конверт: боялся самого страшного. Он положил письмо под подушку и не спал все дни, пока оно там лежало.

Но всему свой час, и наконец он решился. Ночью, когда все спали, он вызвал дежурную няню Марию Петровну и попросил ее прочитать письмо Люси.

Мария Петровна читала шепотом, а ему казалось, что в палате гудит набат.

«Милый Коля, — писала Люся. — Мы вместе с твоей мамой не раз плакали, читая извещение о твоей смерти. И вот я получила от добрых людей весточку и узнала, что ты жив. Из письма я узнала, что ты лишился руки, ослеп, что лицо твое сильно обожгло. Сочувствую твоему великому горю. Но меня одно обижает: почему ты сам об этом не пишешь? Ведь ты жив, ты будешь жить, Родина тобою гордится.

Успокойся, раны заживут. И знай, что ты не одинок. Я по-прежнему тебя люблю и жду новой встречи. Пиши, когда приехать за тобой. Твой верный друг Люся».

На следующий день Николай был мрачнее прежнего. Он не стал есть ни утром, ни в обед, ни вечером. Приходил врач, спрашивал, в чем дело. Николай отмалчивался.

Он и до сих пор не может толком объяснить себе тогдашнее состояние. Почему он так решительно пришел к мысли, что ему не следует возвращаться домой? Скорее всего главную роль сыграло тут одно соображение: он не считал себя вправе обременять кого-либо.

Он не ответил на письма.

Через несколько дней в госпитале производилась запись желающих поехать учиться в Полтавскую музыкальную школу слепых. Николай записался, но ему отказали: с одной рукой музыкантом быть нельзя.

Вскоре его перевели в стационарный госпиталь в Тбилиси. И снова потянулись темные дни.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в один прекрасный день в палату, где лежал Николай, не вошла Люся.

Пожалуй, лучше будет, если эту встречу не описывать. Словами всего не скажешь. Николай не хотел ехать с нею, но Люся настояла. Если коротко определить, что значил этот ее поступок для Николая, можно сказать одно: она вернула его к жизни...

Все это рассказал мне Николай Ульянов, когда мы сидели у него во дворе.

...Люся, его жена, занималась по хозяйству. Она часто выходила из дому, и тогда я смотрел на нее, все стараясь разглядеть в чертах ее лица ту силу характера, которая так ненавязчиво, но зримо проступала в рассказе Николая.

Но я не мог увидеть ничего особенного. Да, это обыкновенная русская женщина. И, наверное, именно поэтому она так красива в своем спокойствии и простоте.

ИЗУЧАЯ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ...

Каждый день в течение месяца в десять часов утра в читальном зале Института русской литературы появлялся французский ученый Анри Гранжар. Направляясь всегда к одному и тому же столику у окна, он погружался в чтение. Сотрудники настолько привыкли к аккуратности ученого, что к его приходу на столе уже лежали приготовленные тургеневские рукописи и лупа, которой часто пользовался ученый.

Почти три десятилетия г-н Гранжар изучает русский язык и литературу. Но так случилось, что только сейчас ему удалось приехать в нашу страну.

Конечно, стремление побывать на родине Тургенева, давшего миру бессмертные творения, никогда не покидало меня, — говорит профессор. — К моему счастью, Парижская национальная библиотека располагает богатейшими тургеневскими фондами: там хранятся письма, планы и наброски многих произведений писателя, черновые и белые рукописи романов «Новь», «Дворянское гнездо», двух рассказов из «Записок охотника» — «Живые мощи» и «Конец Чертопханова»...

Изучая долгие годы творчество Тургенева, г-н Гранжар после второй мировой войны четыре года подряд выезжал на летнее каникулярное время в Прагу. В пражской библиотеке он ознакомился с публикациями на русском языке о Тургеневе. Нашел он там и полные комплекты «Отечественных записок», «Современника», «Русской мысли» и многие другие издания, выходившие в нашей стране.

Возвратясь из Праги, Анри Гранжар написал докторскую диссертацию «Иван Сергеевич Тургенев и общественно-политическое течение его времени». В Парижском университете диссертация о Тургеневе получила наивысшую оценку. Этот большой исследовательский труд, объемом в пятьсот страниц, вышедший в Париже в 1955 году отдельным изданием, был удостоен премии академии.

Профессора, доктора философии Анри Гранжара пригласили работать на кафедре русского языка и литературы в Рэнском университете. Профессор читает лекции и в Сорбонне.

— Иван Сергеевич Тургенев — популярнейший и любимый писатель во Франции, — рассказывает г-н Гранжар. — Романы и повести его,

вышедшие во многих французских издательствах, знают и любят французы. Театры часто знакомят публику с драматургией Тургенева. Его пьесы «Месяц в деревне», «Провинциалка» и другие, неоднократно шедшие в столичных и провинциальных театрах, пользуются огромным успехом.

Профессор достал из портфеля конверт и вынул из него несколько фотографий:

— Мне удалось сфотографировать тургеневские места во Франции, и эти фотокарточки я хочу преподнести в дар тургеневскому музею в Орле.

На фото запечатлено предместье Парижа — Буживаль. На склоне холма вдоль реки Сены — густой парк. У входа в него, на пилястре, увитом лозами дикого винограда, — мемориальная доска. В память о «большом русском писателе Иване Тургеневе» ее установили буживальские местные власти. Среди яркой зелени парка рельефно выделяется белоколонная вилла, где некогда жила семья известной французской певицы Полины Виардо. За виллой, утопая в зелени, стоит сохранившийся до наших дней деревянный домик, в котором жил и умер Тургенев.

Профессор Гранжар, передав для опубличивания в «Огоньке» фотографию домика Тургенева, сказал:

— Дух Тургенева и сейчас витает в комнатах дома. Он принадлежит частному владельцу, но в комнатах помещается театральное

ателье. Перед отъездом в Советский Союз я видел, как здесь изготавливались куклы, воскрешающие образы «Бежина луга». Инсценировку этого произведения готовит парижское телевидение.

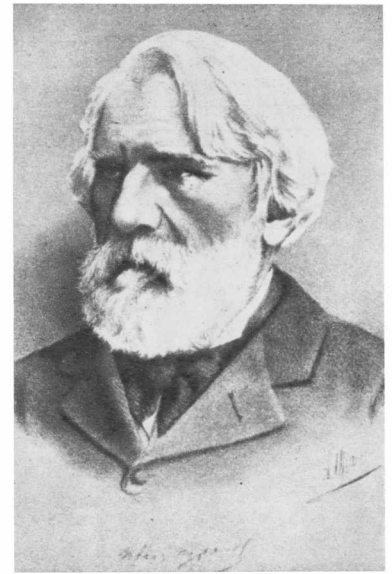
— Что нового удалось вам узнать о Тургеневе в нашей стране?

— Очень много, — ответил французский ученый. — В последнее время я изучал в Париже варианты авторских рукописей «Живые мощи» и «Конец Чертопханова». В Ленинграде, в Институте русской литературы, я имел возможность слитить их с теми, что имеются у вас, и нашел очень много полезного. В Москве, в библиотеке имени Ленина, я изучал цензурный экземпляр «Записок охотника»...

Анри Гранжар приехал в нашу страну по приглашению Академии наук СССР. Французский ученый встречался с советскими учеными — исследователями творчества Тургенева. В дни 75-летия со дня смерти Ивана Сергеевича французский профессор побывает на родине писателя.

— Я очень рад, что осуществилась моя давнишняя мечта посетить Советскую Россию, — заявил г-н Гранжар. — Пользуясь случаем, я хочу сердечно поблагодарить моих коллег — русских ученых — за радостное гостеприимство и большую помощь, оказанную мне в научной работе. Когда советские друзья придут к нам, мы ответим таким же трогательным гостеприимством.

К. ЧЕРЕВКОВ

М. А. Маркович (Марко Вовчок) 18 (30) июня 1859 года. Эти слова вполне могли бы принадлежать Лаврецову на последних страницах «Дворянского гнезда».

Письма Тургенева интересны как исторические документы, в которых запечатлены крупнейшие политические события России и Западной Европы в период от 1831 по 1883 год.

В настоящее время Институт русской литературы приступил к подготовке многотомного издания писем Тургенева. Пока выявлено и зарегистрировано 5922 письма к 450 адресатам, однако эта цифра далеко не окончательная. Драгоценные письма рассеяны по всему миру, многие из них хранятся в частных руках в нашей стране и за границей. Поиски продолжают.

Из 5922 писем подготовлены к печати 1287, относящихся к 1831—1862 годам, что составляет четыре тома предполагаемого издания. Среди этих писем 146 публикуется впервые, в том числе письма к Т. Грановскому, в которых Тургенев описывает свои впечатления об Италии, к П. Анненкову с высказываниями о второй части «Мертвых душ» Гоголя, о Пушкине, о Л. Толстом... В письме к С. Аксакову в 1859 году Тургенев пишет о своей работе над «Дворянским гнездом».

Тургенев переписывался с крупнейшими писателями своего времени: Л. Толстым, Ф. Достоевским, Н. Некрасовым, А. Островским, М. Салтыковым-Щедриным, А. Герценом, А. Фетом, А. Писемским. Среди иностранных адресатов Тургенева — имена Ги де Мопассана, Гюстава Флобера, Жорж Занд, Эмиля Золя, Томаса Карлейля, Георга Гервега.

Тургенев внимательно прислушивался к читательским отзывам и часто в письмах спрашивал мнения о своих произведениях, причем его интересовали суждения не только писателей, но и лиц, порою далеких от литературы. В письме к Е. Кочубей от 7 (19) марта 1862 года он просил ее дать отзыв на свой роман «Отцы и дети», вызвавший горячие и разноречивые толки. «Когда Вы прочтете мою последнюю повесть (которая едва ли Вам понравится) — Вы мне напишите свое мнение. — Можете бранить меня сколько вздумается: — я все-таки спасибо скажу». И действительно, в таких случаях Тургенев не обижался на критику. Положительный, не дошедший до нас отзыв Кочубей обрадовал автора. «Я очень рад, что мой роман Вам понравился», — писал Тургенев позднее.

Тургеневские письма будут прочитаны с интересом не только специалистами-литературоведами, но и всеми советскими людьми, которым дороги литература и история нашей Родины.

Е. ХМЕЛЕВСКАЯ,
младший научный сотрудник
Пушкинского дома.

Письма Тургенева

Тургенев любил писать письма, писал часто (например, в 1882 году им написано 457 писем), и некоторые его письма занимают 8—10 страниц.

Часто и подолгу живя за границей, писатель прибегал к письмам как к средству общения с оставшимися на родине близкими ему людьми. Когда же Тургенев возвращался в Россию, он вступал в переписку со своими зарубежными друзьями.

Многие письма Тургенева, например, юношеские письма к родным

или, позднее, к его близкому другу, Полине Виардо, писавшиеся в течение нескольких дней подряд, являются своеобразным дневником. В этих письмах Тургенев рассказывает о крупных и мелких событиях повседневной жизни, о своих радостях и огорчениях, описывает встречи, передает разговоры, делится наблюдениями над жизнью и людьми. Порою в письмах Тургенева можно найти ключ к пониманию его творческих замыслов. «Я попытался вывести характера два не новых в русской жизни, но новых в литературе — не знаю, удалось ли мне», — писал Тургенев О. «Рудине» в письме к О. А. Тургеневой от 22 августа (3 сентября) 1855 года. Недаром в примечаниях к художественным произведениям отрывки из писем Тургенева являются наиболее интересным и авторитетным комментарием.

Читая письма Тургенева одно за другим, в той же последовательности, в какой они выходили из-под пера автора, глубже проникаешь в творческий мир писателя, лучше представляешь окружающую его обстановку и близких ему людей, среди которых порою узнаешь черты тургеневских героев. Так, например, М. А. Бакунин во многом напоминает Рудина, Е. Н. Шахова — Лизу Калитину, а сам автор писем — Лаврецкого, Литвинова, Санина и многих других действующих в произведениях Тургенева лиц.

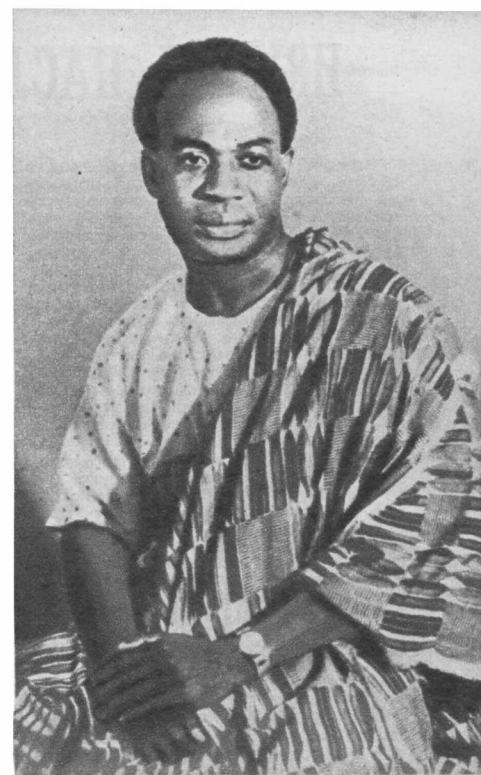
«Молодость — действительно прекрасная вещь. Вы это должны по себе знать — Вы молоды. Самая Ваша тоска, Ваша задумчивость, Ваша скука — молодости. Мы, например, с Вами во многом сходимся: одна только беда: Вы молоды — а я стар. — Вы еще вносите новые сумы — а я уже подвожу итоги. Я не жалуюсь на это: всему свой черед: «Благословен и тьмы приход». — Я все это только к тому сказал, что мне весело думать, что Вам еще много счастья впереди, — дай бог, чтобы Вы вполне воспользовались собственной жизнью! — Не многим это удается», — писал Тургенев молодой украинской писательнице

Все приводимые цитаты взяты из неопубликованных писем, подготовленных к печати сотрудниками Пушкинского дома. Автографы писем хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР и в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Домик в Буживале, где жил и умер И. С. Тургенев.

Фото А. Гранжара.

Кваме Нкрума.

← Полтора года назад, в день провозглашения независимости Ганы.

Заметки о поездке по Гане

О. ОРЕСТОВ

Фотографии Службы информации Ганы.

Тени прошлого

Неутомимый прибой хлещет о горячие прибрежные камни. Кое-где волны, встав на дыбы, с силой рушатся на выщербленные, но еще прочные стены старинной крепости. Наверное, так было и лет четыреста — пятьсот назад, когда строились эти суровые форты на побережье Гвинейского залива, так же жгло африканское солнце и били о берег неутомимые волны.

... Мы едем вдоль берега и одну за другой минуем средневековые крепости: Аноману, Кэйп-Кост, Абадси, Элмина, Форт Св. Яго... Их строили люди, родившиеся далеко от этой земли. Неуютно, должно быть, чувствовали себя пришельцы в этих огромных ка-

менных мешках. Они наполняли рвы водой, поднимали мосты, день и ночь несли вахту у пушек на бастионах. А кругом лежала неведомая молчаливая страна, где жили люди, которые не питали к чужеземцам ничего, кроме вражды. Из крепости можно было выйти, только вооружившись до зубов.

Португальцы, голландцы, англичане побывали незваными гостями этого живописного берега. Они вторгались сюда так, как вторгаются в чужой дом взломщик. У страны было имя, у народа — свой язык и свои верования. Но это не интересовало колонизаторов. Они дали стране свое название: сначала — Гвинея, затем, когда нашли золото, — Золотой Берег. Привезенные из-за океана служи-

тели церкви ломали вековые обычаи и верования, насаждая каждый свою религию.

Золото! Оно влекло сюда авантюристов и колонизаторов. Никто не думал о законных правах местного населения на землю, на ее недра. Золото добывали жадно и хищнически. Колонизаторы дрались друг с другом: португальцы с голландцами, голландцы с англичанами. Золото потоком шло в Европу. Мало кто знает, что нынешняя английская денежная единица — гиней — обязана Гане своим названием. Так называли отлитые в Лондоне в 1663 году монеты из золота, доставленного с этих берегов.

В девятнадцатом веке грабеж стали стыдливо прикрывать юридическими документами. Трудно поверить, что сейчас (в 1958 году!) английская компания добывает золото в Гане на основании «договора», заключенного ею с вождями племени ашанти в конце прошлого века! Согласно договору, компания платит за пользование золотоносными землями (которые приносят миллионные барыши)... 100 фунтов стерлингов в год.

Но колонизаторам и золота было мало. В шестнадцатом веке они превратили в товар людей. Так начался самый страшный период в истории Ганы — период работорговли.

Мы вступаем в ворота крепости города Кэйп-Кост. Они ведут в просторный двор, устланный каменными плитами. Свидетелем каких ужасов был этот двор! Ведь именно сюда после варварских набегов на деревни приводили закованных в железо невольников.

В глубине двора большая дверь под полукруглыми сводами; на ней железные засовы и еще заметна надпись: «Казематы». Вну-

три полумрак и сырость; где-то под потолком маленькие окошки с решетками. Неделями, месяцами в ожидании кораблей из Европы и Америки здесь томились черные рабы — подлинные хозяева этой богатейшей земли.

В форте Аноману мне показали такую же мрачную темницу. На полу была невысокая деревянная изгородь, за ней из земли торчал черный камень, отполированный до блеска прикосновениями тысяч рук. Рассказывают, что когда брошенные сюда рабы изнывали от жажды, они заметили, что с черного камня катятся капли подпочвенной воды. С тех пор камень стал «фетишем». И ныне люди из окрестных племен приходят в форт поклоняться черному камню, который в былые времена спасал от смерти их несчастных братьев...

Теперь форт Аноману стал домом отдыха и туристской базой молодежи независимой Ганы. Веселые шеренги юношей в трусиках строятся на дворе, около «казематов» и куч ядер, сложенных рядом с ржавыми пушками. Раздается команда, и молодежь с криками бежит на песчаный пляж, к морю, над которым колышутся зеленые пальмы...

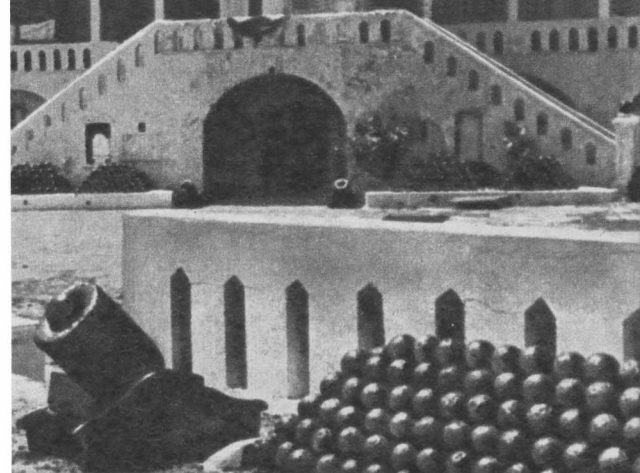
Лишь изредка что-нибудь нетнет да и напомним ганцам о прошлом. Мы проезжали через небольшое селение Ачимота, близ Аккры. Сопровождавший меня ганский журналист сказал:

— Название Ачимота можно перевести так: «Здесь не называют имен».

Он рассказал, что сотни лет назад, если плененному рабу удавалось бежать из прибрежного форта, он прежде всего попадал в эту местность. Здесь были густые, непроходимые леса и кустарники, а среди них небольшие деревни. Нелегко было найти в

Школьники на зарядке.

Так добывают алмазы.
Фото автора.

воздуху доносились звуки барабанов.

— В деревне предстоит большой праздник, — пояснила она. — Сейчас барабанщик начинает вступление — «Аньянеаньяне», что значит «Пробуждение». Если вы помолчите, я буду переводить, что говорят барабаны. Вот барабан обращается к душам предков. Он говорит:

Духи ушедших, прочь, прочь!
Медленно поднимаюсь я на ноги, на ноги,
О бледнокожий Опоку,
я разминаю свои члены,
Я буду играть на говорящих барабанах,
Буду играть, а если ты далеко,
Я взываю к тебе, приди,
приди; приди!
Я обращаюсь к тебе, и ты
поймешь меня...

Я слушал в изумлении. Наша спутница рассказала, что это знаменитые «говорящие барабаны». Их два, обтянутых кожей. Изогнутыми палочками музыкант бьет, меняя темп, скорость и силу удара, и люди, знающие «язык» барабанов, могут «читать» все, что они исполняют.

Из деревни в деревню передаются известия о смерти человека, о предстоящей свадьбе, о том, что кто-то заблудился в лесу... Это своеобразные «телеграммы-молнии». На праздниках барабанщик исполняет героические поэмы, повествующие об исторических эпизодах, восхваляет вождя племени, шутит и острит, говорит народными поговорками.

— Сейчас музыкант, — продолжала наша спутница, — начал восхваление самого барабана, пало-

чек, кожи, из которой он сделан. А вот он переходит к рассказу. Прислушайтесь:

Быстрее, быстрее, пойдемте вперед,
По тропинке, протоптанной сломом,
Сломом, что не боится топора,
Чудовищным сломом, которого не берет пуля...

...Нас ждала еще одна неожиданность. Из машины я увидел, как по обе стороны шоссе на расчищенных от джунглей участках в земле роются люди.

— Что они делают?

— Да так, ерунда: алмазы ищут, — ответил мой приятель.

Я остановил машину и схватил фотоаппарат. Мне еще не приходилось видеть, чтобы рядом с широкой шоссеиной магистралью за просто добывали алмазы.

Работают женщины. Стоя по колено в воде, они промывают в большом тазу серую землю, а затем тщательно просматривают осевший в тазу тонкий ил, отыскивая мелкие алмазы.

— Нашли что-нибудь? — спросили мы у одной из женщин.

Женщина неохотно показала нам флакон от лекарства или духов, в котором были мелкие блестящие алмазные крошки. Крупные алмазы здесь не попадают, но такой «мелочи» удается иногда набрать порядочно.

Наряду с ручной добычей в Гане есть и механизированные разработки алмазов. Они находятся во владении иностранных капиталистов...

В центре ашанти находится второй по величине город Ганы — Кумаси. В прошлом столетии пле-

мена ашанти оказали жестокое сопротивление английской колонизации. Англичанам потребовались длительные войны, чтобы покорить богатейший район страны, где есть золото и алмазы, бокситы и красное дерево.

В Кумаси мне показали два здания: одно из них — новая больница, самая большая в Гане. Этой больнице, стоившей 2 миллиона фунтов стерлингов, может позавидовать любая европейская страна. При больнице — курсы, на которых учатся 300 медицинских сестер. Это, несомненно, шаг в будущее.

Другое здание — реликвия прошлого. Обнесенный стеной, в саду стоит дворец крупнейшего феодального вождя — асантехене.

Вожди племен еще играют важную роль в жизни страны. На праздниках и торжественных церемониях они представляют колоритную картину. В пестрой мантии, украшенной браслетами, в золоченой короне, медленно выступает вождь. Служители держат над ним громадный цветной зонтик — символ власти. Вождь говорит мало и редко, но при нем находится человек, именуемый «лингвистом». В его руках жезл, обычно с тотемным знаком племени. Он и выступает от имени вождя. Главных вождей в стране более ста. Затем идут вожди помельче, за ними вожди, возглавляющие иногда одну деревню или даже большую семью.

До последнего времени власть вождей над подданными была непререкаемой. В их руках находились даже местные судебные органы. Но самое главное орудие влияния вождей — земля. Вся земля в Гане — собственность «трона» того или иного вождя. Государ-

ство не может занять под строительство или опытные хозяйства даже клочок пустующей земли, не получив на то согласия вождя.

Рассказывают об интересном обычае «гуаха», который завершает сделку продажи земли крестьянину. На землю садятся два маленьких мальчика: один представляет интересы крестьянина, другой — интересы вождя племени. Мальчикам дают большой пальмовый лист; каждый тянет в свою сторону, лист рвется, и участники сделки прячут свои половинки листа. Это документ. Если кто-либо предъявит претензию на этот участок земли, он обязан предъявить и половину листа.

Национальное правительство создало местные органы самоуправления, они получили ряд привилегий и прав, которыми ранее пользовались вожди. Созданы государственные судебные учреждения. Местные органы власти теперь получают часть арендной платы с земледельцев, используя эти средства на развитие хозяйства и культуры района.

Где только можно, феодальны чинят препятствия демократическому развитию Ганы. Но дряхлое прошлое не в силах остановить хода истории. В стенах колледжей Ачимоты, университета Легона, технического института Кумаси растет новое поколение ганцев, вооруженных современными научными знаниями. Им будут принадлежать и электростанция на Вольте, и неисчислимые богатства недр Ашанти, и плодородные равнины приморья. А золоченые жезлы «лингвистов» займут положенное им место в музее Аккры, который открылся недавно в центре столицы.

Бывает и такое...

Школа ликвидации неграмотности.

рудников и шахт, где иностранные компании добывают полезные ископаемые. Из Европы в Гану пароходы везут мясо, муку, чай, масло, яйца, рис, сахар; везут цемент, бумагу, металл и другие товары. Сейчас правительство намеряет построить в ближайшее время цементный и сахарный заводы, бумажную фабрику и мельницу. Это будет первый вклад в индустриализацию страны.

По прибытии в Аккру я купил в аэропорту две плитки шоколада. На одной была марка «Кэдбэри», на другой — «Нэсл» и штамп «Made in England». Это две фирмы-монополии, которые распоряжаются на мировом рынке шоколада и какао. Источник их колоссальных барышей — какао Ганы.

... В 1879 году ганский кузнец Тетте Каршие привез с острова Фернандо-По мешочек какао-бобов. Он посадил их у себя в саду, а через пять лет выросли три невысоких деревца. Первый урожай Каршие продал за один фунт стерлингов. Думал ли кузнец из Мампонга, что в своем саду он заложил основы будущего богатства родины! Сейчас независимая Гана предполагает поставить этому пионеру какао памятник.

Около двух миллионов гектаров в Гане занято под культурой какао. Вывозится свыше 200 тысяч тонн какао-бобов; средства, вырученные от какао, составляют больше 60 процентов всех государственных доходов. Эти доходы позволяют стране строить новые фабрики, школы, больницы, дома.

Я спросил одного из ганских экономистов:

— Почему бы вам не произво-

дить в Гане шоколад и готовый порошок какао и не продавать за границей?

— Это почти невозможно, — ответил он. — Шоколадные монополии не допустят нас на мировой рынок. Достаточно им чуть снизить цены, чтобы мы потерпели банкротство.

Такова жестокая действительность капиталистического рынка. Бюджет Ганы, планы развития экономики зависят от цен на какао на мировом рынке. Национальное правительство понимает это. Оно пропагандирует идею внедрения в Гане других культур: кофе, сахарного тростника, хлопка, бананов. Ведь в благодатном климате Ганы, на ее плодородной земле можно растить любые культуры и собирать невиданные урожаи.

В стране эве и ашанти

Из Аккры можно ехать на автомашине на запад, север и восток. В течение дня пути можно посетить несколько стран — так много языков, на которых говорит народ этого государства.

Я путешествовал по Гане со своим новым ганским приятелем и его женой. Поехав от Аккры на восток, мы часа полтора или два двигались по зеленой равнине. Остановившись в деревнях, мой спутник беседовал с крестьянами и переводил мне.

Прошел еще час. Снова деревни, но теперь переводить стала жена моего приятеля.

— Ваш муж, должно быть, устал? — спросил я.

— О, нет! Просто до сих пор мы ехали по району, где народ говорит на его родном языке га-

А здесь распространен язык адангме. Я родилась в этих местах.

Когда мы переехали на пароме через реку Вольту, беседы прекратились вовсе: мои провожатые не знали местного языка эве. Пришлось кое-как объясняться на английском.

Пока государственным языком Ганы остается английский. С этим приходится мириться. Но все чаще раздаются голоса в пользу того, чтобы его место занял самый распространенный в стране язык чуи.

Из страны эве мы возвращались по дороге, проходящей примерно в 100 километрах от того места, где река Вольта впадает в океан. Через полноводную реку здесь перекинут чудесный мост.

Мост построен недавно, недалеко от местечка Аджена, которому уготована важная роль в истории независимой Ганы. Здесь, по мысли правительства и премьер-министра Кваме Нкрумы, течение Вольты должна преградить большая плотина. На 350 километров вверх от плотины протянется новое громадное озеро. У плотины будет электростанция, которая даст энергии в сто раз больше, чем все нынешние электростанции Ганы. Чуть южнее, у селения Кпонг, будет построен большой алюминиевый завод. Сырье дадут бокситовые рудники — одни из самых богатых в мире. Готовый алюминий пойдет по реке, по шоссе, по железной дороге к берегу моря, где уже строится новый порт Тима.

Я посетил строительство в Тима. Здесь углубляется дно, возводятся волнорезы, которые создадут большую гавань для океанских па-

роходов. На берегу строится новый город, в котором уже появились первые жители.

Правительство Ганы не в силах само осуществить весь этот грандиозный проект, оно ищет финансовой помощи за рубежом. Как всегда, западные монополии выражают готовность оказать «помощь», но ганский народ имеет достаточный опыт, чтобы сомневаться в их «бескорыстии»...

В страну ашанти, в центр Ганы, мы мчались по асфальтовой дороге через джунгли. Они стеной стояли по обе стороны шоссе. Над зеленым хаосом джунглей возвышались, словно свечи, гигантские хлопчатые деревья, или сейба. У них огромные плоские надземные корни, выше — гладкий светло-серый ствол. И где-то совсем высоко зеленая крона. Оттуда падают созревшие семена — коробоки, внутри которых шелковистое волокно «капок». Оно используется для набивки подушек, матрасов.

На асфальте, у края шоссе, кое-где разложены для просушки корни маниоки. Приложив немало усилий, мы вдвоем вырвали из земли одно растение: у него был корень весом в 8—10 килограммов. Из этих корней, когда их просушат, изготавливают крупную тапиоку, или, как ее называют в Гане, кассаву, один из основных продуктов питания населения.

Говорящие барабаны

Почти в самом начале пути наша спутница попросила остановить машину.

— Послушайте! — сказала она. Мы выключили мотор. Из-за джунглей по чистому утреннему

Школьники на зарядке.

Так добывают алмазы.
Фото автора.

воздуху доносились звуки барабанов.

— В деревне предстоит большой праздник, — пояснила она. — Сейчас барабанщик начинает вступление — «Аньянеаньяне», что значит «Пробуждение». Если вы помолчите, я буду переводить, что говорят барабаны. Вот барабан обращается к душам предков. Он говорит:

Духи ушедших, прочь, прочь,
Медленно поднимаюсь я на
ноги, на ноги,
О бледнокожий Опоку,
я разминаю свои члены,
Я буду играть на говорящих
барабанах,
Буду играть, а если ты далеко,
Я взываю к тебе, приди,
приди; приди!
Я обращаюсь к тебе, и ты
поймешь меня...

Я слушал в изумлении. Наша спутница рассказала, что это знаменитые «говорящие барабаны». Их два, обтянутых кожей. Изогнутыми палочками музыкант бьет, меняя темп, скорость и силу удара, и люди, знающие «язык» барабанов, могут «читать» все, что они исполняют.

Из деревни в деревню передаются известия о смерти человека, о предстоящей свадьбе, о том, что кто-то заблудился в лесу... Это своеобразные «телеграммы-молнии». На праздниках барабанщик исполняет героические поэмы, повествующие об исторических эпизодах, восхваляет вождя племени, шутит и острит, говорит народными поговорками.

— Сейчас музыкант, — продолжала наша спутница, — начал восхваление самого барабана, пало-

чек, кожи, из которой он сделан. А вот он переходит к рассказу. Прислушайтесь:

Быстрее, быстрее, пойдемте
вперед,
По тропинке, протоптанной
слоном,
Слоном, что не боится топора,
Чудовищным слоном, которого
не берет пуля...

...Нас ждала еще одна неожиданность. Из машины я увидел, как по обе стороны шоссе на расчищенных от джунглей участках в земле роются люди.

— Что они делают?

— Да так, ерунда: алмазы ищут, — ответил мой приятель.

Я остановил машину и схватил фотоаппарат. Мне еще не приходилось видеть, чтобы рядом с широкой шоссеиной магистралью за просто добывали алмазы.

Работают женщины. Стоя по колено в воде, они промывают в большом тазу серую землю, а затем тщательно просматривают осевший в тазу тонкий ил, отыскивая мелкие алмазы.

— Нашли что-нибудь? — спросили мы у одной из женщин.

Женщина неохотно показала нам флакон от лекарства или духов, в котором были мелкие блестящие алмазные крошки. Крупные алмазы здесь не попадают, но такой «мелочи» удается иногда набрать порядочно.

Наряду с ручной добычей в Гане есть и механизированные разработки алмазов. Они находятся во владении иностранных капиталистов...

В центре ашанти находится второй по величине город Ганы — Кумаси. В прошлом столетии пле-

мена ашанти оказали жестокое сопротивление английской колонизации. Англичанам потребовались длительные войны, чтобы покорить богатейший район страны, где есть золото и алмазы, бокситы и красное дерево.

В Кумаси мне показали два здания: одно из них — новая больница, самая большая в Гане. Этой больнице, стоившей 2 миллиона фунтов стерлингов, может позавидовать любая европейская страна. При больнице — курсы, на которых учатся 300 медицинских сестер. Это, несомненно, шаг в будущее.

Другое здание — реликвия прошлого. Обнесенный стеной, в саду стоит дворец крупнейшего феодального вождя — асантехене.

Вожди племен еще играют важную роль в жизни страны. На праздниках и торжественных церемониях они представляют колоритную картину. В пестрой мантии, украшенной браслетами, в золоченой короне, медленно выступает вождь. Служители держат над ним громадный цветной зонтик — символ власти. Вождь говорит мало и редко, но при нем находится человек, именуемый «лингвистом». В его руках жезл, обычно с тотемным знаком племени. Он и выступает от имени вождя. Главных вождей в стране более ста. Затем идут вожди помельче, за ними вожди, возглавляющие иногда одну деревню или даже большую семью.

До последнего времени власть вождей над подданными была непререкаемой. В их руках находились даже местные судебные органы. Но самое главное орудие влияния вождей — земля. Вся земля в Гане — собственность «трона» того или иного вождя. Государ-

ство не может занять под строительство или опытные хозяйства даже клочок пустующей земли, не получив на то согласия вождя.

Рассказывают об интересном обычае «гуаха», который завершает сделку продажи земли крестьянину. На землю садятся два маленьких мальчика: один представляет интересы крестьянина, другой — интересы вождя племени. Мальчикам дают большой пальмовый лист; каждый тянет в свою сторону, лист рвется, и участники сделки прячут свои половинки листа. Это документ. Если кто-либо предъявит претензию на этот участок земли, он обязан предъявить и половину листа.

Национальное правительство создало местные органы самоуправления, они получили ряд привилегий и прав, которыми ранее пользовались вожди. Созданы государственные судебные учреждения. Местные органы власти теперь получают часть арендной платы с земледельцев, используя эти средства на развитие хозяйства и культуры района.

Где только можно, феодальны чинят препятствия демократическому развитию Ганы. Но дряхлое прошлое не в силах остановить хода истории. В стенах колледжей Ачимоты, университета Легона, технического института Кумаси растет новое поколение ганцев, вооруженных современными научными знаниями. Им будут принадлежать и электростанция на Вольте, и неисчислимые богатства недр Ашанти, и плодородные равнины приморья. А золоченые жезлы «лингвистов» займут положенное им место в музее Аккры, который открылся недавно в центре столицы.

Окраины

Анатолий КУДРЕЙКО

I

Я с детства помню
пыльные заставы!
Пылел обоз
да ветер впопыхах.
Пути по воле
городской управы
тонули
в одичалых лопухах.

В шеренге изб,
конюшен и сараев
торчали
двухэтажные дома
особо оборотистых
хозяев,
у коих
не пустели закрома.

Верх — деревянный,
под железной крышей.
Покрыто охрой
каждое бревно.
А низ — кирпичный,
нестерпимо рыжий:
для «заведенья»
это все равно!

Внизу —
«Колониальные товары»:
изюм и ладан,
чай и стеарин...
А наверху —
урчание гитары,
дурман герани,
месиво перин...

Ямщицкий двор
поблескивал дрожаньем
духмяной сбруи
с зеркальцами блях.
Наставив уши,
заливался ржаньем
гульбый конь,
забыв о трензелях.

И битюги
мохнатыми ногами
взбивали
неслежавшуюся пыль.
В телегах сено —
жаркими стогами,
к бутылки жалась
в ящиках бутылка,

кули вповалку,
и горою — кожи,
снедь овощная
в кружевной ботве...

И все заставы
в общем были схожи
своим несоответствием
Москве.

Ее гостеприимные ворота
не сразу вас
вводили в красоту,
что открывалась глазу
с поворота
в сиянье глав,
ушедших в высоту,

и в величавой
стройности строений,
которые светились
вдалеке,
как будто тая
в дымке испарений,
когда свет полдня
ходит по реке.

Туда брели
гуськом на богомолье
с клюкой старухи —
черные платки...
Туда глядела,
может, с детской болью
девчонка у плетня
из-под руки.

Ни разу бабка
в праздники святые
ее с собой
в дорогу не брала...
А как горели
знойно-золотые,
переливаясь в небе,
купола!

Слыхала
сквозь бревенчатую стенку:
отец
гвоздок вгоняет
за гвоздком,
поет, чудной,
про Разина, про Стеньку,
поет весь день
надтреснутым баском.

От песни той
какое же веселье?!
Она смущает
бедную жену:
поет башмачник,
как Степан с похмелья
метнул за борт
персидскую княжну.

Отец снимает фартук
по субботам,
и догадаться
можно по лицу,
какой исход
найдет своим заботам
он,
отправляясь в гости
к кузнецу.

Ведет сначала тропка
огородом,
потом вдоль речки
к тракту забирай;
за пересошим
от бездождья
бродом —
закиданный колесами
сарай...

Он отправлялся из дому
тверезый,
а возвращаясь,
падал на буграх...
Светились
одиноким березы,
отбросами заваленный
овраг...

Но,
заходя на огонек лампадки,
в косоворотках
три ткача-дружка
садились
за крамольные тетрадки —
учебники
марксистского кружка...

Вынюхивая сходку
вечерами,
с «селедкой» на боку,
городовой,
увитый
заплетенными шнурами

метался в околотке
под Москвой.

II

Да что за города
видны далече?
Сошлись они
с Москвою у реки!
Тех великанов
каменные плечи
уносят
неба синие куски.

Граничит
с terrакотовым кварталом
квартал
панельно-строгий белизны,
и кремевой проспект
за самосвалом
выходит в поле
в блеске новизны.

Дворец науки —
памятник свободе,
его колонны,
башни,
корпуса,
как океанский лайнер,
на подходе
окатывают волнами
лесá.

Серебряных
обсерваторских касок
посверкивают гребни
за листвою...
Ученый,
в прошлом, может быть,
подпасок,
глядит на спутник
в небе над Москвой...

Что за кружок
собрался у фонтана?
Пирамидальным тополем
вода
летит из чаши
в воздух непрестанно,
и в каждой капле
искрится звезда.

Студенты собрались
у водомета,
и звонко,
в разгулявшийся денек
листая книгу,
возглашает что-то
совсем еще зеленый
паренек.

Товарищи,
я вам мешать не стану!..
Для любопытства
есть всегда предлог...
Направился
к садовому дивану —
и Фауста
услышал монолог.

Предвосхищал он
силой вдохновенья
еще не воплотившиеся
дни,
их заклинал бы
в первое мгновенье:
— Прекрасное!
Постой!
Повремени!

Повремени,
ликующее солнце,

на западе Москвы
не заходи!
Так небо чисто —
нет ни волоконца!..
Так голубеют
воды впереди!..

Давно я не стоял
у балюстрады,
Москвой не любовался
с высоты...
Растут
многооконые громады
вскипают парки,
движутся мосты...

Не только я —
старик-строитель тоже
от них не в силах
взгляда отвести.
Он ставит краны,
что, как мачты, схожи,
он у своих товарищей
в чести.

Как мачта в море
видится сначала,
потом выходит
корпус корабля,
так вслед за краном,
ставшим у причала,
громаду здания
чувствует земля.

Заставы — гавани!
Лес мачт!
Стальные тросы
несут кирпич,
отлитую панель...
На пустыри
еще ложатся росы,
гудит
в траве
запутавшийся шмель.

Я не могу
от мысли отрешиться:
когда б все это
увидать могли
мои соседи,
чья запомнил лица,
чей след затеря
навсегда в пыли!

А может быть,
та самая девчонка,
чью душу
волновали купола,
еще жива,
и пестует внучонка,
и что-то вяжет,
сидя у стола...

Поверх балкона,
оставляя спицы,
окинет взглядом,
может быть, она
заставу,
что осанкою столицы
вольна похвастать
в наши времена.

И, может, так
она представит ярко,
как стал хорош
окрестный этот вид,
где взору поле
открывает арка
да небо в арку
глядеть норовит...

Рисунки А. ГОЛИЦЫНА.

Танцевальная картинка «На осенней ярмарке».

Танцует «Березка»

Фото Е. Умнова.

Когда выступает хореографический ансамбль «Березка», в зрительном зале нет равнодушных. Рукоплескания и теплые улыбки встречают талантливых артисток, балетмейстера Надежду Надеждину. «Березку» знают многие и многие сотни тысяч зрителей. Ансамбль объездил почти все республики Советского Союза, побывал в двадцати с лишним зарубежных странах.

Этот коллектив родился десятилетие назад. Имени у него сначала не было; оно возникло на первом концерте, когда был исполнен лирический девичий хоровод «Березка», до сих пор являющийся украшением его репертуара.

В основу каждой программы «Березки» — а их за десятилетие состоялось немало — положены народные русские танцы, любовно собранные, изученные и обогащенные высоким профессионализмом. Тут и танцы глубокой старины, такие, как очаровательная «Лебедушка», северная «Прялица», сибирский танец «По плашке», в котором девушки «плывут» вдоль одной половицы, задорная, шуточная «Пролодка»... Тут и танцы наших дней — «Подмосковная полька», «Девичий праздник на стадионе» и другие.

В каждом танце в любой программе ансамбля перед глазами зрителей возникает пленительный образ русской советской девушки, с красивой душой, умеющей и трудиться в полную силу и веселиться в часы отдыха.

Танец «У колодца» исполняют (слева направо): Нина Васильева, Джелла Агафонова, Лидия Елагина и баянист Владимир Корнев.

Старинный русский вальс «Березка».

Танцевальная картинка «Прощай, масленица».

СИДЕРА

Рассказ

Васил ПОПОВ

Рисунок Р. ЮРИНА.

Лес молчал: ни шелеста листьев, ни хруста валежника не было слышно. Не пробегал по лесу резвый заяц, не подавали голоса птицы. Они сидели на ветках, словно немые, и только поводили своими головками вокруг: откуда же идут эти чарующие звуки? Даже капли ночной росы не спешили высохнуть, улететь к небу. Легкая утренняя мгла, и та все еще не поднималась.

И мы, обросшие бородами десяток до смерти усталых мужчин, тоже слушали. Чудесные звуки заставляли забывать о голодных желудках, от этой песни даже глаза светлели. Мы сидели, опустив израненные ноги в холодную воду горного потока. На замшелом камне перед нами лежала единственная пара разорванных, обвязанных проволокой башмаков. Они глядели на нас своими жалкими, потертыми носками. Хорошо, что лились эти дивные звуки и позволяли нам забыть про башмаки, длинный путь, про израненные наши ноги — про все!

Затаив дыхание, мы слушали.

Сидера пела.

Она стояла под буком босая, в грубой, изодранной, выцветшей деревенской одежде. Широкое, скуластое лицо женщины обрамляла вылинявшая на солнце черная косынка. Это лицо, напоминавшее по цвету серый степной камень, видело много бурь. Возраст Сидеры невозможно было определить. Перед нами стояла крупная, плечистая женщина с тяжелыми, потемневшими от работы руками.

Закрыв глаза, она прислушивалась к своей песне, будто бы даже удивляясь тому, что именно она может петь таким дивным, тонким и чистым голосом. Чуть покачивая головой в такт песни, она пела о матери какого-то гайдука.

Песня кончилась, а мы еще долго молчали. Слегка шелестели сухие листья. Сидера стояла под деревом и, прищурясь, вглядывалась в поднимающийся туман. Сквозь ветви деревьев на ржавую листву падали солнечные лучи. Может быть, мы долго оставались бы в этом забытом, если бы наш командир Радул не скомандовал хриплым голосом:

— Пошли! Ботинки обуей Сыромаха — до следующего привала... Айда!

Сыромаха, высокий, худой крестьянин с белым как мел лицом и черными усами, протянул руку к замшелому камню. Мы молча смотрели, как он натягивал на голые ноги ботинки и потом туго обкручивал ботинки проволокой.

Колонна тронулась.

Сидера шла позади. За спиной у нее покачивался винтовочный ствол. Выбирая дорогу, она ступала тяжело и неуверенно.

Когда Сыромаха прошел свой отрезок пути, башмаки достались ей. Потом пришла очередь Спартака, но он отказался: нога у него была велика, а башмаки когда-то все же имели свой номер. По колонне пронесся ветерок легкого смеха. Спартак, огромный бородастый детина с пышными бровями, надулся, покраснел и отстал. Теперь он шел замыкающим. А ботинки пошли вперед, к голове колонны.

Шли мы весь день. Лес кончился, показались коричневые скалы. За ними синели вер-

шины, головокружительные и далекие. Потом мы оставили скалы позади и начали спускаться в молодой лес. Крутой спуск казался бесконечным, хотя мы и слышали далеко внизу шум горных ручьев.

Ночь в горах наступила быстро. На ночевку мы остановились у маленькой тенистой и сырой полянки. Провизии не было, о еде никто и речи не заводил. Укрылись кто чем мог и легли в обнимку с винтовками. Неразлучные друзья-партизаны Сыромаха и Федя, вечно улыбающийся гимназист, легли рядом. Сыромаха был артиллеристом. Спал он крепко. Люди удивлялись громкоголосому его храпу: поднимался такой шум, будто рядом работала какая-то гигантская пила. Федя протягивал руку, тормозил своего друга, Сыромаха на минуту умолкал, а потом принимался храпеть снова, и Федя опять теребил его за плечо и ворчал спросонок.

Командир и дедушка Калин ушли на пост. Партизаны спали, припав к земле, доверчивые, как дети. Мои веки тоже начали слипаться, но в этот момент я услышал чей-то тихий шепот. С противоположной стороны дерева лежала Сидера. Возле нее растянулся Спартак.

— Сидера, — шептал он. — Сидера!..

Она молчала.

— Сидера, на, возьми сахару...

— Не надо, не умру, — ответила она тихо. —

Спи, а сахар Коле отдай, он все кровью харкает...

— Коле так Коле... — Верзила покорно вздохнул и мягко сказал: — Как ты поешь!

— Мужики ругаются, когда им тяжело... А я пою.

Она вздохнула и начала укладываться поудобнее.

— Почему ты не спишь? — спросила она.

— Не берет сон... после твоей песни. Дом вспомнился.

— Э-эх, дом!

Они умолкли, каждый со своими мыслями. Тень была непроглядной.

— Сидера! — глухо выговорил Спартак.

— А?

— Дай руку, поцелую ее в благодарность.

Она не ответила. Только глубоко вздохнула. Я не знал, куда мне деваться: подслушивать было стыдно, но сон пропал, и отодвинуться тоже было нельзя.

— Оставь, — тихо прошептала Сидера, — оставь меня в покое!.. Я мать. Вдова я, лучше я буду петь, не глядя на меня по-мужски... — Голос ее дрогнул. — Ты молод, зелен еще... Десять лет назад мужика я похоронила. Убили его. За коммуны...

Спартак молчал и тяжело дышал. Сидера говорила, словно сама себе:

— Таких мужиков мало, как мой был. Не забыть мне его... Кузнецом он был — глаза, как уголь, волосы — смола. Слово скажет — как косой срежет. Что сказал, то, значит, уже сделал. «Иван, — говорю ему, — брось коммуны, ты мужик». А он: «Я не мужик, я человек...» Да, он человеком был. Шестерых детей ему родила, а взрослым он ни одного из них так и не увидел. А сила — одной рукой шину колеса выгнул! Душа справедливая была у него... Рабочий — такого поискать... И красивый. Как увидела его впервые, так глаза мои в нем и остались. Украл он меня, на руках унес, а я-то глупая была: плакала сперва — и с радости и с горя. Все боялась, что такое счастье уйти может. Вот и ушло, нет его, Ивана, похоронила. Десять лет назад. Десять лет!..

Крикнула ночная птица, далеко и тревожно. Будто спрашивала по-болгарски:

— Куду? Куду? Куду?

— Сидера! — виновато прошептала Спартак.

— Ну?

— Прости, Сидера, но я сказать все должен... Тоска меня гложет, привязала ты меня к себе, корень в мою душу пустила... Не могу его вырвать!

— Я мать, Спартак. Это корень мой. Потому и держусь за коммуны, как за матушку-землю — самый глубокий корень. Потому и пою... Небо себе проясняю, светлее на душе делается.

— Сидера!

— Спи... Пусть ноги отдохнут, утром опять идти... Ты, Спартак, молодой, храбрый, отдыхай; завтра, может, в бой...

Птица опять заговорила, еще дальше, еще тревожнее:

— Куду? Куду? Куду?

Сидера заворочалась, кутаясь в старенькую одежду, зубы у нее стучали от холода. Спартак утих. Он только часто вздыхал. Меня обволакивал сон, я забылся.

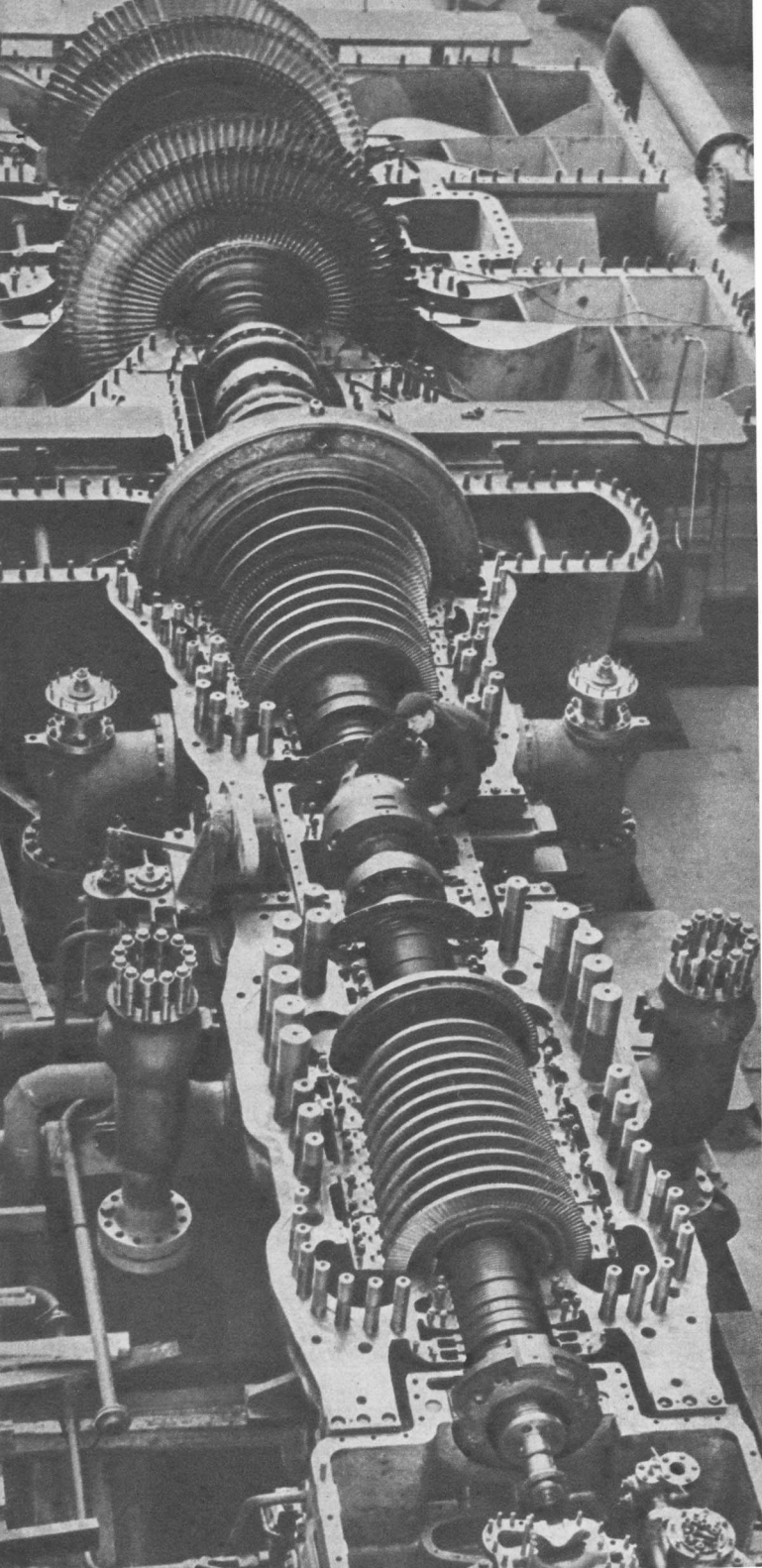
Утром снова тронулись в путь. Спартак шел в голове колонны, Сидера — в конце. Башмаки, перевязанные проволокой, совершали свой рейс. Спартак отказывался от них: они были ему малы. Федя звонко смеялся. Сыромаха припадал на одну ногу. Командир шел хмурый и морщился от боли в желудке: очень давно, в другой жизни, врачи советовали ему соблюдать диету.

Начинался пятый голодный день. Мы жевали горькие корни. Наши босые ноги шли по камням, сухим веткам. Мы были довольны, когда камни сменялись опавшей листвой. Башмаки кочевали с одних ног на другие.

И порой, когда наши глаза видели от голода и усталости уже не одно, а много красных солнц, когда деревья вертелись в бешеном хороводе, мы останавливались. Командир разрешал Сидере спеть. Тихо и звонко лился ее голос.

Сидера пела стоя, босая, держась за ремень своей длинной винтовки. Она закрывала глаза, песня возносилась над кронами деревьев, над ленивыми облаками, над солнцем. Мы вместе с необъятными Балканами слушали чарующий голос Сидеры. В нем тихо журчали ручьи, шуршали хлеба, покачиваясь от ветра; желтые, осенние деревья от песни становились снова зелеными, и где-то далеко струился теплый дымок над крышами домов. Потом Сидера замолкала, и мы тоже сидели молча, глядя на нее — босую женщину, крепко сжимавшую ремень своей длинной винтовки.

Перевел с болгарского
А. СОБКОВИЧ.

Паровая турбина мощностью в 200 тысяч киловатт.
Фото А. Хлавно.

Турбины тепловых электростанций

Ленинградский металлический завод в послевоенное время освоил производство большой серии турбин различной конструкции мощностью в 25, 50 и 100 тысяч киловатт. Они рассчитаны на более высокие параметры пара—90 атмосфер и температуру в 500 градусов. Это позволило повысить экономичность тепловых электростанций на 12—14 процентов, а каждый процент—экономия многих тонн угля.

Выпуском паровой турбины мощностью в 150 тысяч киловатт с параметрами пара в 170 атмосфер завод достиг повышения экономичности еще на 12 процентов по отношению к предыдущей серии. А недавно со стенда снята паровая турбина в 200 тысяч киловатт, работающая на повышенных параметрах пара. Для нее использованы более дешевые, легко обрабатываемые марки стали, хорошо выдерживающие высокую температуру. Она почти на одну треть дешевле своей предшественницы. За один год эксплуатации этой турбины станция сэкономит 80 тысяч тонн угля.

Подобные агрегаты намечено выпускать крупными сериями. В блоке с котлами они смогут работать на дешевом угле открытых разработок, природном газе, мазуте. Управление ими полностью автоматизировано.

Сейчас на заводе разрабатываются проекты турбин в 300, 400 и 600 тысяч киловатт. Производство такого оборудования позволит создавать тепловые электростанции огромных мощностей. Это значительно удешевит строительство и по сравнению с гидростанциями ускорит сдачу объектов в эксплуатацию.

К. КОНСТАНТИНОВ

Памятный снимок

В моем архиве сохранилась фотография, которая может представить интерес для читателей «Огонька». Она относится к лету 1918 года, когда в Москве проходил Всероссийский съезд учителей-интернационалистов. Присутствовал 121 делегат. Группа руководящих работников Наркомпроса сфотографирована среди делегатов съезда. В центре—Н. К. Крупская, справа—А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, П. Н. Лепешинский, В. М. Познер.

Особенно памятным днем стало для всех нас 5 июня. В самый разгар прений в зале появился Владимир Ильич Ленин. Он приветливо улыбался и, подойдя к трибуне, ждал конца рукоплесканий. Когда аплодисменты стихли, Ленин приветствовал съезд от имени Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич говорил о том, что учительство все больше

убеждается в необходимости совместной работы с Советской властью, что народным учителям надо уверенней идти в массы для пропаганды.

А. Г. ПОЗНЕР-НЕЖЕНЦЕВА,
член КПСС с 1902 года.

Канал вступил в строй

Многолюдно было на открытии первой очереди Верхне-Ширванского канала—новой оросительной магистрали Азербайджана, берущей начало из Мингечаурского моря.

В строй вступил участок канала длиной 56,5 километра—от головного сооружения до реки Геокчай.

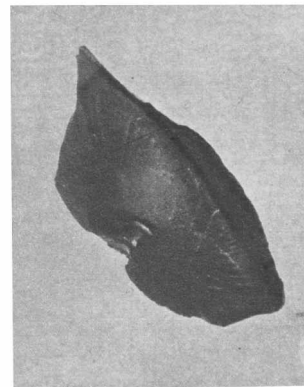
Канал понесет воды на хлопковые плантации колхозов Мингечаурского, Агдашского, Уджарского и Геокчайского районов.

Недалек день, когда в строй вступит весь канал протяженностью 123 километра. Он оросит дополнительно около 47 тысяч гектаров и улучшит орошение 65 тысяч гектаров колхозных земель.

Е. ШАПИРО

Верхне-Ширванский оросительный канал.
Фото М. Фришмана.

ЧЕРНЫЙ ВОСК

Волшебница-природа создала черных лебедей и черные, как из бархата, розы. Где-то в джунглях растет черное дерево. Но черный воск?.. Он, однако, существует. Вот он лежит на столе—слоистый, с острыми краями черной осколком. Хотя от ногтя на нем остается характерная блестящая царапина, тем не менее он не очень-то похож на золотистые соты или на свечу. Этот воск тверже, его масса плотнее, в изломе веером расходятся продолговатые жилки, напоминающие рисунок каменный уголь.

Некоторое внешнее сходство с каменным углем не так уж случайно. В Германии давно уже получают воск из бурого каменного угля. Называется он поэтому горным воском. А этот наш искусственный воск добыт из торфа. Чтобы посмотреть, как это делается, надо сесть на автобус, идущий из Минска по Могилевскому шоссе, и доехать до «Дукоры». Здесь расположена опытная торфяная станция Института торфа Академии наук БССР, на которой испытывают новые способы добычи торфа, получают различные вещества из торфа. На опушке молодого дукорского сосняка строится первый в СССР опытный завод горного торфяного воска. В 1959 году он должен дать свою первую продукцию.

Кандидат технических наук Александр Антонович Куликовский показывает лабораторную установку по получению воска из торфа. Сухой фрезерный торф попадает в дробилку. Коричневые комочки становятся мелкой крошкой, просеиваются и поступают в баки-экстракторы. Здесь происходит самое главное. Десятки миниатюрных «дождевателей установок»—трубочек с мельчайшими отверстиями—орошают крошку. Только не водой, а бензином. Воск имеет способность растворяться в нем, как сахар в воде. Такой бензин, «подслащенный» воском, стекает вниз и перегоняется в испаритель. Стоит его немного подогреть—и бензин испарится, а на дне сосуда останется расплавленный воск. Потом его очищают, промывают, избавляя от случайных примесей. И он, наконец, застывает в твердую черную массу.

По такому же принципу будет получаться воск и на заводе: из каждой тонны торфа 50 килограммов воска,—говорит А. Куликовский.—Он заменит стеарин и будет почти в два раза дешевле его. А самое главное—позволит сэкономить тысячи тонн животных жиров, из которых сейчас делают стеарин. Наш воск особенно хорош, как показали испытания, для точного литья.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Молниеносный автомат

На кондитерских фабриках уже много лет автоматы завертывают конфеты в цветные этикетки с закрученными хвостиками. И довольно быстро: 140 и 200 штук в минуту.

Казалось бы, тут уж нечего делать конструктору. Но творческая мысль всегда найдет слабое место в машине: а почему только 140 или 200? Нельзя ли больше?

И вот недавно на смену существующим автоматам появился принципиально новый, самоуправляющийся автомат «ГАЗ-15». Он завертывает в минуту 450 карамелек, 7 штук в секунду. Надо сказать, что самая опытная работница завертывает в минуту не больше 30 конфет.

— За счет чего достигнута такая высокая производительность автомата?

Автор этого автомата, профессор Московского высшего технического училища Г. А. Шаумян, говорит:

— В основу конструкции автомата заложен принцип типографских ротационных машин, которые выполняют операции не последовательно, а параллельно, то есть все части и узлы работают одновременно. На одном из узлов за 0,12 секунды выполняются все восемь операций, необходимых при завертывании карамельки в этикетку. И все эти восемь операций автомат делает за один раз, а не по очереди, как в старых машинах.

Такая молниеносная скорость автомата возможна только при большой точности машины, значительно более высокой, чем точность часов.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Слесари-сборщики Н. Белков (слева) и С. Савкин, профессор Г. Шаумян и механик А. Лобанов у нового автомата.

Семьсот фотографий Ф. И. Шаляпина

Сентябрь 1918 года. В московском театре «Эрмитаж» идет опера Леонкавалло «Паяцы». Партию Тонио поет Федор Иванович Шаляпин. Он выступает в этой роли впервые.

И весь этот день студент Андрей Телешов мечется по городу в поисках фотопластинок. Наконец удастся

достать три пластинки. Он идет на спектакль и тотчас после его окончания на фоне принесенной кем-то простыни снимает Шаляпина.

...Мы рассматриваем эти фотографии, сделанные сорок лет назад. Их владелец — сын известного русского писателя Н. Д. Теле-

Портрет Ф. И. Шаляпина с автографом.

шова Андрей Николаевич рассказывает, что шаляпинские снимки он начал собирать еще в юности. В 1912 году у него появился первый альбом с фотографиями Шаляпина в ролях.

Шаляпин был другом Н. Д. Телешова и частым посетителем телешовских «сред». Известна фотография 1902 года: на ней М. Горький, С. Скиталец, И. Бунин, Л. Андреев и Н. Д. Телешов запечатлены вместе с Шаляпиным.

Коллекция А. Н. Телешова насчитывает около семисот фотографий. Здесь и Шаляпин-юноша, в узковатом пиджаке, с большими руками грузчика, только начинающий свою карьеру, и молодой Шаляпин-Грозный, когда он выступал в Москве, в частной опере Зимина. Вот Мельник в «Русалке», Сальери, Мефистофель в одноименной опере Бойто и в «Фаусте» Гуно, Дон-Кихот, Досифей, царь Борис. Пожалуй, нет ни одной вехи в творческом пути гениального певца, не отраженной в этом уникальном собрании.

Д. СУРГУНОВ

И. Е. Репин и Ф. И. Шаляпин в Куонкале.

По страницам журналов

ПОЛЕТ НА БОЛЬШИЕ ВЫСОТЫ. Сегодня это кажется еще мечтой, смелой, дерзновенной, но успехи советской науки все больше и больше приближают тот день, когда человек устремится в межпланетный мир, полный неизведанных тайн и опасностей. Главная трудность тут — обеспечить путешественнику благополучное возвращение на землю. Эту сложную проблему можно считать теперь решенной благодаря широким научным исследованиям и практическим опытам с животными, проводившимся в Советском Союзе в последние годы.

При помощи ракет животных поднимали на высоту в 100—200 километров, а приземляли на парашютах. В одном случае они находились в герметичной кабине головной части ракеты. На высоте 200—100 километров она отделялась от корпуса и свободно падала до 4 километров, затем включалась парашютная система. В другом случае животные располагались в негерметичной кабине; спуск их на землю обеспечивался индивидуальным парашютом. На высоте 85 километров из свободно падающей головки выстреливалась (катапультировалась) тележка с размещенной на ней собакой в скафандре и парашютом. Через три секунды полуавтомат раскрывал парашют, и собака с высоты 82 километров в скафандре с тележкой спускалась на землю. Иногда тележка с собакой выстреливалась на высоте 35—50 километров и свободно падала до 4 километров, где полуавтомат раскрывал парашют. Головка ракеты приземлялась на своем парашюте.

Опыты приземления животных с высоты 200 километров позволили нашим ученым и специалистам сделать твердый вывод, что безопасный спуск человека с высоты в 100 километров может быть надежно обеспечен с помощью парашютной системы головной части ракеты и индивидуального спасательного парашюта. Тем самым создается реальная возможность полета человека на большие высоты. («Вестник воздушного флота», № 7).

ВЕРТОЛЕТЫ — ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТ. В недалеком будущем в столицах и крупных центрах нашей страны впервые появится новый вид транспорта: вертолеты-автобусы. В перспективном плане, разработанном Академией коммунального хозяйства РСФСР, намечается использовать около шести тысяч вертолетов для обслуживания городского населения.

Советские специалисты сконструировали и дали в этом году Гражданскому Воздушному Флоту для эксплуатации первые комфортабельные вертолеты. Наши градостроители уже занимаются решением ряда задач, связанных с организацией внутригородского сообщения с помощью вертолетов: где прокладывать маршрутные вертолетные трассы (предполагается вести их над автомагистралями, каналами, парками, площадями), где оборудовать взлетно-посадочные площадки, — они, вероятно, будут расположены на крышах зданий, можно также использовать реки, большие пруды, заливы (журнал «Архитектура СССР», № 7).

После выступления «ОГОНЬКА»

Почему нет «слуховых очков»

В июне прошлого года в «Огоньке» была опубликована заметка о том, что с конца года будет начато производство полупроводниковых «слуховых очков», очень удобных для людей, частично утративших слух, причем удобных вдвойне, так как их можно использовать и как очки, заменив простые стекла соответствующими линзами или светофильтрами.

Чтобы правильно оценить это полезное начинание, следует напомнить, что среди населения имеется не менее одного — двух процентов тугоухих, то есть, иначе говоря, миллионы людей нуждаются в слуховых протезах, с помощью которых они могли бы восстановить свою трудоспособность.

Прошло уже более года, а «слуховых очков» все еще в продаже нет. В редакцию поступило очень много писем с просьбой сообщить, почему задержано производство этих аппаратов.

Вновь пущенный Московский завод слуховых аппаратов по плану должен изготовить в 1958 году пятнадцать тысяч «слуховых очков». Но лишь в июне нынешнего года завод изготовил пробную партию таких «очков». Почему?

«Слуховые очки» — точный и сложный прибор: в его оправу вмонтированы микрофон, телефон, усилитель, ре-

гулятор громкости, аккумулятор и другие крошечные детали.

Однако самые важные детали Московский завод слуховых аппаратов сам не изготавливает, а получает их на основе кооперирования производства от заводов-поставщиков. Так, еще в конце прошлого года Госплан РСФСР дал указание Ленинградскому совнархозу включить в план завода «Ленинская искра» изготовление ста тысяч аккумуляторов для «слуховых очков» начиная с первого квартала 1958 года, но директор завода Ф. А. Прокопенко этого указания не выполнил. Аккумуляторов до сих пор нет. Новосибирский совнархоз не выполнил поставки деталей.

Долго задерживал поставку электролитических конденсаторов и Государственный Комитет Совета Министров СССР по радиоэлектронике. Не удалось наладить выпуск уже готовых оправ для «слуховых очков» на Московском оптико-механическом заводе. Директор этого завода Н. К. Ломанов сдает только недоделанные оправы. А что стоило бы этому заводу, изготавлиющему два с половиной миллиона очков в год, сделать заодно еще двадцать тысяч готовых оправ для «слуховых очков»? И вот пришлось Московскому заводу слуховых аппаратов построить специальное отделение для того, чтобы доделывать... оправы.

В результате на Московском заводе слуховых аппаратов происходит не выпуск «слуховых очков», а только сдача их в неуклюжем виде на склад.

«КЛЮЧИК И ДВА СЕРДЦА...»

Под таким заголовком в журнале «Огонек» № 32 было опубликовано письмо читательницы Н. Бинштон, критиковавшей Ставропольский крайпромсовет за выпуск пошлых сувениров.

Заметка эта обсуждалась правлением Роспромсовета. Критические замечания читательницы признаны правильными. Ставропольскому крайпромсовету предложено снять с производства брошь, о которой писал «Огонек». В дальнейшем намечаемые к производству изделия должны утверждаться на совете Научно-исследовательского института художественной промышленности.

Летние встречи

А. ФЕДОРОВ

Москвичи этим летом тепло встречали представителей искусства многих зарубежных стран. Мы рассказываем здесь о некоторых из зарубежных коллективов, гастролировавших у нас.

...Стоя на открытой эстраде, Жоржи Гоуларт пел о красоте родной Бразилии. Песня лилась под сводами тихого киевского неба.

Но почему публика вдруг перестает слушать его? Все встают, аплодируют, смотрят куда-то в небо... Провал? Но ведь Жоржи не новичок. Эта песня, да и голос его, кажется, так нравились советским зрителям! Оказывается, в небе над театральной площадкой пролетел третий советский спутник. И тут уже зааплодировал и сам Жоржи и его коллеги — артисты бразильского радио, телевидения и кино. Концерт возобновился, аплодисменты, которые полагались Гоуларту, он получил сполна.

Артисты Бразилии с успехом выступали в Ленинграде, Киеве, Львове, Кишиневе, Москве. В колхозе «Виктория», под Кишиневом, их встретили гроздьями винограда, угощали молдавским вином. Вечером артисты пригласили колхозников на концерт. Порой кто-либо из выступавших улыбался, увидев в зале знакомого, с которым днем ходил по виноградникам.

Теперь бразильские артисты отправляются в народный Китай. Но песня их останется с нами: чуткие приборы уловили ее, записали на магнитную пленку.

Мария Елена Рапозо поет в сопровождении оркестра, которым дирижирует Пауло Моура, а за пультами сидят рядом бразильские и советские музыканты. Мария Елена очень довольна тем, как записала ее голос М. С. Светухина, звукорежиссер Дома звукозаписи.

— Си хорошо! — улыбаясь, говорит она и показывает большой палец — жест, который наши гости усвоили от кого-то в первый же день. — Спасибо!

— «Трема» по-польски значит «волнение», — объясняет директор цирка «Гриф» В. Стаховский. — Все сорок шесть наших артистов подвержены этому чувству перед спектаклями: они знают, что выступают в советской столице, имеющей лучший в мире цирк. И, несмотря на то, что программа наша идет в хорошем темпе, «трема» продолжает жить среди нас. Может быть, это и к лучшему: без волнения артист не артист.

У себя на родине мы размещаемся в сорока двух фургонах, в которых, по существу, протекает вся наша жизнь. И если судьба циркового артиста, мягко выражаясь, «бродяжничать» по свету, то у вас мы чувствуем себя как дома.

Машина шла из Внукова. Слегка утомленные полетом, артисты шведской королевской оперы и варьете заметно оживились, завидев освещенное вечерними лучами здание МГУ. Руководитель группы Курт-Эрик Ериклев, в десятый раз посещающий Москву, давал пояснения. Он на секунду прервал свое «вступление к гастролем», пораженный обилием новых домов, возникших по сторонам шоссе. Быть может, машина въезжает в город с какой-нибудь другой стороны? Да нет...

Шведское варьете не впервые в Москве. Ериклев примерно знает, что может понравиться нашему зрителю.

— Ради правды должен сказать, — пояснил он, — что у советского зрителя нелегко вызвать аплодисменты. Но уж если он увидел что-то достойное, то здесь его темперамент становится столь же бурным, как испанский, итальянский или латиноамериканский. И все же вчера перед премьерой я снял один номер: понял, что он слаб.

В аллеях парка ЦДСА в эти дни можно было встретить корейских юношей и девушек. Вместе с москвичами они приходят послушать концерт своих соотечественников — артистов Корейской Народно-Демократической Республики. В составе ансамбля артисты оперного театра, студенты консерватории, ученики Балетной школы Цой Сын Хи, Ансамбль Народной армии. Большой путь проделали корейские артисты. Они побывали в ГДР, в Польше, выступали перед зрителями Минска, Витебска, Смоленска.

— Везде нас хорошо встречали, — говорит руководитель поездки заместитель председателя Союза писателей КНДР товарищ Пак Пхалян, — и это не потому, что наша программа какая-то особенная, а потому, что нас любят в вашей стране. Мы это чувствовали повсюду. Порой, разговаривая с жителями Смоленска, города, так пострадавшего в дни войны, мы вспоминали наш Пхеньян, который тоже пострадал в освободительной войне, а сейчас стал тоже прекрасным, пожалуй, даже лучше, чем был раньше. Ваши успехи — это и наши успехи. Мы очень рады, что смогли повидать жизнь в вашей стране, что увидим еще больше, посетив Рязань, Куйбышев, Петропавловск, Алма-Ату, Иркутск, Читу.

Анненхи кесипсио! До свидания! — говорит на прощание товарищ Пак Пхалян.

Словно в стремительном водовороте мелькают перед зрителем во всевозможных положениях польские роликбежцы Лотис.

Польские дрессировщики Мушинские одевают своих питомцев перед... футбольным матчем, который сопровождается громким лаем собак и смехом зрителей.

Быть может, живущий в этом фургончике вместе с родителями мальчуган — будущий акробат или жонглер.

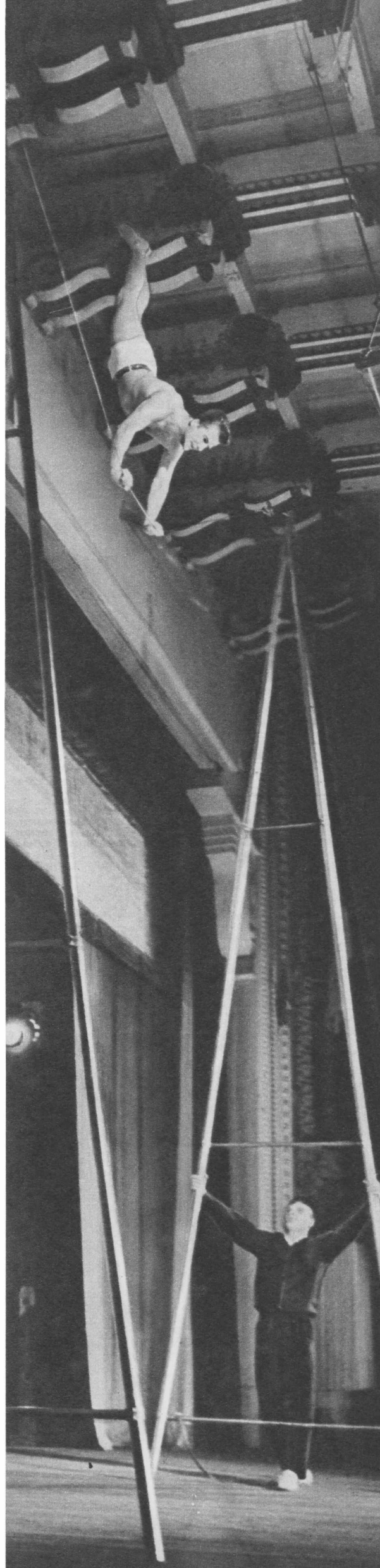
Бразильский артист Сунинги поет, танцует, играет на контрабасе. Но такой странный инструмент он видит впервые. Оказывается, на нем можно играть, почти как на контрабасе!

Шведский артист Ингвар Андерссон, балансируя на проволоке, выполняет сложный и опасный номер.

В студии звукозаписи. Идет запись бразильской песни «Мышеловка» в исполнении вокально-танцевального квартета «Фарроупилья».

Корейские артисты в парке Центрального Дома Советской Армии перед концертом.

Коллекция оружия

В хранилищах Государственного исторического музея в Москве свыше 19 тысяч экспонатов оружия. Здесь образцы вооружения многих армий — от пищалей и мушкетов до ружей первой мировой войны; охотничье оружие — от кремневых систем до моделей 1917 года. Искуснейшая гравировка, инкрустация, резьба по дереву, чеканка золотом, отделка драгоценными камнями, сталь булатная, витая, дамасская — все это характеризует ту или иную эпоху. Интересную коллекцию передал музею в 1912 году граф Бионкур.

В хранилище музея.

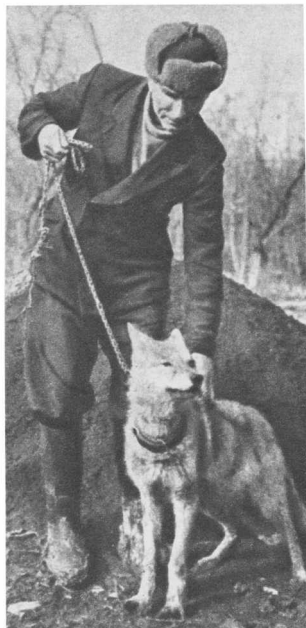
К сожалению, в настоящее время эта коллекция пополняется лишь случайными экспонатами. Наши знаменитые оружейные заводы — тульские, ижевские — изготовляют прекрасное охотничье и целевое оружие, но в музее оно не представлено.

Москва.

Майор Б. БЕЛИКОВ

С волком на волков

Мерген — кличка волка, что значит по-русски «охотник». Он послушно выполняет самые разнообразные команды и требования хозяина, ожидая в вознаграждение кусок сахара. Григорий Степанович Дыханов-

ский, проживающий в Нальчике, сорок лет занимается охотой. Весной прошлого года он взял на воспитание двухнедельного волчонка. Выкормила его овчарка Знайка. Сейчас Мерген питается в основном вареной пищей. Ходит с хозяином и по городу и в отдаленные лесные места.

Вот случай охоты с Мергеном на волков.

Чабаны и табунщики перегоняли колхозные стада вслед за отступающей полосой снегов. На одной из троп овец вдруг шарахнулись, встали. Дыхановский с Мергеном пробрались через стадо, увидели двух зарезанных баранов. Начали искать следы хищников. Заросли труднопроходимые, и к тому же волки умеют ловко запутывать свои следы. Но Мерген кинулся к ручью, прошел по его течению и стал взбираться на скалу, в которой была узкая щель. Привязав волка и спрятавшись в засаде, охотник скомандовал: «Пой!» Через какие-нибудь пять минут Дыхановский услышал рычание зверей и выстрелил. В темноте трудно было разобзреть, попал ли выстрел в цель, но утром был обнаружен убитый волк — отец семейства, который сумел смертельно раненный, уйти на двести метров.

А. ДИДЕНКО

Нальчик.

Фото И. Колесникова.

Дагерротип 1852 года

18 мая 1852 года М. И. Глинка снимался в Петербурге со своей сестрой Л. И. Шестаковой в фотографии Н. Ануфриева на Невском проспекте. Об этом свидетельствует запись, сделанная сестрой композитора: «Снят Левицким Дагерротип 1852 года. 18 мая Л. Шестакова». Сорок лет спустя Л. И. Шестакова подарила портрет редактору издававшейся в Петербурге «Русской музыкальной газеты» Н. Финдейзену, родственники которого передали фотографию мне.

Ленинград.

С. ШПИЦЕР

Каменный лев

Меня, шофера и фотографа-любителя, привлекли причудливые камни, напоминающие льва. Находится эта «шутка природы» в лесу, в пятнадцати километрах от Читы.

Чита.

П. БЕЯДИН

«ХОЧУ ПОКАЗАТЬ ГРИБ»

Я второй год получаю «Огонек» и всегда читаю его от корки до корки. У меня нет терпения и времени заниматься русской грамматикой по учебникам. Русский язык я выучил по «Огоньку». Теперь редко попадает слово, которого я не понимаю.

Почему я пишу вам?

Хочу благодарить за уроки русского языка. Хочу показать гриб необыкновенных размеров. Гриб съедобный, весит он 8 200 граммов. Я читал в газете, что в одном из районов Венгрии нашли гриб весом в 3 500 граммов, который послужил обедом для семи семей. Гриб, сфотографированный мною, почти в два с половиной раза больше.

Доктор Келлер ШТЕФАН

Румынская Народная Республика, Тимишоарская область, район Оравица, санаторий.

Соорудить памятник русским кораблестроителям

Письмо писателя.

Многие сотни километров отделяют Воронеж от морских рубежей, но этому, так сказать, вполне «сухопутному» городу пришлось свыше 260 лет назад сыграть исключительную роль в создании русского военно-морского флота, в борьбе России за выход к Азовскому и Черному морям. У нас в Воронеже и в некоторых других местах, расположенных недалеко от него, начиная с 1695 года проходило строительство боевых кораблей для Азовской флотилии Петра.

Весной 1696 года около пятидесяти военных кораблей и несколько сот стругов, построенных или собранных из отдельных частей на четырех судовых верфях, расположенных на реке Воронеж, отправились в поход и успешно выполнили задачу, поставленную Петром, — заняли Азовскую крепость. Строительство кораблей продолжалось в Воронеже до 1711 года.

Что же в наши дни напоминает воронежцам об этом интересном периоде в истории города? На центральной магистрали — проспекте Революции — установлен памятник Петру Первому. В годы оккупации Воронежа гитлеровцы похитили статую, но после войны монумент был восстановлен.

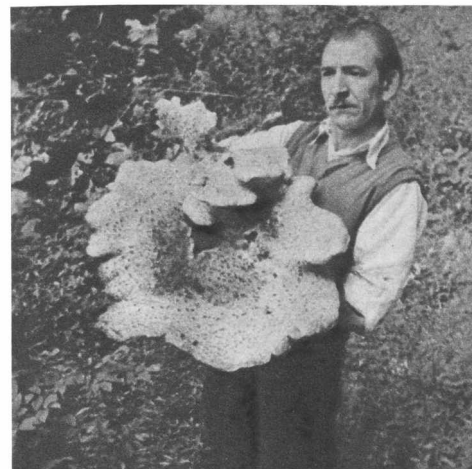
К сожалению, время не пощадило зданий Петровской эпохи. В наши дни во всем городе сохранилось только одно из них: это так называемая Успенская церковь.

Но мне бы хотелось обратить внимание общественности на судьбу другого свидетеля «славных дней Петра», на здание, которое в предвоенные годы возвышалось на острове, недалеко от Успенской церкви. В пору минувшей войны оно было разрушено, и сейчас исчезают последние следы его фундамента. Пройдет еще лет десять, и мало кто вспомнит, что именно здесь, на острове, находился своеобразный центр кораблестроения. Уже сейчас на этом острове ничто не напоминает о том, что тут размещались корабельные верфи, смоляные фабрики, пильные мельницы, дома корабельных мастеров, дворец самого Петра.

Не следует ли соорудить на этом историческом месте памятник в честь создателей русского военно-морского флота, в честь сотен и тысяч безымянных русских кораблестроителей, в честь отважных русских моряков и флотоводцев, которые отсюда начали свой исторический поход к Азовскому морю?

Б. МИРОТВОРЦЕВ

Воронеж.

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

На рисунке — фигура русской балерины, поодаль — Василий Блаженный с его резными куполами, а рядом — человек в чалме. Он с дружеским лукавством смотрит на балерину, и приглашающий его жест означает: «Добро пожаловать в Индию».

Этот рисунок попался мне на глаза в кабине самолета компании «Эйр Индия Интернейшнл». А очутился я здесь после того, как получил письмо следующего содержания:

«В день одиннадцатилетия независимости Индии мы имеем удовольствие открыть прямое воздушное сообщение между СССР и Индией. В этот памятный день мы с радостью окажемся в обществе наших гостей на борту самолета, торжественный вылет которого из Москвы состоится 15 августа 1958 года».

В книге «Открытие Индии» Джавахарлал Неру пишет: «Затем пришли англичане, закрывшие все двери и преградившие все пути, связывавшие нас с нашими соседями в Азии. Были открыты новые морские пути, приближавшие нас к Европе, и особенно к Англии, но дальнейшим сухопутным связям между Индией, с одной стороны, и Ираном, Средней Азией и Китаем — с другой, суждено было прерваться до самого последнего времени, когда развитие авиасвязи позволило нам восстановить старое общение. Этот внезапный отрыв от остальной Азии был одним из самых значительных и прискорбных последствий английского владычества в Индии».

...Мы летим в Дели на самолете индийской авиаком-

пании с одной посадкой — в Ташкенте.

В нашем самолете — представители МИДА, дипломаты из стран Юго-Восточной Азии, сотрудники «Интуриста», Министерства связи, Аэрофлота. Каждый из них говорит о том, как новая воздушная линия поможет расширить туризм, увеличит число пассажиров, ускорит доставку грузов и почты...

Из кабины пилота вышел седой человек. Глядя на него, нетрудно догадаться, что он прошел немалую летную жизнь. Так и есть. Капитан К. Вишванатх, ведущий наш самолет, шеф-пилот компании «Эйр Индия Интернейшнл», летает уже 25 лет.

— Экипаж поддерживает сейчас прямую радиотелефонную связь с Москвой и Ташкентом одновременно, — говорит Вишванатх. — Удалось связаться и с Нью-Дели.

Упомянув о работе советской наземной службы, Вишванатх поднимает кверху большой палец.

О нашем местонахождении регулярно сообщает по радио второй пилот Д. Биллимория, мягко произнося названия русских городов.

Сквозь приоткрытую дверь пилотской кабины донесся голос штурмана М. Рхандани: «Спасибо! Кыюйбыве!» Он перешел на связь с Ташкентом.

Лучи утреннего солнца золотили плоскости «ТУ» и «Илов», стоявших в ташкентском аэропорту, когда наша машина совершила здесь посадку. Пассажиры, улетающие по разным маршрутам из узбекской столицы, с интересом смотрели на наш четырехмоторный серебристо-красный корабль, который, словно слегка спортивная, стоял возле аэровокзала.

В Ташкенте к нам присоединились еще три гостя индийской авиакомпании: председатель городского совета Л. Юлдашев, заместитель министра здравоохранения Х. И. Юсупова и командир отряда гражданского воздушного флота летчик

А. Тайметов. Вот он уже в пилотской кабине. Справа виднеется форменная фуражка индийской компании, слева — узбекская тюбетейка. Тот же язык жестов, но профессионалы прекрасно понимают друг друга. Вишванатх интересуется, на каких самолетах летает Тайметов; узбекский летчик изучает машину, которую ведет сейчас индийский пилот над горами Хингана.

Самолет обжиг, как вагон поезда, находящегося несколько дней в пути. Мужчины разговаривают о делах, женщины просматривают журналы мод, дети бегают, гоняясь друг за другом.

И вот — Дели... В фюзеляже еще держится набранная на высоте прохлада. Снаружи нас встречает приветливое индийское солнце, правда, чересчур приветливое для нас, жителей северных широт. По традиции, так хорошо уже знакомой советским людям, индийские друзья укрывают нас гирляндами цветов.

Все последующие дни мы непрерывно ощущали на себе заботу и внимание, которыми окружила нас компания «Эйр Индия Интернейшнл». Осматривали ли мы древние памятники Индии, или находились на концерте индийских танцовщиц, завтракали ли где-нибудь возле дороги — всюду нам сопутствовало доброе гостеприимство.

На террасе ресторана в древнем городе Агре — дрезировщик воробьев, владелец кобр и мангуст, продавец сувениров и миниатюрных изображений Тадж-Махала. А господин Менон, один из директоров компании «Эйр Индия Интернейшнл», говорит о будущем новой авиалинии:

— С 1948 года наша компания стала государственной. У нас есть воздушные линии, связывающие Индию с Парижем, Лондоном, Токио, Кенней, Австралией, Прагой, Женевой. Но линия с Москвой будет одной из самых популярных в мире. Во-первых, она короче других ли-

Советский «ТУ» заправляют на делийском аэродроме.

ний, связывающих нас с Европой, а следовательно, и дешевле. Во-вторых, авиалиния еще теснее свяжет две наши дружественные державы. Наша компания налаживает связь и с Пекином, столицей нового Китая. — Наш собеседник немного задумался и продолжал: — Сейчас многое меняется в мире. Народы Азии больше не верят фальшивым идеям. Цветные люди познали за последнее время, что мир принадлежит не богачам, а людям, предпочитающим работать!..

Раннее утро, но на делийском аэродроме много народа. Сегодня прилетает из Москвы первым регулярным рейсом по новой линии советский «ТУ-104». Выстроился персонал компании в белой форме, прибыли официальные лица.

На черной грифельной доске появляется надпись: «ТУ»,

«Аэрофлот», «Соболев» — это фамилия пилота, ведущего машину. И вот воздушный лайнер уже над аэродромом.

— Хорошо! — восклицает стоящий рядом индийский летчик, увидев, как резко сократил пилот пробегку огромной машины по бетонной дорожке.

— Мы шли на высоте 10 тысяч метров, — рассказывает К. В. Соболев. — Привезли 50 взрослых и 7 детей. Полторы тонны груза. Полет занял 6 часов 5 минут. Ну, вот вроде и все...

Из кабины выходят пассажиры. Выгружают почту и грузы. Есть и такой груз, который мог прибыть только с первым рейсом. Один из самых популярных видов коллекционирования у филателистов — это собирание марок со штампами первых воздушных рейсов. «ТУ» привез три тысячи конвертов с марками, на которых в Москве поставили штамп «Первый полет Москва — Дели — Москва 18 августа 58 года». Эти конверты проштемпелюют в Дели 19-м числом, и они уйдут обратно в Москву.

Завтра на «ТУ» улетят, разумеется, не только конверты. Отправятся пассажиры в Москву и Европу. Теперь путь от Дели до Парижа займет не 32 часа, а только 10. Для делового человека это экономия времени, для туриста — счастливый случай повидать Москву...

Мы садимся в ту же машину, что привезла нас сюда, обогащенные массой впечатлений, переполненные сердечными чувствами и вновь приобретенным дружеским. Стюард П. Райан, летевший с нами из Москвы, говорит нам «здрассте». За штурвалом теперь Д. Биллимория, летевший сюда вторым пилотом.

Ташкент. В руках у стюардесс цветы. Три наших узбекских товарища, прилетевших в родной город, ухаживают за стюардессами, угощают их, экипаж, пассажиров чудесными узбекскими дынями. «Большое вкусно, очень спасибо», — слышится в ресторане...

Отзвучали названия городов, над которыми мы пролетели. Индийские друзья расспрашивают о достопримечательностях Москвы, — им надо так много повидать, а времени в обрез: завтра вечером назад, в Дели.

— Внуково, — мягко объявляет Д. Биллимория.

Мы прощаемся со спутниками, с экипажем, отлично доставившим нас домой.

Линия Москва — Дели живет уже полноценной жизнью. У нее большое будущее. Воздушные ворота в Индию открыты.

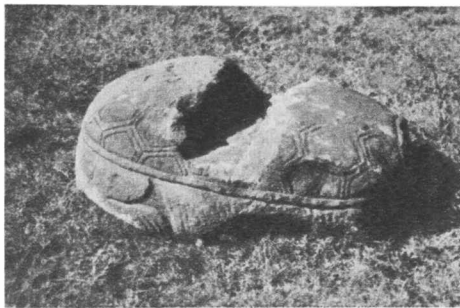
Москва — Дели — Москва.

В диспетчерской аэропорта Дели.

Город каракитаев

Долгое время наука считала, что древнее население Тувы было только кочевым. Но вот на правом берегу реки Элегест, в Центральной Туве, археологическая экспедиция Московского университета раскопала большой город, который оказался столицей северной провинции государства Си-Ляо (Западное Ляо).

Каменная черепаха.

С X века в Северном Китае под названием династии Ляо господствовал сильный народ — каракитаи. В начале XII века каракитаи были вытеснены другими племенами, бежали на запад и в 1124 году основали государство Си-Ляо. Археологи нашли богатое по архитектуре административное здание — канцелярию каракитайского князя-наместника, жилые дома, металлургические мастерские. Город был центром земледелия, ремесла, торговли. Об этом говорят сельскохозяйственные орудия, зерна конопля и проса, посуда, китайские монеты.

Вскоре экспедиция открыла еще одно каракитайское поселение. Очевидно, оно являлось религиозным центром государства. Из-под земли извлечены статуи будды, буддийских львов и каменная черепаха около тонны весом — символ мудрости.

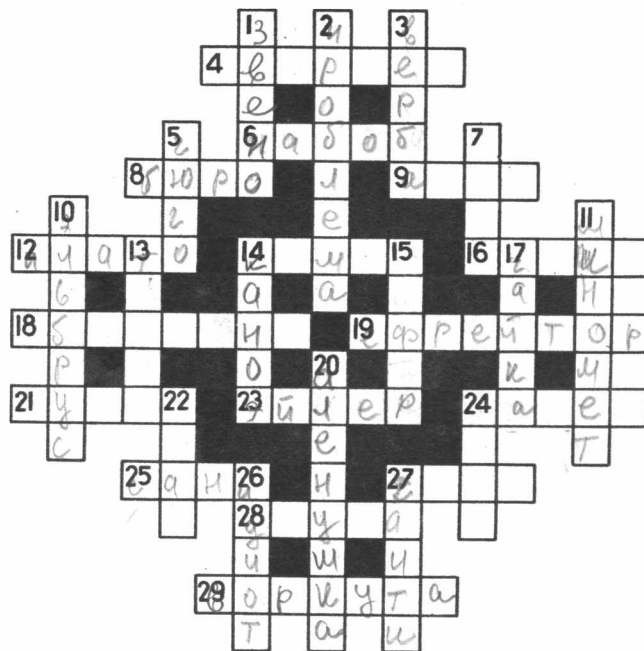
Раскопки сделали более понятными некоторые средневековые древности Тувы, — рассказал начальник экспедиции кандидат исторических наук Л. Кызласов. — Например, в Туве есть много насыпных дорог, известных под названием «дороги Чингисхана». Оказалось, они были сооружены каракитаями. Город просуществовал недолго: в XIII веке он был заброшен. Каракитаев вытеснили монголы, создавшие государство под водительством Чингисхана.

И. КАРТАШОВА
Фото В. Сухова.

Сирийские пословицы

Кто не пьет из ладони, умрет от жажды.
Что муравей соберет за год, верблюд проглотит одним глотком.
Кривой — султан среди слепых.
Брось его в море — вынырнет с рыбой в зубах!
Кто украл яйцо, украдет и верблюда.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Ансамбль. 6. Роман А. Додэ. 8. Вид письменного стола. 9. Русский график XIX века. 12. Название равнинных областей в Южной Америке. 14. Киргизский музыкальный инструмент. 16. Автор пьесы «Станок воды». 18. Героиня романа Л. Н. Толстого. 19. Военное звание. 21. Шахматная фигура. 23. Математик, физик и астроном XVIII века. 24. Большая переносная палатка. 25. Зимняя повозка. 27. Часть шахтной печи. 28. Плодовое дерево. 29. Город в Коми АССР.

По вертикали:

1. Строевое подразделение в частях авиации. 2. Сложный вопрос, требующий разрешения. 3. Народное название разных видов ивы. 5. Французский писатель XIX века. 7. Распространенный минерал белого цвета. 10. Вершина Главного Кавказского хребта. 11. Орудие навесного огня. 13. Стебель вьющегося растения. 14. Спортивная лодка. 15. Хлопчатобумажная ткань. 17. Птица северных районов. 20. Картина В. М. Васнецова. 22. Полуостров на северо-западе Азии. 24. Подземная горная выработка. 26. Произведение Ф. М. Достоевского. 27. Один из Больших Антильских островов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

7. «Крушение». 8. Пудовкин. 10. Ягель. 11. Спорт. 13. Кокос. 17. Станарель. 18. Полимер. 19. Лежбище. 21. «Маргарита». 23. «Сны». 24. Эвеш. 26. Клерк. 28. Биохимия. 29. Солончак.

По вертикали:

1. Брамс. 2. Белорус. 3. Милля. 4. Чудь. 5. Консоль. 6. Силос. 9. Феллах. 12. Подборщик. 14. Оснащение. 15. Кафедра. 16. Деление. 20. Лайнер. 21. Мефодий. 22. Артишок. 23. Софит. 25. Шакал. 26. «Канн». 27. Крот.

На вкладках этого номера: репродукции картин с выставки «Станислав Выспяньский и художники его времени» и четыре странички цветных фотографий.

Дерево бо

При каждом храме на Цейлоне имеется священное дерево бо, темная его зелень подчас украшают ленты и кусочки ярких тканей. В некоторых местах вокруг ствола поднимаются каменные головы кобр, служивших символом величия и могущества.

Существует легенда, что две с половиной тысячи лет назад сын владетельного индийского князя, отказавшийся от знатности и богатства, провел много времени в размышлении под сенью смоковницы. Он пытался понять, почему существуют несчастья в мире, почему люди враждуют и ссорятся... Ветвь

этой смоковницы, по преданию, была перевезена из Индии на Цейлон и превратилась здесь в большое дерево. Из его отводков якобы и выросли все те деревья, которые имеются теперь при каждом храме.

В давние времена дерево называлось «бодхи-тару», что на языке пали означает «дерево познания». Затем название сократили, и оно превратилось в бо.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук, профессор МГУ.
Фото автора.

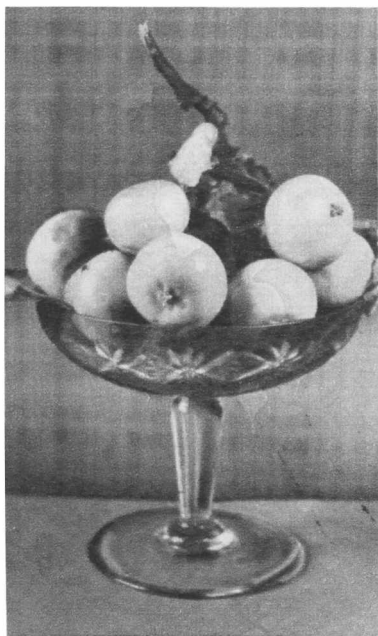
МОДНЫЙ ВСАДНИК.

Изошутка Э. Змойра.

Гроздь яблок

Слово «гроздь» обычно неприменимо к яблокам. Вы видите четырнадцать яблок «Боровинка» на одной ветке. Эта гроздь заняла всю вазу. В нынешнем году хорошо уродились яблоки, и деревья в нашем саду были похожи на виноградные лозы.

Г. И. К. ПОЛЯКОВЫ
Рыльск,
Курская область.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Научи и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08426. Подписано к печати 4/IX 1958 г. Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 420 000. Изд. № 897. Заказ № 1863.

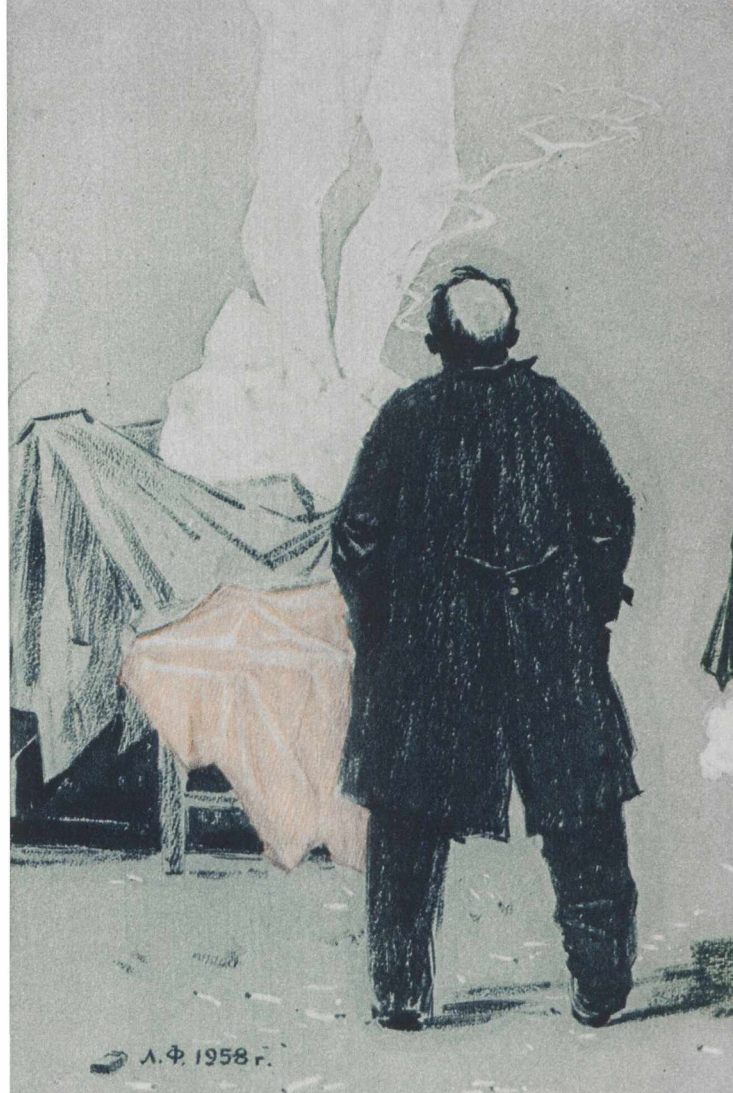
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Л. А. ФАТТАХОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР и Татарской АССР
Казань.

«Творческая беседа».

В любых условиях.

Создание монумента.

Цена номера 3 руб.

